

ԱԿՅՆ ՄԱԿՐԱՈՒ

ԵՐԿՐ ՀԱՄԵՐԱՏՅԱ

ՐՕՄԱՆ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Яков Шафран

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Роман

2015

ББК 84(2)6
Ш 30

Яков Шафран. Круг замкнулся: роман / Сост. Я.Н. Шафран. — Тула: Изд-во «Папирус», 2015. — 308 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-906711-07-6

Действие романа Якова Шафрана «Круг замкнулся» охватывает период с 1913 по 2009 год. Любовь, семья, дети, работа, бытовые и социальные проблемы героев предстают перед читателем на фоне исторических и общественных коллизий разных лет. Духовно-нравственные поиски, выбор своего пути, переплетение личного и общего происходят у персонажей порой в условиях далеко не тепличных, а иногда и в борьбе за существование, что не мудрено, ибо они — дети России, страны с непростой судьбой. В произведении даются экскурсы и в древнюю историю, ибо известно — от качества анализа прошлого во многом зависит будущее.

ISBN 978-5-906711-07-6

© Шафран Яков Наумович,
2015
© Шафран Яков Наумович,
оригинал-макет, оформление,
2015
© Издательство «Папирус»,
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. С высоты шестнадцатого этажа.....	6
Глава 2. «А в отдельной роте скучать не приходилось...».....	10
Глава 3. «Получится, обязательно заработает!».....	15
Глава 4. Парадоксы и закономерности лихого времени.....	19
Глава 5. Давний спор.....	22
Глава 6. «Правд много — истина одна».....	27
Глава 7. «...Тогда мы были молодыми!».....	32
Глава 8. Размышления о любви, и... неожиданная встреча под дождем.....	38
Глава 9. Ударники капиталистического труда.....	45
Глава 10. В «городе мертвых». И «сколько нам открытий чудных» приготовил путь в Коломну.....	50
Глава 11. Мастер-класс на Оке.....	56
Глава 12. «Готовься, Курилов, к штурму чиновничьей цитадели!».....	61
Глава 13. Все уже позади?.....	66
Глава 14. Помни о «Древе» своем!.....	69
Глава 15. Любовь и... любовь.....	72
Глава 16. Куда кривая выведет, или?.....	76
Глава 17. Рак, щука и лебедь.....	79

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 18. От эмоций — к делу.....	83
Глава 19. Январь 1913-го. Разговор двух рабочих.....	91
Глава 20. «Как бы потом не было поздно...».....	94
Глава 21. «Пришел к тебе за помощью, а тебе самому помогать нужно».....	98
Глава 22. Невеселые рассуждения.....	102
Глава 23. Сказка, сон или сладостный плен?.....	104
Глава 24. Все сразу и сейчас!.....	109

Глава 25. «Изба горит, а разбойники смеются...».....	115
Глава 26. «Начинаем работать!» Но... есть еще один вопрос.....	121
Глава 27. Несмотря на «инсталляции» и «перфомансы».....	125
Глава 28. Спросил... и проснулся.....	131
Глава 29. Куда глаза глядят.....	137

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>Глава 30. «Покажи мне веру твою без дел твоих...».....</i>	<i>140</i>
<i>Глава 31. Инфекция и карантин.....</i>	<i>142</i>
Глава 32. Рубикон перейден.....	149
Глава 33. Человек «второго сорта»?.....	155
Глава 34. Ностальгия.....	161
<i>Глава 35. Новая встреча Григория и Ивана.....</i>	<i>167</i>
Глава 36. Один день Курилова без автомашины.....	172
Глава 37. Живи, работай и радуйся! Но не тут-то было... ..	175
Глава 38. Добрые и добренькие.....	180
Глава 39. Происшествие в воздухе и целебный источник.....	182
Глава 40. Путешествие с отвлечением на петушиные бои.....	190
Глава 41. В хороших местах и мысли хорошие.....	196
<i>Глава 42. Встреча в Болгарии. Продолжение давнего спора.....</i>	<i>199</i>
<i>Глава 43. Книга. Начало противостояния.....</i>	<i>206</i>
<i>Глава 44. Книга. Истинные цели и различия.....</i>	<i>212</i>
<i>Глава 45. Книга. Падение и позор — только ли следствие внешних причин?.....</i>	<i>217</i>

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 46. И в одночасье стал подследственным.....	224
Глава 47. В лоне семьи. Момент истины.....	230
Глава 48. Папка «Морока». Серьезный разговор	

<i>Глава 51. На отдыхе в Ялте. Метаморфоза, и ее корни.....</i>	<i>247</i>
<i>Глава 52. Возвращение. Неожиданная встреча.....</i>	<i>251</i>
<i>Глава 53. Тайная тетрадь. Последний сон.....</i>	<i>254</i>
<i>Глава 54. Суд.....</i>	<i>259</i>
<i>Глава 55. Закулисная сделка. Дело закончилось кредитом.....</i>	<i>263</i>
<i>Глава 56. Шантаж. «Чудесное» исцеление.....</i>	<i>269</i>
<i>Глава 57. Приключения синей тетради.....</i>	<i>277</i>
<i>Глава 58. Меры за мерами — результата нет.</i>	
Мечты Курилова.....	279
<i>Глава 59. Необычный охранник.....</i>	<i>283</i>
<i>Глава 60. Рождественский сочельник. «Каково око,</i>	
<i>таков и человек».....</i>	<i>287</i>
<i>Глава 61. Встреча правнуков. Круг замкнулся. Путь.....</i>	<i>294</i>

✦ Круг замкнулся -6- Роман ✦
*Уважение к минувшему — вот черта,
отличающая образованность от дикости.
А.С. Пушкин*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

С высоты шестнадцатого этажа

Разве можно оставаться человеком без связи с тем местом, где живешь? И может ли место что-то означать без людей, его населяющих? Если говорить о месте должностном, карьерном, то права пословица: «Не место красит человека, а человек место». Но место жительства со всей его историей жизнетворений — от самых малых до величайших по духу и результатам — накладывает свои характерные черты, красит его. И человек богатством своей души, мыслями и делами созидает душу того края, где он живет, работает, творит — красит свое место.

С высоты шестнадцатого этажа город был как на ладони. Андрей Курилов с другом Игорем Перерушевым стоял на площадке плоской крыши у парапета. Они любовались городскими пейзажами, которым заходящее солнце придавало совершенно особые тона и полутона и наполняло необъяснимым содержанием, свойственным только закатной поре.

Курилов, руководитель фирмы, любил общаться с друзьями и знакомыми. Вот и сегодня, встретив Игоря на улице, предложил ему по старой памяти — поскольку оба были в это время свободны — подняться на крышу высотки, в которой жил приятель, и всегда, сколько Андрей его помнил, имел ключ от чердачного люка, и там, в поднебесной относительной тиши, поговорить, повспоминать.

Андрей прожил в Патрушевске почти всю жизнь, любил весь в зелени город, со старинными домами, помнящими многих знаменитостей и интересные события, любил новые улицы и проспекты с современными многоэтажными домами.

Вот там, вдали, виднеется и его родная улица, где он мальчишкой со сверстниками гонял на велосипеде, играл в «русских и немцев» и в живые, подвижные игры, которые теперешним детям заменили виртуальные обманы.

Набегавшись, он возвращался к себе, в крепкий одноэтажный деревянный дом, где они со старшим братом жили тогда еще с отцом и матерью, и с упоением принимался за книги. А читать он любил. Первыми из прочитанных были «Робинзон Крузо», «Том Сойер», «Гекльберри Финн», произведения Фенимора Купера и «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» Волкова. Андрей не просто читал, а впитывал черты характера героя, который ему нравился, все необыкновенные ситуации, где требовались находчивость, воля к преодолению трудных обстоятельств и препятствий и другие качества победителя.

Недалеко от их дома было кафе, где мать Мария Васильевна работала буфетчицей. А рядом в здании бывшего храма располагался в то время склад промышленных товаров. И сторож дядя Василий, всегда слегка пьяный, частенько заходявший в кафе выпить, приносил Андрюхе почитать старинные книги с «ть», валявшиеся в темных пыльных углах этого склада вместе со всяким ненужным хламом. Эти книги обладали необыкновенной притягательностью, создаваемой и необычным внешним видом, и старым шрифтом, и пожелтевшими страницами, и даже запахом бумажной ветхости, усиливающей впечатление от их старинности. Некоторые из этих книг Андрей относил в букинистический магазин, а остальные оставлял у себя. Среди них было несколько сборников поэзии. Может быть, от этого появилась у Андрея тяга к поэзии и стихотворчеству...

— Хороший вечер,— прервал молчание Игорь.

— Да. И сегодня какой-то особенно хороший!— согласился Курилов, задумчиво гася сигарету в баночке из-под консервов, стоящей на бетонном полу у парапета.— Жаль только — редко могу теперь здесь бывать.

— Приходи чаще! Ты же знаешь, я всегда рад тебя видеть...

— Где времени свободного столько взять?— улыбнулся Андрей.

Вдали, правее храма, за улицей и железной дорогой, среди деревьев виднелась крыша школы, где он учился...

Да, школа, школьные годы... Интересное было время, особенно с восьмого по десятый класс. И самые любимые учителя — Степан Григорьевич и Павел Петрович.

Степан Григорьевич, учитель химии, весной и осенью частенько устраивал практические занятия на природе. Они собирались в Башатовском саду, у лодочной станции — «сковородки», как ее называли. Учитель кормил их блинами, приготовленными на сковороде, стоящей на невысокой треноге над тлеющими углями, и устраивал опыты по своему предмету, настолько интересные и увлекательные, что усваивались на всю жизнь. Потом они катались на лодках, после чего отдохнувшими и полными знаний возвращались домой.

А учитель физкультуры Павел Петрович, герой войны, с большим, наколотым на груди орлом, иногда, после занятий уводил желающих в двадцатикилометровый поход в Домлатовку. Там был большой яблоневый сад. В феврале и марте они шли туда на лыжах и после отдыха обрезали деревья. Когда же сходил снег, и земля подсыхала, совершали пешие походы, чтобы ухаживать за садом и делать необходимые сезонные работы. Вволю потрудившись, они разводили костер, готовили на нем еду, пели песни. Летом оставались и на ночевку в палатках.

Став взрослыми, ребята на всю жизнь сохранили благодарность любимым учителям за знания и навыки, за вложенную в душу любовь к природе и физической культуре, за привитую привычку ухаживать за землей, на которой живешь.

Говорят, что в старости — родина там, где тебе тепло, где тишина и покой. Но Андрей с этим никогда не согласится, для него родина — это, прежде всего, корни, память, друзья.

«Давненько не был на могилках матери и учителей. А ведь раньше часто посещал их», — подумал Андрей и закурил.

— На кладбище надо бы съездить... — произнес он.

— Давай вместе, мне своих тоже нужно проведать, — поддержал его Игорь.

— В воскресенье и съездим!..

— В воскресенье я собираюсь в Коломну, давно обещал проведать родных...

— Слушай, так у меня же там партнеры есть!

— Вот давай вместе и съездим!

— Смотри, что мы можем сделать: с утра в воскресенье — на кладбище, а потом — в Коломну. Часа в три-четыре будем там. Ты как?

— Заметано! Утром заеду за тобой...

Мысли Курилова вновь вернулись в прошлое, к матери. Мама, мама... Она умерла в 1979-м, когда ему было четырнадцать лет. «Скорую» ждали два с половиной часа. Он каждые десять минут бегал встречать ее на улицу. Но бригада приехала, когда мама была уже мертва. У нее случился инсульт. А ведь, чтобы спасти, как потом выяснилось, достаточно было одного укола. Все это стояло у него перед глазами, как будто прошло не двадцать восемь лет с того дня, а случилось только вчера.

Отец недолго прожил с детьми — нашел другую женщину и ушел. Андрей со старшим на два года братом Валерием жили одни и не в благоустроенной квартире, а в частном доме. Родственники, конечно, по мере возможности, помогали и деньгами, и продуктами, но мальчики нуждались. Потому Андрей, повзрослев, никогда обжорством не отличался, хотя был период, когда ел и не мог наесться.

Рядом со школой был заводской стадион. Когда над ним вился черный дым, ребята знали — это жгут списанный инвентарь — и бежали таскать из огня клюшки, коньки и мячи. Воровали цветы из теплиц. Этим тоже немного пробавлялись. В каникулы и выходные предоставленные сами себе длиноволосые пацаны днями напролет слушали музыку, выпивали, играли в карты на деньги (нужда заставляла быть поумнее, обостряла мышление, потому чаще других выигрывали), хулиганили в Комсомольском парке. Скорее, играли в хулиганов на публику, не думая о последствиях. Но дохулигались до того (сечь было некому), что одного парнишку избили до полусмерти. Брата Валерия — «храбреца из храбрцев», — как основного организатора драки, посадили. Как он потом рассказывал, — вдруг, после такой свободы оказался в камере предварительного заключения — маленькой темной комнате со спертым воздухом, с небольшим зарешеченным окошком сверху... Остальные отделались более легким наказанием — пятнадцатью сутками с метлами. Но все же это побавило их пыл, да и повзрослели чуть.

На смену этому, не очень приятному воспоминанию, навер-

ное, по принципу «черное-белое», пришло другое: заросший деревьями и кустарником берег широкой, спокойной, залитой солнцем реки в деревне, куда они с матерью, когда она была еще жива, ездили к родичам, и где она оставляла его на летние каникулы; дощатый мостик и женщина, полощущая белье; ярко зеленая трава и клубящийся вдаль, в верхушках деревьев, туман. Теперь он мог бы часами сидеть и смотреть на гладь воды, на все, происходящее вокруг, но тогда их больше занимало постоянное внутреннее и внешнее движение, игровая смена впечатлений, которых так много бывает в детстве в одну единицу времени...

— Ну, пошли вниз, а то ты что-то сегодня больше обычного молчишь, все думаешь о чем-то,— сказал Игорь, внимательно глядя на Андрея.

— Ударился в воспоминания, детство что-то вспомнилось...— с легкой грустью произнес Курилов.

Солнце уже почти спряталось за горизонт, когда приятели решили спуститься вниз. Сумерки стали надвигаться на город, и посвежело. Через чердачную лестницу они вышли на площадку верхнего этажа. Кабина лифта долго не приезжала, словно дом, находясь в какой-то неведомой связи с воспоминаниями и настроением Андрея, не хотел отпускать его. Наконец приятели вышли на улицу и простились до выходного.

ГЛАВА 2

«А в отдельной роте скучать не приходилось...»

В жизни бывают дни, когда воспоминания набегает бурным потоком. Вот и сегодня Курилову, проезжавшему на машине по улице вечернего города мимо военкомата, вспомнилось, как он уходил в армию. А происходило это дважды. Первый раз — до срока, осенью восемьдесят второго, сразу же после смерти Брежнева, когда в стране была достаточно сложная ситуация. Родные, несмотря на неожиданность призыва, как водится в таких случаях, организовали

хорошие проводы. Маму в городе знали многие, и у него самого приятелей и знакомых было не счесть, как говорится, богатство не от денег, а от друзей. Поэтому проводить пришли семьдесят человек. Хорошо посидели и весело погуляли тогда. Однако наутро, когда Андрей с провожающими пришли на пункт сбора, объявили, что его и нескольких других досрочников оставляют до следующего приказа. Вот так и получилось, что весной его провожали вторично, и на этот раз уже по наступлению действительного срока.

Служить Андрей попал в хорошее место, в Москву, на автобазу Министерства обороны, в ремонтную роту батальона обеспечения. Двадцать четвертые и тридцать первые «Волги», ЗИМ-ы и ЗИЛ-ы — лучшие советские машины той поры составляли автопарк этого элитного подразделения. Солдаты роты полностью разбирали их, перебирали и вновь собирали, делали текущий ремонт и изготавливали различные части корпуса и внешнего оформления — все, кроме узлов и агрегатов. Чтобы стать первоклассными специалистами — других там не должно быть по определению, — они проходили хорошее обучение. Поэтому к ним обращались за технической помощью и гражданские лица. Платили за «левую» работу хорошо — десять рублей тогда были большими деньгами. С какой стороны не погляди, а хорошо жилось солдатам.

Сам же Андрей как слесарь-сантехник со своим напарником-электриком занимался казармой, столовой, продовольственным складом и всеми узлами и коммуникациями технических служб.

Автобаза располагалась на Беговой, позади издательства «Красная Звезда». Ее шестиярусный пантус был в то время большой редкостью. В этом многоэтажном гараже каждая машина имела свое особое место — по пословице «Каждый Еремей супротив своих дверей». Командование автобазой, вместе со всем генералитетом, находилось в районе станции метро «Улица 1905 года», на Пресненском Валу, недалеко от Ваганьковского кладбища.

Машина Курилова незаметно въехала в «пробку», растянувшуюся на километр. Был воскресный вечер, и многие возвращались домой: кто с дачи, кто из лесу, кто из Москвы. Во-

круг пыхтели машины, наполняя воздух угарным газом. Из машин то тут, то там высывались руки с сигаретами, люди нервно курили в предвкушении «радости» провести столь ценное время в этом скопище еще до сих пор отдающего дневной жар металла.

На перекрестке на подстилке сидел парень-инвалид без обеих ног в форме десантника и, молча, провожал взглядом изредка останавливавшихся и бросавших в коробку несколько мелких монет прохожих.

«А ведь на его месте мог бы сидеть и я!» — Андрей вспомнил, как в армии он вместе с другими солдатами писал раппорт с просьбой отправить в Афганистан. Кого-то из них отправили, кого-то и его, в том числе, оставили. У каждого своя судьба.

Дисциплина на базе была железная. За провинность могли послать служить, что называется, и на «станцию Зима». Но таких случаев не было, так как к отбору военнослужащих для этого элитного подразделения подходили очень серьезно. Их набирали всего из нескольких областей: Тульской, Калужской, Воронежской, Орловской, Курской и Липецкой. На всю роту было только два-три человека из Москвы, и то по великому благу — сынки ответственных работников. Брели только русских, но были и исключения — с ними проходили службу четыре украинца. Особость подразделения подчеркивала и форма — красивая и добротная, из полушерсти и хорошо подогнанная, похожая на парадную.

А была на базе еще и отдельная двести тридцать девятая рота, в которой служили водители, возившие генералов из социалистических стран — участниц Варшавского Договора. Рота эта была «веселой» — водители никому фактически, кроме генералов, не подчинялись. За нарушение воинской дисциплины получали только устную взбучку и лишь иногда «губу»*. Но генералы прощали своим «доблестным» водителям их слабости и всегда выручали. И те чувствовали себя

* «Губа» — на армейском жаргоне означает гауптвахту. Гауптвахта (от нем. Hauptwache, буквально — главный караул), специальное помещение для содержания военнослужащих под арестом. В Вооруженных Силах СССР

вольготно — угоняли машины на гулянки с девушками, после чего приезжали в любое время суток, как бы только что от генерала, и даже после отбоя могли пойти на кухню поесть. *«Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...»* ** — в шутку думал о них Курилов, словами любимого классика.

Андрей же часто вспоминал свою девушку, Татьяну, — первую любовь, с которой познакомился незадолго до армии. Краснея, шептал ее имя в разных вариациях, вспоминал, как обнимал ее за плечи во время прогулок, теплую дрожь первых прикосновений, первые обжигающие поцелуи, истомляющие, мучающие и радующие одновременно. Как ему хотелось вернуться на улицы, улочки и парк, где они гуляли! Почему-то вспоминались желтые кленовые листья на асфальте, и как она, играючи, поддевала их ногой. И этот шелест, и вся краса раннего октября, и касания их тел, и поцелуи — все это было одним сладостным течением времени...

Потом, когда вернулся из армии, Андрей узнал, что она не дождалась, вышла замуж... Но тогда, на службе частые мысли о ней согревали его и не пускали в «приключения на стороне», которыми баловались ребята-служивцы во время самоволок.

...А в отдельной роте скучать не приходилось, к тому же у них при желании можно было найти все, начиная от кроссовок и кончая французскими духами. В буфете всегда были дорогие по тем временам сигареты «Ява» и «Пегас». Молва об этом — эта всепроникающая *fama**** — с невероятной скоростью распространялась окрест, и гражданские все время пытались прорваться поближе к этому изобилию. Потому Курилову, прибывшему из «учебки», база показалась раем. Но такова психология человеческая — и это все вскоре стало восприниматься естественным...

Пробка была не самой страшной из тех, какие бывают, и

гауптвахты были гарнизонные (общелагерные) и войсковые. В российской армии они тоже есть.

** Н. В. Гоголь. «Шинель». Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. М.: "Русская книга", 1994.

*** Молва, слух (лат.)

машина потихоньку продвигалась вперед. На заветном перекрестке удалось свернуть туда, где движение было более оживленным. Хорошо знавший город Андрей окольными путями стал продвигаться гораздо быстрее. Вдруг под колесом что-то звякнуло. Оглянулся — крышка люка. И вспомнился интересный случай из того пласта воспоминаний, в котором он сейчас находился.

Работали они как-то на территории возле казармы. Нужно было обследовать подземные коммуникации. Подойдя к открытому канализационному люку, Андрей начал быстро спускаться по лестнице и, когда спустился уже до пояса, почувствовал необычный запах и сладкий-сладкий привкус во рту. «Газ», — понял он и начал терять сознание. Хорошо, что прапорщик оказался рядом и успел поймать его за ремень. Не окажись прапорщика, он мог упасть и сильно покалечиться, или даже погибнуть, так как колодец был глубоким.

Сильную психологическую травму, связанную с возможной гибелью человека, впервые в жизни Андрей получил тоже в армии. Рядом с их базой проходила железная дорога. И подrostки часто играли в игру: когда приближался поезд, они прыгали перед ним через рельсы. И однажды на его глазах один мальчик споткнулся, упал, и ему отрезало ногу. Мальчика Андрею с солдатами удалось спасти: они туго перевязали — перетянули ремнем бедро, подогнали свободную машину и быстро доставили в ближайшую больницу...

Сколько времени прошло, а до сих пор эта ужасная картина будоражит душу, словно все произошло только вчера. А тогда, несколько дней подряд, все — и «деды», и «молодые» — переживали этот случай — ведь так, по глупости, можно калекой остаться или вовсе погибнуть.

Сейчас во всех СМИ, отмечал Курилов, пишут, показывают и говорят о царящей в армии жестокой дедовщине. Трудно сказать насколько это правда. И подумалось ему, что нельзя из отдельных крайних случаев создавать картину всеобщего садизма.

Конечно, дедовщина, в той или иной степени, существовала всегда, и тогда тоже. Но как всеобщего явления ее в их подразделении не было. Происходили отдельные случаи, но они, скорее всего, были исключением, а не правилом. Как с

тем старослужащим парнем (Андрей уже запомнил, как его звали), который однажды ночью поднял новобранцев, приказал им взять в руки по табуретке и залезть под кровать, изображая ночное вождение. Шум и грохот разбудили спящих. Те стали вскакивать и бить молодых.

Такие и подобные им ристалища этот солдат устраивал несколько раз. В итоге медкомиссия определила у него психическое заболевание, и его перевели в другую часть. После этого на все время службы Андрея всякая дедовщина у них перевелась...

Зазвонил-запел сотовый. Это жена, Юлия, уже обеспокоилась задержкой.

— Я только-только из пробки, сейчас более-менее еду, скоро буду.

— Ждем, без тебя не ужинаем!..

Однажды, когда Курилов возвращался из краткого отпуска, вызванного смертью бабушки Агрофены Григорьевны, поезд из-за сильного снежного заноса застрял на полпути. В часть Андрей, естественно, опоздал и получил три наряда вне очереди. Мог ведь добраться на попутке, да денег жалко стало.

— Почему не позвонил?— спросили его.

— Откуда?— и слукавил, ибо можно было, хоть и пешком, до ближайшего полустанка дойти, но снова по-солдатски сэкономил. А сотовых тогда, в 1984-м, двадцать три года тому назад, еще не было...

ГЛАВА 3

«Обязательно заработает!»

Когда на следующий день Курилов зашел в свою контору, вся команда из пяти человек уже была в сборе. Он сел в свое любимое кресло, предусмотрительно никем не занятое, в дальнем углу большой, с двумя широкими окнами и тремя дверями кабинетов, комнаты и устал вздохнул.

Юлия, жена Курилова, невысокого роста, стройная и подвижная, хлопотала насчет чая.

— Андрей Васильевич, тебе кофе?— соблюдая служебный этикет, полуофициально обратилась она к Курилову.

— Да, «Джекоб Монарх», если можно.

— Геннадий, а вы что будете: черный простой, с яблоком, зеленый или тоже кофе?— спросила она чуть насмешливо у сидевшего в кресле Геннадия Никитовича Николашкина, сухощавого мужчины лет тридцати пяти с коротко остриженными русыми волосами.

— Я?— оторвался от какого-то иллюстрированного журнала, который бегло листал, изредка позевывая в кулак, врач будущей «Неотложки» и, подыгрывая Юлие, в том же духе ответил:— Черный с яблоком, пожалуй...

— А вы, Валентин?

Менеджер Валентин Александрович Медведкин, засунув руки в карманы брюк и покачиваясь вперед-назад, стоял у окна и смотрел на улицу.

— Черный обычный,— ответил он и, как всегда, в полный оборот с легкой светлой и доброжелательной улыбкой повернулся в сторону говорящего с ним человека. Навскидку ему можно было дать лет тридцать, не более.

— А мне кофе, Юлия Александровна, и Вике зеленый чай,— не дожидаясь вопроса, глубоким грудным голосом проговорила полная с неспешными и размеренными движениями бухгалтер фирмы Литвинова Анна Алексеевна.

Виктория, фигуристая молодая женщина, кивком подтвердила свой заказ. Это была секретарь фирмы Вострякова, которая сейчас вместе с Литвиновой занималась тем, что раскладывала по папкам документы, накопившиеся за эту суматошную неделю.

Андрей расслабился и, если бы не кофе, заснул, сидя прямо в кресле. Сегодня выдался очень трудный день. «Да, тяжело быть руководителем при такой неопределенности всего...

*Гости нескитанные, а у хозяев кафтаны общипанные**,— перефразируя известную пословицу, подумал он.— Скоро сотрудники начнут спрашивать — что делать дальше? И что я им скажу?.. Кто придумал этих чиновников? Наверное, тот,

* На самом деле пословица звучит так: «Гости-то нескитанные, а кафтаны общипанные» (прим. авт.)

кто хотел, чтобы они мешали всякому полезному делу!» Вот и в его случае возникли трудности с лицензированием деятельности «Неотложки». Курилов создал команду, положил им оклады и дал задание — нужна лицензия. Он консультировал их по всем вопросам, хотел, чтобы они сами прошли этот путь от начала до конца, ибо на собственном опыте знал, что лучшее обучение — непосредственно в деле. Но пока все это ни к чему не привело. Воз, как говорится, стоит и поныне там. Долго сотрудники обивали чиновничьи пороги. А он уже взял кредит, купил машины... Все друзья говорили, что затея эта нежизнеспособна, и «Неотложка» работать не будет. Но Курилов твердо был убежден — будет, непременно будет работать! Он привык верить в лучшее и во всем находить что-то хорошее, даже в неудаче. Вот и в этой запутанности людей и обстоятельств он все время пытается найти выход.

Самыми большими камнями преткновения были: санитарно-эпидемиологическая станция, сокращенно — СЭС, и пожарные. Новое дело, никто такого в Патрушевске еще не организовывал. А чиновники, с одной стороны, всего нового боятся, поэтому не дают открыться, а с другой — заработать хотят на этом открытии. Вот такая неразрешимая дилемма живет в душах этих «бедолаг». Приходят и говорят: «Вам тут нужно покрасить, тут побелить, щит не на том месте висит...». А сами все высматривают и высматривают, и в глазах — деньги, деньги, деньги. Давай им и давай, ненасытным. Вот уж, действительно, «предприниматели»! Даже руководители предприятий кажутся просто детьми малыми по сравнению с такими делягами-чиновниками...

В этот момент в контору зашел мужчина лет сорока пяти, лысоватый, невысокого роста, с круглым животом и большими, всегда выразительными, но сейчас какими-то потухшими глазами.

— Что слышно, Виталий Анатольевич?— спросил Курилов.

— Все то же, Андрей Васильевич, та же канитель...— ответил тот потеряно.

— Как здоровье ваше?— участливо поинтересовался Андрей.

— Какое может быть здоровье от всех этих переживаний! Спасения нет от этих чинуш, и «несть им числа».

Все были в курсе темы разговора, поэтому молчали, поняв все с полуслова. Драницкий, а это был он, — непосредственный помощник Курилова по организации «Неотложки» и ее будущий главный врач — оттер обильный пот со лба и, попросив кофе, присел у открытого окна.

Сотрудники пили чай и кофе, закусывали печеньем и, как водится в хорошо слаженных коллективах, несмотря на трудности, а скорее всего, чтобы снять ненужное, мешающее работе напряжение, вели непринужденные разговоры, перемежающиеся веселым, добродушным смехом, где-то переходящим в легкое, допустимое, подтрунивание.

Андрей прислушался к ним и довольно улыбнулся.

«Хорошие люди подобрались. Веселый нрав и доброжелательность говорят о духовном здоровье, а оно, как известно, — залог хорошей работы, ибо навыки придут, а позитивный настрой не купишь», — подумал он и, не прощаясь, так как должен был вернуться, вышел из конторы.

Курилов шел по улице, наслаждаясь прекрасным летним днем. Навстречу ему шли люди — разные по возрасту и душевному состоянию. И Андрей вдруг поймал себя на мысли: «Смогу ли я помочь им, поверят ли они мне с «Неотложкой»? А тут еще эта «гидра» чиновничья — делаю все, что могу, но ничего пока не выходит, ничего не продвигается? Когда он впервые столкнулся с ними, казалось, ну, еще лет пять и все будет нормально, все отрегулируется... Однако не только ничего не изменилось, но, более того, все оформилось в некую непробиваемую реальность». Курилов постарался отогнать эти мысли, чему нимало способствовала хорошая погода, как обычно навевавшая светлое и радостное состояние души. И еще, может быть, повлиял один, на первый взгляд незначительный, но душевно приятный момент?

Сегодня утром, роясь в архиве, Андрей нашел один, тридцатилетней давности, документ. Этот договор, как и многие, заключаемые между индивидуальными и малыми предприятиями и фирмами вплоть до середины 90-х годов, был напечатан еще на пишущей машинке. Взяв его в руки, Андрей почувствовал что-то более живое, чем компьютерная распечатка. Может оттого что через машинку передавалась бумаге энергия живых человеческих рук? Эта энергия выражалась и

в силе удара по клавишам, и в скорости печати, и в чем-то еще, неуловимом, что действительно делало такую бумагу более живой — чем-то промежуточным между письмом от руки и мертвым выкидышем принтера. Сейчас нечто подобное можно найти только в архиве. Но когда Курилов вчитался, то понял, что только в те годы романтического творчества, в том числе и в сфере предпринимательства, мог родиться подобный документ. В наше меркантильное и прагматичное время ничего такого быть уже не может. Это был договор между двумя предпринимателями, который гласил:

«... Стороны намерены использовать предоставляемые ими возможности для вовлечения творчески активных граждан в работу по поиску эффективных, передовых, нестандартных решений научных, технологических и производственных программ во всех сферах деятельности. Во исполнение этого стороны намерены получать друг от друга советы, консультации, материально-техническую и финансовую помощь, пользоваться другими услугами во всех мероприятиях и действиях в этих направлениях... Стороны соглашаются предоставлять друг другу услуги, в том числе и беспроцентные займы...»

Музыка, а не договор!

Это воспоминание породило в его душе теплоту и уверенность, что начатое им дело получится, обязательно заработает!

ГЛАВА 4

Парадоксы и закономерности лихого времени

Много хороших моментов было, есть и будет в жизни — на то она и жизнь, творящая все новое и новое, иногда поражающая своими, казалось бы, парадоксами, но неустанно расставляющая все по своим местам. И вот уже то, что раньше вызывало изумление, стало закономерностью, вот уже взлетевшие ранее в гордыне сидят понурые в тоске и печали, а те, кто тосковал в кажущейся темной безысходности, глядишь, расцвели цветами радости и света, и наоборот. Такова

жизнь, все в ней течет и меняется, иногда и кардинально, так, что порой и с ног сшибить норовит. Ибо она не сама по себе, не набор случайностей, выпадающих и чередующихся в произвольной форме, а весьма логична.

Вот и наш герой, Курилов, понимал, что правит жизнью Истина — живая и вечная, великая и мудрая. Имя ей он определил общепринятым словом — Бог, хотя еще не совсем хорошо понимал содержание этого определения. Однако чувствовал, что Истина может приближаться к жизни и человеку, и тогда все становится ясным и понятным, каждая вещь обретает свое место, а каждая причина — свое законное следствие; либо отдаляться, и тогда все становится запутанным, а порой и с ног на голову опрокидывается.

Истина с большой буквы, думал Курилов, имеет свою проекцию — истину малую, истину практической жизни, на которой должны строиться человеческие и общественные отношения. Нет, не как в казарме по какому-то уставу, нет. Все в жизни может меняться — границы городов и их внешний облик, технический уровень цивилизации и формы общественной организации, и личные обстоятельства конкретного человека. Но Истина остается неизменной. Не должно быть так, что сегодня в слове четыре буквы, а завтра — шесть, что сегодня учат одному, а завтра — другому, противоположному (да еще и те же самые люди!).

Однако *«вот не было заботы, так подай!»* А именно так получилось с поколением Андрея в начале девяностых, когда молодые люди в двадцать пять – тридцать лет оказались среди жизни, совсем не той, какой их учили и для какой их воспитывали. Человек человеку оказался не другом и братом, а хуже волка. Впору было перефразировать *«Все люди — братья»* во *«Все люди — враги»*. Более того, наступил такой беспредел в экономике, социальной сфере, да даже во взаимоотношениях между людьми, что поверить было трудно в реальность происходящего.

И раньше к большой личной собственности относились в народе с подозрением, то теперь на фоне стремительного приобретения частной, о каких позитивных взаимоотношениях можно говорить? А еще совсем недавно все было по-другому, и страна

— сверхдержавой...

Вот и приходилось в те годы, когда все менялось буквально ежечасно, жить в основном сегодняшним днем, сражаясь за существование. И, как долго продлится это, никто толком не знал. Оставалось только верить, верить и надеяться, что Истина восторжествует, и разумное начало жизни возьмет верх над неразумным, разрушающим все и вся хаосом тогдашнего бытия.

Курилову и его друзьям очень хотелось, что-то улучшить, что-то сделать для исправления ситуации, хотя бы вокруг себя. Он помнил, как они с радостью старались поддерживать все хорошее и позитивное, что могло бы, как им казалось, устранить неразбериху и ввести жизнь в русло нормальных отношений, в том числе и экономических. Помнил сильное стремление участвовать во всем этом.

В начале девяностых они слушали Ельцина на съезде предпринимателей в Кремле. Верилось всему, что он говорил, и казалось, что впереди все будет более правильным и справедливым. И позже звучало много слов, много речей и заявлений, но совсем не было настоящего обучения ни кооперации, ни новым финансовым и экономическим отношениям. Создавалось впечатление, что это никому и не нужно (наивные зайцы замечались, что волк будет обучать их безопасности жизни!).

Те годы были лихим временем. Как говорил герой известного романа Михаила Булгакова, *«самым большим пороком является трусость»*. Стремившиеся к свободе, получили ее — кто-то глоток, кто-то стакан, но воспользоваться ею в полной мере смогли немногие. В печи финансовых коллизий сгорели сбережения многих людей. И обиднее всего, что произошло это с теми, кто копил свои трудовые деньги всю жизнь, а теперь уже не имел сил, чтобы заработать вновь.

Но неправильным будет сказать, если судить беспристрастно, что не было в те годы и ощущения некоего творческого начала. Люди строили планы, заключали договоры о сотрудничестве, мечтали. А как романтичен был (попервоначально) процветавший в те времена бартер, а попросту — обмен по формуле: товар — товар — товар...

Однажды Курилову понадобился лес, в частности доски разных размеров. Предложений было множество, но не устраивала стоимость. Долго искали предприятие и, наконец, на-

шли на севере. Предложенные расценки были весьма приемлемы. Стали вести переговоры, производить калькуляцию по всем позициям с целью определить общую сумму закупки. Но когда попросили выставить счет для оплаты, то в ответ услышали — «Ничего вы здесь у нас купить не сможете!..» На вопрос: «Почему?» — сказали, что у них там, в северных краях, вообще ничего нет, а потому и деньги им не нужны. «Скажите, что же вам нужно?» — спросил Курилов. «Если есть возможность, то привозите любые продукты...» — ответили на другом конце провода. «*Борзых щенков*», то бишь продукты достали, и сделка состоялась...

Так и жили в первобытных экономических отношениях несколько лет. И постоянно задавали себе вопросы — отчего все так произошло, зачем все это обрушилось на наши головы и как выйти из этого состояния? Впрочем, подобные вопросы часто задавались на Руси...

ГЛАВА 5

Давний спор

1 августа 1913 года семейство Михаила Григорьевича Заянчицкого, доцента Московского университета и кадета по своей партийной принадлежности, в полном составе отдыхали на своей даче в Михайловке под Москвой. Стояла именно та погода, которая так приятна по эту пору в средней полосе России. На безоблачном небе светило солнце, было тепло, но не жарко, и легкий ветер, приятно освежая, приносил в садовую беседку запахи цветов, в изобилии растущих на клумбах возле дома. Супруга, Мария Павловна, распоряжалась по хозяйству, а дети: дочь Лидия, учившаяся на Высших женских курсах, младшенький, Николай — в университете, и старший, Кирилл, заканчивавший его, развлекались — шутили, смеялись, пели под гитару, играли в подвижные игры. Все радовалось этому прекрасному дню — и люди, и птицы, заливающиеся окрест, и садовые деревья, увешанные плодами, все пело песню радости и благодарности жизни.

В беседке, кроме стоящего у столба главы семейства, откинувшись на спинку скамьи, сидел гость — питерский профессор и писатель Николай Иннокентьевич Земсков, двою-

родный брат Марии Павловны и давний друг их семьи, бывший проездом в свою усадьбу в сельцо Юзинка Патрусевской губернии. Хозяин и гость активно беседовали и, более того, оппонировали друг другу. Это видно было по жестике, сдвинутым бровям, а подходя поближе, и по интонации речи.

— Вы же не станете отрицать, что в России со второй половины прошлого века в области общественной мысли царил хаос — спросил Земсков.

— Не совсем с вами согласен, уважаемый Николай Иннокентьевич. В ту пору было и ярко выраженное направление, называвшееся «западничеством», предлагавшее определенный путь развития...

— Согласен, были направления. Но тогда, справедливости ради, следует сказать и о другом, предлагавшемся в качестве альтернативного, указанному вами, пути — о «славянофильстве».

— О славянофильстве? Об ограниченно националистическом воззрении на жизнь? — вскинул брови Заянчицкий. — И это в противовес всеобщему гуманизму?

— Ох, уж мне этот абстрактный всеобщий гуманизм, Михаил Григорьевич!.. Ведь он сам по себе не существует и реализуется только через национальное, — внимательно посмотрев на собеседника, сказал Земсков. — А что касается отдельного человека, то, чтобы понять общее, ему необходимо быть личностью, со своим мнением, с самостоятельным мышлением. Если же человек таковым не является, то за него будут думать другие, и он будет жить под управлением других. То же самое имеет отношение и к государству, и к народу.

— Ну, Николай Иннокентьевич, нас хлебом не корми, только, дай выпянуть свое, исконное!.. Вот не можем мы жить так, как вся Европа живет уже века. Это, извините, национализм какой-то... — Заянчицкий нервно заходил вокруг беседки.

— Ради Бога не нервничайте, Михаил Григорьевич! Рассудите спокойно. По-вашему жить в своих традициях и вере означает быть националистом? Да так, позвольте, все народы Европы живут! И никто их при этом националистами не называет, — твердо и уверенно ответил Земсков.

— М-м-м... — не находя что ответить ему, засунув руки в карманы брюк и перекатываясь с носков на пятки и обратно,

промычал Заянчицкий.

— Вы согласны, сударь, что острое противостояние западничества и славянофильства началось с публикации первого "Философического письма" Чаадаева?

— Ну, так и что?..— Михаил Григорьевич остановился и снова вернулся к своему столбу.

— А то, что Чаадаев постоянно доказывал преимущество католичества и его неминуемое близкое торжество,— сказал Николай Иннокентьевич.— И еще, он настойчиво утверждал, что русская история бессмысленна и пуста. По мнению Чаадаева единственным путем спасения для нас является безусловное и полное приобщение к европейской цивилизации.

— Имел право на собственное мнение!..

— Конечно, имел, кто же спорит?!

Подошла Мария Павловна, стройная сухощавая женщина с едва начинающей пробиваться сединой в волосах. Издалека ее можно было принять за девушку.

— Говорить можно бесконечно, а обед готов. Посему милости прошу отобедать!

— Николай Иннокентьевич, продолжим за столом,— предложил Заянчицкий.

Собеседники прошли к накрытому в саду обеденному столу, за которым уже сидели все молодые члены семьи и ждали старших.

— Так о чем же вы так горячо спорили?— спросила Мария Павловна.

— Да вот, Николай Иннокентьевич считает, что нам нужно отказаться от цивилизации и жить по-монашески,— улыбнулся Михаил Григорьевич и, взяв ложку, наклонился к тарелке с супом.

Земсков внутренне помолился, пожелал всем приятного аппетита и только после этого принялся за еду.

— Мария Павловна, твой супруг шутит,— улыбнулся он в ответ.— Ведь разница во взглядах славянофилов и западников не в принятии или непринятии цивилизации. Различия между ними духовны, как и между Православием и западными религиями, и проявляются во всех сферах нашей с вами жизни.

— Наша семья, Николай Иннокентьевич, придерживается Православия,— с достоинством заявила Мария Павловна.— Мы и в церковь по всем праздникам ходим. Вот на Троицу хо-

дили всей семьей.

— Помилуй, я не вас имею в виду, а говорю в общем...

— Вообще-то каждый имеет право на свободу вероисповедания. И пора нам уже как в Европе жить!— произнес Кирилл, молодой человек в студенческом кителе, сын Заянчицких. Щеки его бледного худощавого лица в тот же миг залились ярким румянцем.

— Повторюсь, господа, речь идет только о том, на какой основе должна развиваться страна и улучшаться жизнь народа. На какой основе! Мы считаем, что всего этого можно достичь на основе Православия и наших традиций!— ответил Земсков, обращаясь, в том числе, и к Кириллу.

— Позволь Николай Иннокентьевич, не совсем согласна с тобой. Прогресс, по моему мнению, может основываться только на земных знаниях, а не на небесных откровениях! — выпрямившись и сложив пальцы рук в замок, заявила хозяйка дома.

— Мария Павловна,— в тон ей, но с легкой иронией и чуть снисходительно, ответил Земсков.— И славянофилы и западники за прогресс. Вопрос только в том, на чем он основан — на уме, опирающемся на Высшую мудрость и волю, или на несовершенные человеческие знания? И, соответственно, ради чего этот прогресс? Ради «собирания сокровищ на небе», то есть ради духовного, умственного и культурного развития, или ради земного бессмысленного накопления и потребления?

Молодежь, все как один, перестали есть и смотрели на говорившего. Видно было, что они слышат такое впервые.

— Так, дети! Кушайте, остывает ведь!— Мария Павловна, старавшаяся на даче за столом обходиться без прислуги, принялась хлопотать — открыла утятницу, стала раскладывать аппетитно пахнущее жаркое по тарелкам, спрашивая каждого, чего он еще желает отведать из находящихся на столе блюд.

— Поэтому не ставится под сомнение чей-либо патриотизм,— несколько погодя продолжил Земсков, но его слова уже как бы повисли в воздухе.— Речь не о нем, как таковом, а о разной духовной основе. И далее — о целесообразности и эффективности тех или иных действий...

— Ну, слава Богу, а то я уже думал, Николай Иннокентье-

вич, что, по-вашему, мы смотрим в разные стороны...— вынимая из-за воротничка салфетку, сказал Заянчицкий.

— Если позволите, господа, я продолжу...

— Да, я только хотел сказать, что мы виновны перед народом за свое благополучие на фоне его бедности,— по тому, с каким удовольствием Михаил Григорьевич говорил это, можно было заключить, что он «сел на любимого конька».— Потому не можем чувствовать себя вполне счастливыми и готовы рисковать и жертвовать многим, чтобы исправить положение. А делать это нужно, и как можно быстрее, невзирая на ситуацию в стране как внешнюю, так и внутреннюю!— заявил он.

Все семейство с гордостью смотрело на него. Чувствовалось, что все они — от гимназиста до супруги — разделяют такие революционные взгляды.

— И все же позвольте мне продолжить...— Земсков выпрямился и одновременно сделал жест рукой, ясно говорящий о несогласии и о том, что ему есть чем возразить.— Ведь еще Пушкин говорил об исторической суете, которой противопоставлял подлинную историю, совершающуюся на Руси подвигами веры, спокойным и размеренным стяжанием духовной энергии. Суета же, основанная на слабости веры, может привести Россию к трагическим итогам!

— Так вы против революции, против изживания всякого зла в нашей действительности?— чуть ли не в один голос воскликнули супруги.

— Какие вы скорые! А ведь добра от спешности редко ждать приходится. Я — за изживание зла! Но не путем революции, а путем преобразования внутреннего человека в каждом, ибо **«тому нет спасения, кто в себе носит врага»**, путем эволюции, основанной на духовном своеобразии России. И я призываю вас, Михаил Григорьевич, и ваших единомышленников, одумайтесь, иначе может быть поздно и очень плохо!

— И после этого вы говорите, что любите народ?— снова вступила в разговор Мария Павловна.

«Слепые — вожди слепых...» — подумал Земсков и замолчал, не потому, что ему нечего было возразить своим оппонентам, нет, он понял — они его не слышат, более того, не хотят слышать...

— Простите, господа!— Николай Иннокентьевич встал.— Благодарю вас за гостеприимство, тебя, Мария Павловна, особо за изумительный обед, но мне, к сожалению, уже пора на поезд,— он взял шляпу и, попрощавшись со всеми, направился к станции.

Молча глядели ему вслед оставшиеся за столом дачники. Что творилось в их душах? На лице Заянчицкого блуждала легкая усмешка, то и дело сменяемая выражением нетерпеливого действия, что, собственно, соответствовало его недавним речам. «Нет, если он против революции, значит, не любит народ»,— решила про себя Мария Павловна. Кирилл, обладая, не по годам, склонностью к анализу, пытался осознать и разложить по полочкам произошедшее: услышанное и увиденное. А его младшие братья и сестры отнеслись ко всему, в силу своего возраста, как к сценическому действию, какими изобиловала для их еще неокрепших сознаний жизнь.

Земсков же шел и думал: «Что же вырастет из молодых людей, воспитуемых такими родителями и профессорами? Нет, я не говорю, что они плохие, непорядочные люди или непрофессиональные учителя, нет. Речь идет о взглядах, убеждениях, которые они посеют в молодых душах. Ведь возрастет смена, да не та. Откуда такая ненависть к вере и традициям? От устремления к пресловутой свободе? Но ведь ни вера, ни традиции не помеха свободе. Да,— констатировал он,— духовный враг всюду, он плоть от плоти нашей, и все серьезнее берется за дело. Вот и прежние люди — дети по сравнению с теперешними...»

ГЛАВА 6

«Правд много — истина одна»

"Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат согрешил, вздохнул и сказал: "горе мне! как он согрешил сего дня, так я согрешу завтра". Видишь ли мудрое настроение души? Как он тотчас нашел средство избегнуть осуждения брата своего? Ибо сказав: "так и я завтра", он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить,— и так избежал осуждения ближнего".

(Авва Дорофей)

В селце Юзинка стоит храм. И когда Николай Иннокентьевич проводывал свою старушку мать, жившую в родовом имении, то всегда посещал его. Построенный из красного кирпича, с медными куполами, внутри он весь светился белизной стен, которые вбирали в себя лучи солнца, струящиеся через высокие узкие окна под главным куполом, и излучали преобразованный мягкий и теплый свет во внутреннее пространство. Нейтральный белый фон стен позволял полностью сконцентрироваться на образах. Земсков очень любил прийти задолго до начала службы и побыть в молитвенной тишине, в которой слышалось лишь потрескивание свеч, да лампы у икон напоминали о главном — о духовной работе души. От распятия он всегда подходил к иконе Казанской Божьей Матери, возле которой долго молился до начала службы. А сегодня, после вчерашней беседы у Заянчицких это особенно было необходимо.

Когда началось богослужение, Николай Иннокентьевич, вначале исповедовавшись, весь отдался песнопениям и действиям, наслаждаясь и купаясь душой в этой чистоте, возвышенности и гармонии. В таком состоянии он мог находиться часами, что и делал ранее, пока настоятель отец Никодим не объяснил ему, как важно во время службы трудиться сердцем и разумом. Вот и сейчас Земсков все слышимое соотносил с собой, со своей жизнью в настоящем, со своими мыслями, старался сделать выводы и не потом в неопределенном будущем, а уже сейчас измениться.

Причастившись и прослушав проповедь, он дождался отца Никодима, получил благословение и, будучи приглашен, отобедал в большой, но уютной трапезной. После они вышли во двор храма и сели на лавочку в тенистом уголке под раскидистой яблоней.

— Ну, рассказывайте, с чем пришли, Николай Иннокентьевич? — спросил священник, как всегда, с добротой и вниманием глядя на него.

— Был вчера у знакомых на даче, отец Никодим. Глава семейства — доцент, культурный человек, и супруга под стать ему. Имеют дом в Москве, большую дачу в живописном месте, достаток, прекрасных детей, получающих лучшее образование... И откуда столько неприятя, даже можно сказать революционности, желания все поменять, перевернуть на иной

лад, копировать «идеальный», по их понятиям, Запад?

— Разрушительное начало... Оно наблюдается сейчас, в той или иной степени, во всех сферах жизни людей. И революционеры — оттуда же. От них требуется отринуть все законы и приличия, мораль и нравственность. Если верующий, многого не принимая в этом мире, несет в него любовь и доброту, собирая, прежде всего, сокровища для своей будущей небесной жизни, то для революционера существующий мир — абсолютный враг, который должен быть непременно разрушен. И люди, не разделяющие его взглядов, — враги. Денно и ночью в нем живет одна мысль, одна цель — беспощадное уничтожение всего старого!

— Сатанизм, бесовство, отец Никодим?

— Совершенно верно, сын мой!

— И сколько слов по поводу гуманизма! А чуть встанешь на защиту нашего, русского, народного — заявляют национализм, ни больше, ни меньше!.. Только свои взгляды считают единственно верными и хотят, чтобы все жили по их правилам.

— Да, оттуда и отношение к народу и стране, как к чуждому, или средству для достижения своих, антинародных, по своей сути, целей...

— Я понимаю, отец Никодим, что далеко не все у нас хорошо, а многое и плохо, честно говоря. Но нельзя же из-за этого ненавидеть Россию и народ вообще. Ведь именно в народных началах и нашей любви к России — залог ее настоящей и будущей жизни.

— Не только в том, что вы сказали, но, прежде всего, в Православии!

— Говоря о народных началах, я подразумевал и Православие, в том числе.

— Позвольте поправить вас — первым числом, — улыбнулся священник. — И очень прискорбно, что практически вся интеллигенция не понимает и не принимает всего того, о чем мы с вами сейчас говорим. В этом плане показательны отношения к роману «Бесы». Либеральная и революционная интеллигенция, а это в наше время синонимы, сразу отвергла роман, как антиреволюционный и антиинигилистический...

После вчерашней грозы земля в тени была еще влажной, и

множество дождевых червей шевелилось на дорожке. Стоял полдень, солнце было высоко в зените, и под его жаркими лучами от земли поднимались испарения. Словно сквозь зыбкую прозрачную кисею были видны деревья, кусты и прихрамовые строения. Было душно, но воздух был наполнен очень насыщенными, какими они бывают при высокой влажности, запахами земли, листьев, трав и цветов.

— Когда собственное "я" — центр мира и мера всех вещей, — продолжал отец Никодим, — когда эгоист думает, что весь мир создан для него одного, тогда все остальное для такого человека — вздор, и он на все согласен, лишь бы ему было хорошо... Это и есть бесовский эгоцентризм.

— В данном случае мы говорим не о личности, а об индивидуальности...

— А что вы понимаете под этими определениями, Николай Иннокентьевич?

— Я думаю, что индивидуальность — это, когда человек сам по себе и для себя. Личность же, безусловно, имея свое лицо, служит интересам общности людей, в которой живет.

— Но ведь и западники считают, что они служат интересам России? Наверное, здесь требуется уточнение: интересам, какой общности? Личностью является человек, который служит коренным интересам народа, прямо вытекающим из его традиций и веры.

— Согласен. И только он может задуматься о всеобщем, общечеловеческом. В противном случае это — либо самообман, либо прикрытие неблагоприятных целей... — сделал вывод Земсков.

— Я продолжу вашу мысль: а цели эти — чтобы за наших людей думали другие, чтобы они жили под управлением других. А для этого необходимо искусить и затянуть в свои сети. Для чего используются, как писал Федор Михайлович Достоевский, самые низменные инстинкты, интриги, смуты, и кощунственное глумление над святынями. В толпу бросаются лозунги: «Нас обманули!», «Найди врага!», «Кто не с нами, тот против нас!», «Чем хуже, тем лучше!», «Разделяй и властвуй!», «Все позволено!», «Цель оправдывает средства!» и прочие. Для стремящихся к высокому и прекрасному — соблазнение идеей «всеобщего счастья» и обещание его любой ценой, вплоть до

насилия. Это и искушение непереносимой для многих мечтателей мыслью о том, что они могут опоздать со своей деятельностью, и их могут не взять в светлое будущее. И даже чистейшие сердцем и простодушные люди, вовсе не будучи мерзавцами, могут быть обмануты и привлечены к самым пакостным и мерзким поступкам, чудовищным злодействам. А это вдвойне опасно, ибо превращает таких людей в бесноватых!..

Отец Никодим встал, опустил голову и, поглаживая рукой бороду, стал взад и вперед ходить возле лавочки. Земсков тоже поднялся. Он чувствовал волнение — уж очень важную тему они затронули.

— Опасно еще и то, что, разглагольствуя о светлом будущем, эти совратители, а по сути авантюристы и экстремисты, стремясь к личной и безграничной власти, не гнушаются безнравственными средствами, что, в конце концов, может привести ко всеобщему краху!..

— Да, отец Никодим, всякая революция — бедствие... А образ мыслей и действий революционеров всех мастей — логическое развитие идей беспредельного либерализма, духовного отца всех смут, в том числе и русских,— продолжил тему Земсков.

— Наша с вами задача — насколько возможно, через веру в Господа давать людям надежду единения с народом и Россией, а через них и с миром, чтобы спасти тех, кто еще не попал в эти бесовские сети и кто не до конца погряз в них. Через духовное воспитание помочь им устоять, не дать окончательно пасть. Ибо благодаря твердости в вере, трезвости ума и невосприимчивости к плохому, духовному опыту и мужеству образуется человек как коренной народный тип. Вот из таких людей и должен состоять народ, вокруг них и должна образовываться нация!

— Помочь людям, пока не поздно, сойти с пути беспредельного либерализма и встать на дорогу, ведущую к храму. Вы правы, отец Никодим, ибо больны не только одержимые — больна вся Россия. Симптомы этой болезни — атеизм и ненависть к стране. Помочь! В противном случае не миновать нашему народу и стране многих и многих бед.

— Я вот подумал: какое бы это было благо, если бы Господь даровал нам чудо, и «бесы» эти поняли, кем они ведомы

и направляемы, и, как Степан Трофимович Верховенский из Достоевского во время предсмертной болезни, сказали: «...Это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней,— это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть!.. Это мы, мы... и я может быть первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...»

— Какая у вас прекрасная память, отец Никодим!

— Помогите Господи, чтобы все, чем мы обладаем, наши знания и способности послужили на благо народу и стране, и чтобы Господь, видя движение людей к Его Истине, благословил нас и избавил от этой «чумы»! Народная мудрость гласит: «Правд много — истина одна». Истина — это Христос! Цель — исцелившаяся Россия у ног Христа! Только, благослови нас Господь, чтобы мы, рассуждая о негативных явлениях в сегодняшней жизни, не осуждали и не осудили заблудших братьев наших, на какой бы стадии падения они не находились.

— Господи, благослови!.. — взмолился Земсков в ответ на слова священника, и они оба почти одновременно осенили себя крестным знаменем.

ГЛАВА 7

«...Тогда мы были молодыми!»

Назавтра Курилов вместе со сбившимися впритык друг к другу десятками машин снова с трудом пробирался по улице, находясь в ситуации, ставшей уже привычной для горожан и именуемой «пробкой». «Скоро, как жители какого-нибудь «Лондона», будем бриться и чай-кофеи распивать в пробке», — тоскливо подумал он.

Всегда памятуя о возможности попасть в такое положение, он заранее, при первом же подозрении, старался придерживаться ближней к тротуару полосы движения, чтобы иметь пространство для маневра — съезда в сторону. Вот и сейчас, поглядывая вбок, готовый при первой же возможности свернуть, вдруг увидел знакомое лицо. «Ба, да это же никак Виктор Леонов!»

Курилов буквально дополз до съезда, повернул и, проехав немного вперед по широкому тротуару, остановился. Похожий на Виктора мужчина, одетый в полевую маскировочную форму, в которой ходят обычно военные да охотники с рыбаками, неторопливо шел вперед, неся на плече небольшой рюкзак и в другой руке — большую плетеную корзину.

Андрей догнал его и, поравнявшись, спросил:

— Простите, вас Виктором зовут?

— Так точно,— ответил мужчина.— Андрей, ты?! Вот так встреча!

— Да! Я тут в пробке, смотрю, вроде бы знакомое лицо. Решил остановиться...

— А ты, брат, растолсте-е-ел!

— Да и ты изменился... Постарели мы.

Виктор был высок ростом, сухопар и подтянут, как всегда, только пряди седых волос на висках да морщины вокруг глаз и на лбу выдавали возраст.

— Чем занимаешься? Все там же у себя на заводе масте-ром?— поинтересовался Андрей.

— Нет... Ушел я оттуда.

— Слушай, а давай ко мне в машину, посидим пока пробка, поговорим, а потом я тебя подвезу. Ты не торопишься?

— Нет, куда мне спешить? Давай,— согласился Леонов.

Они вернулись к машине. Она из-за жары готова была расплавиться. Присесть на улице было негде, кафе поблизости тоже не было, и приятели, оставив открытыми двери, уселись в салоне, включили маленький вентилятор и продолжили разговор.

— А почему не на заводе?

— Заказов долго не было, и, соответственно, зарплаты. А когда появлялась работа и зарплата, то деньги быстро утекали на оплату долгов и расходы по хозяйству, и снова — без денег...— Виктор тоскливо посмотрел на Курилова.— Надоело,

потому и ушел... Сейчас на заводе-то все понемногу наладилось. Новый директор привел с собой толковых специалистов, им удалось найти инвестиции и перестроить один цех, создать линию по выпуску ходовой продукции. Вот бы на таком заводе поработать!

— Так в чем же дело?

— Эх, счастье — фантазия, брат, а несчастье — реальность... Прошло уже семь лет, как я ушел. Кто ж меня возьмет? Там от молодых отбоя нет!

— И чем же занимаешься, на что живешь?— Андрей с интересом взглянул на давнего приятеля, но признаков алкоголизма и явной нищеты по лицу его не обнаружил.

— Чем занимаюсь? Ты не поверишь. Хожу по лесам, собираю грибы и ягоды, охочусь в положенное время, рыбачу, и всем добытым торгую на рынке. Жена у меня врачом работает все там же, в заводской поликлинике. А сын учится в университете...

— И хватает?— удивился Курилов.

— Ты знаешь, хватает!..— уверенно ответил Виктор и улыбнулся.— Неплохая добавка выходит к семейному бюджету. Я ведь спортсмен, могу за день много пройти, и охотник, и собиратель заядлый. День похожу, день на рынке посижу, отдохну и снова в поход. Так что все нормально!

— Ну что ж, если тебе так нравится... А то ко мне давай. Я тут сейчас фирму создаю, «Неотложку»...

— Нет-нет,— Виктор нетерпеливо прервал Андрея.— Не люблю я коммерции этой... Хотя не осуждаю, она имеет право быть и нужна, наверное... Если честная, конечно. Но это — не мое!

— Как знаешь... В жизни, видимо, нужно и то, чем ты занимаешься. Главное, чтобы нравилось, и кроме материального еще и душевное удовлетворение давали труды наши праведные.

— Правильно! Впрочем, ты всегда рассуждал логично, даже в студенческие годы!— Виктор повернулся к Андрею и с улыбкой обнял его за плечи.

Курилов, окунувшись в воспоминания, как часто любил это делать, не отстранился от неожиданного жеста.

— Студенческие годы...— и задумчиво, но с внутренним удовольствием, произнес:— Хоть и учились мы на вечернем и

уже достаточно, как говорится, нанюхались пороху, а все же молодость есть молодость.

— А тебе учиться было легче, так как до этого была хорошая заводская практика, и я помню: ты помогал нам разобраться в вещах, которые по одним лекциям и книжкам далеко не просто было понять,— стал вспоминать Виктор.

— Да, последний год перед армией я проработал на заводе и хорошо «натаскался по железу». А еще на службе многое было перекручено-переверчено своими руками.

— Это много дало,— согласился Леонов.

— Ты же во время учебы работал на заводе в конструкторском отделе техником, если я не ошибаюсь?

— Ну да!

— И насколько помню, находил время, чтобы чертить и писать курсовые, так?

— Было дело!..

— Конечно, было, а то я не знаю!— улыбнулся Курилов.— А вот мне приходилось все это делать по ночам, так как днем и частенько по выходным работал на стройке. А с нее, «порубав» пельменей, бежал в институт. Потом до утра чертил да писал либо дома, либо во время дежурства в сторожке на той же стройке. Работать в СУ* нравилось, и я брался за любое дело: строил бани, бассейны в горячем цеху и многое другое. Таким образом, освоил практически все строительные специальности. Поэтому и учеба давалась легче — было понимание. И ты знаешь, что интересно, алгебра в школе шла на тройку, а высшая математика в институте — на пятерку. Хотя сопромат давался тяжело. Но я взял его штурмом!

— Да, предмет еще тот... Кто его сдавал, уже мог считать, что Рубикон перейден.

— Один из распространенных студенческих мифов,— сказал Андрей.— Что же касается технического образования, то не знаю, правда, как сейчас обстоят дела (Виктор хмыкнул), но, думаю, кроме теории необходимо давать и хорошие практические навыки.

— О чем ты говоришь? Сейчас! Мг-г...

* Строительное управление

Пробка по-прежнему никак не рассасывалась. Воздух был сильно загазован, дышать было нечем. Мимо них по тротуару, несмотря на жару, торопливо шли люди, стараясь как можно быстрее пройти этот участок пути.

— Давай отъедем,— предложил Курилов и, включив зажигание, отогнал машину подальше в проезд между домами, но так, чтобы наблюдать за ситуацией на дороге.

Друзья несколько минут помолчали...

— Скоро выборы. Ты за кого будешь голосовать?— вдруг спросил Леонов.

— А что?— Курилов улыбнулся, но видно было, что он не очень хочет говорить на эту тему.

— Ну, не хочешь говорить, и не надо. А я из этого никакого секрета не делаю,— сказал Виктор и твердо посмотрел в глаза Андрею.— Я за коммунистов!

— Так тебе же никогда не нравились общественные науки?!— удивленно вскинул брови Курилов.

— Они же были безжизненны. Преподавать нужно было с примерами из практики, в привязке к нашим реалиям. А их давали в полном отрыве от жизни, да и не глубоко, поверхностно и большими объемами...

— Не говори, даже такая актуальная по тем временам тема, как кооперация, на лекциях и семинарах давалась очень слабо. Кроме двух человек в группе, уже работающих в этой сфере и кое-что соображающих в этом, больше никто ничего не понимал. Да и откуда было взяться профессионалам-преподавателям, если в течение многих лет запрещалось даже говорить на подобные темы, а не то чтобы иметь практику!

— Значит были, наверное, причины... Может быть боялись лавины произвола... А получилось — чего боялись, на том и попались!

— Да уж...— согласился Андрей.— Не бояться нужно было нового, а, «держа руку на пульсе», понемногу прививать желающим знания, навыки и культуру работы в этом направлении.

— Вот-вот, культура! Ты прав, вместо научного коммунизма лучше бы преподавали этику и психологию взаимоотношений, в том числе и в коллективе. Чего нам всегда не хватало, к сожалению. Больше пользы было бы! А вообще, я не

любил, как ты правильно заметил, общественные предметы,— добавил он.

— Согласен,— сказал Курилов и внимательно посмотрел на старого приятеля.— А с чего это ты, все-таки, в коммунисты подался, если не любил те самые науки?— Я же тебе сказал, почему не любил!

— Но хорошая сказка была, однако. Хоть и не верили уже люди, а все же отношения были не те, что сейчас.

— Да!

Пробка понемногу стала рассасываться, движение машин стало более ощутимым. Но дышать было уже абсолютно нечем. Приятели пожалели, что, увлекшись разговором, не отъехали куда-нибудь еще дальше. Да что уж теперь? Они закрыли двери машины, и Курилов выехал на проезжую часть улицы.

— Раньше в какой-то газете, не помню уже, была рубрика «Если бы директором был я...». Так вот, кабы я ведал высшим образованием,— сказал Андрей, перестраиваясь в полосу ближе к осевой,— то совместил бы обучение с производством — по типу кафедр медицинских институтов в клиниках, о которых рассказывал мне знакомый доцент из Медико-физкультурного... Эх, да что там! Ведь мы обсуждаем то, чего уже нет. Нынешнее образование стало заметно более плохим...

— Хм! «Плохим» — это не то слово! Институтское скатилось на уровень бывшего техникума. А ведь лучше того образования — от начального до высшего,— которое было в советский период, и поныне в мире не наблюдается. Хотя и там были свои недостатки, но в основном оно было настоящим.

Курилов задумался, и вспомнилось ему время двенадцатилетней давности, когда он заочно и платно получал второе высшее образование — финансово-экономическое. Нужно сказать, что и до этого экономика была его хобби. А пошел снова учиться, так как интересно было понять, как работают иностранные банки, карточки, да и многое другое, связанное с современностью. Хотелось почерпнуть побольше полезного для дела. Но он довольно быстро понял, что практически ничего нового от учебы не получит, ибо все преподаватели были несведущими и лекции читали по свежепереведенным книгам.

Многие люди, уже работая, опытные, пришедшие получить диплом, разбирались в изучаемых вопросах часто лучше преподавателей. Задавали им каверзные вопросы, спорили... Курилов тогда смирился с ситуацией и учился немного тому, немного этому по большей части у своих сокурсников...

— Что-то мы так засерьезничали,— улыбнулся Виктор.— А ведь тогда были веселыми ребятами. И гуляли, было дело, частенько и влюблялись...

— Ну, тогда мы были молодыми!

— А сейчас что, старики?

— Не старики, но все же не юноши уже!

— Да, ты прав. Одно слово — молодость!— видимо вспомнив что-то приятное, связанное с теми давними днями, сказал Леонов.— Андрей, а давай обменяемся телефонами, чтобы не теряться. Буду снабжать свежими ягодами и грибами, дичью в охотничий сезон и рыбой.

— Хорошее дело, давай!— ответил Андрей, припарковывая машину недалеко от дома, где жил Виктор.

Приятель обменялись телефонами и дружески пожали друг другу руки.

ГЛАВА 8

Размышления о любви, и... неожиданная встреча под дождем

«Все же хорошим было то время — время учебы»,— подумал Курилов, сладко потянулся и, включив зажигание, вырлил на мостовую.

После окончания института в 90-м Андрей остался работать в том же СУ, получив освободившуюся должность прораба. Вся работа ему была знакома, к тому же он был очень наблюдателен и внимателен, схватывал все на лету. Но уставал иногда так, что засыпал, едва голова касалась подушки. А уж на сердечные дела времени не оставалось. Но однажды произошло событие, коренным образом повлиявшее на всю его жизнь.

...Как-то после ночной работы перед очередной сдачей объекта, Андрей сидел под уличным навесом кафе и завтракал. На душе все еще оставался неприятный осадок от сцены, разыгравшейся накануне. Он уже уходил со стройки, когда со стороны будки сторожа услышал крики и громкий женский плач. Подойдя, он увидел сидящую на полу с подбитым глазом сожительницу сторожа, Лиду. Сам же виновник «торжества» с утра уже был пьян и, энергично размахивая руками, громко, перемежая слова матом, что-то ей внушал.

Это был Василий, пьяница и дебошир, которому на вид вместо его сорока лет можно было дать гораздо больше. На стройке его держали, потому что нечем было заменить. Уж очень небольшая зарплата. Однако, несмотря на пьянство, Василий все же справлялся со своими обязанностями.

Лидия, красивая женщина — за такими, как говорится, мужчины косяками ходят — приехала из деревни и работала за жилплощадь дворником в доме по соседству. И, действительно, от мужчин отбоя не было. Но Лида сошлась с этим сторожем — неприглядным, вечно пьяным и грубым мужчиной.

«Что же такое любовь?— думал Курилов, по молодости лет еще немного наивный, но в то же время достаточно вдумчивый, как это часто бывает с людьми, внутренне глубоко порядочными.— Может быть, тяга двоих друг к другу возникает на уровне химии, запахов что ли?.. Ну чем объяснить, что такая женщина, как Лида, не уходит от этого Василия, даже несмотря на то, что он ее бьет? Можно было подумать, что из-за квартиры. Но у Василия ее нет, он живет в общежитии!.. А меня, красивого, в общем-то, парня, хоть бы одна полюбила вот так, напропалую, без расчета. Попадаются или одни расчетливые, все расспрашивающие — кто родители, да кем работают, да сколько получают,— или откровенные проститутки...»

Курилов, несмотря на обилие знакомых по соседству, институту и стройке, был фактически одинок. Знакомые не друзья, а последние все поразъехались кто куда. У него порой часто возникало желание с кем-то поговорить, что называется излить душу, поделиться сокровенным, да не с кем было.

После работы оставалось много свободного времени. Это

было так непривычно после окончания учебы, что Курилов вначале никак не мог взять в толк, чем заняться. Пить в компаниях — а этим занималось большинство его женатых и неженатых знакомых,— хоть и здоров был, и не официальное какое лицо при исполнении, и не сумасшедший вовсе, не хотел... И постепенно Андрея стало тянуть к тому, к чему была расположена его душа. По вечерам и в выходные он слушал музыкальные записи, ходил иногда в театр и на концерты. Часто гулял по городу, особенно любил его старинные улицы, улочки и парк. Ездил на природу за город и в Юзинку к родственникам. Читал «Литературку», книги — больше классиков, но и современных авторов не оставлял вниманием. Любил поэзию — стихи имеющих Божью искру литераторов, возжигающие пламя в душе; читал и романы...

Что касается любви, то Курилов давно понимал, она — дело опасное. История многих его друзей и знакомых, и личный, пусть пока и небогатый, опыт, говорили об этом. Но после знакомства с историей Лидии и Василия Андрей не знал, что и думать теперь. Из опыта и всего слышанного, виденного и прочитанного, выходило — кто-то один больше или меньше, но страдает. А взаимная любовь настолько редка, что достойна быть увековеченной. И, вот парадокс, мужчина, прекрасно сознавая, каков его идеал, часто женится на женщине далекой от него. То же самое можно сказать и о представителях противоположного пола...

Работая и учась, Курилов вдоволь насмотрелся на «свободную любовь», да и сам грешным делом попробовал. А были и такие, кто делал то же самое, прячась за видимостью семьи, упрощая все с женщинами до необязательности. Андрей понимал, что взаимоотношения не должны быть в тягость, но необременительность не всегда «легкость». Будучи серьезным парнем, он и к вопросу семьи подходил основательно. Потому быстро отошел от такой «любви».

Старые люди, с которыми Курилову нравилось при случае беседовать, говорили, что раньше такого не было, что это, как эпидемия, распространилось сейчас, в девяностые.

Один уважаемый Андреем человек — профессор кафедры строительных конструкций, на которой Курилов писал свой дипломный проект, много проживший, с большой совершен-

но седой шевелюрой, но с чистыми, ясными и молодыми глазами, как-то в доверительном разговоре сказал парню:

— Любовь, Андрей, это, прежде всего, дружба. Если нет ее, то это просто страсть, плотская игра, увлечение. А если еще и сотрудничество ради какой-то идеи, дела, то это вообще идеал.

Эти слова надолго врезались в память Андрея...

Курилов был еще и мечтательной натурой. Он часто представлял рядом с собой любимую, их маленький, но самодостаточный, мир, от этого ему становилось тепло и покойно, и тот, другой, внешний мир в эти минуты казался дружелюбным источником всего доброго и хорошего.

...После ночи ощущать свежесть утра было вдвойне приятно. Лучи еще невысокого солнца не испепеляли, а приятно грели и заряжали жизнью и хорошим настроением. На траве газона бусинками блестела роса. Все предвещало хороший день. Но темный край южной части неба и заметно усилившийся с той стороны ветер говорили о возможной альтернативе. «Вот и верь в наше время приметам, в частности, насчет утренней росы!»

Хороший кофе приятно обжигал губы, и почти безлюдная улица располагала к размышлениям.

Но их прервало происшествие на проезжей части улицы. Оно возникло буквально из ничего, так как на мостовой практически не было машин, вернее, всего две. И на краю тротуара стояла голосовавшая девушка, да на лавочке, чуть поодаль, сидела женщина. Они время от времени переговаривались, видимо куда-то направлялись вместе.

Одна из машин, которая ехала впереди, была такси. И, когда водитель, видя голосующего человека, стал тормозить, задняя машина, резко вильнув влево, стала на скорости обгонять переднюю. А поскольку расстояние до стоявшей на краю мостовой девушки было небольшим, то только мгновенная реакция таксиста, который вовремя сбросил скорость и затормозил, спасла их от столкновения. Задняя машина встала прямо перед самым бампером такси. Частник, явно желавший таким образом перехватить у таксиста клиента, рассчитывал, видимо, в случае столкновения на отсутствие свидетелей и на свои связи.

Курилов даже приподнялся на стуле, следя за разыгравшей-

ся перед ним ситуацией. Он не любил таких рвачей, плюющих на все и вся вокруг.

Из такси выбрался грузный мужчина и со свирепым видом направился к «Калине». Второй водитель тоже вышел и, поняв, что добром происшествие не закончится, бросился помогать оступившейся от испуга девушке. Подхватив второй рукой пожилую женщину, которой, по всей видимости, было плохо, он повел их к своей машине. Это смягчило сердце таксиста, и он ограничился только длинной тирадой, состоявшей практически из одних ругательств.

Через минуту машины разъехались...

И тут Курилов увидел *ее*. Она шла по улице неспешной походкой, глядя прямо перед собой. Ветер легко шевелил *ее* длинные, ниже плеч, темные волосы и длинное же из полупрозрачной ткани платье. Андрей почему-то внутренне почувствовал, что *она* одинока. И то ли он был настроен на какую-то особую сегодняшним утром волну, то ли его вывело за пределы нормально-спокойного внутреннего состояния только что произошедшее на мостовой, а скорее всего и то, и другое вместе взятое, но он вдруг, сам не понимая почему, встал и, несмотря на свой скорее логического склада ум, оставив недопитым кофе, пошел *ей* навстречу. Что-то острое пронзило ему сердце, но боли не было, а, наоборот, теплота вышла из груди, словно облаком нежности обьяв его всего от корней волос до пят, и, казалось, наполнила собою весь мир вокруг. Поравнявшись с *ней*, он остановился.

— Андрей,— просто сказал Курилов.

— Юлия,— так же просто ответила она и взглянула на него своими большими серо-голубыми глазами.

Стрелка часов на стене противоположного здания приближалась уже к восьми тридцати, и на улице появились люди, как обычно спешащие в это время на работу и по своим ранним делам. Солнце исчезло за быстро надвинувшейся тучей, и стал накрапывать дождь. Он собирался быть всерьез и надолго, так как капли падали все чаще и сильнее. И вот полил настоящий ливень. Дождя не было уже с месяц, и небесная канцелярия, видимо, решила восполнить пробел в поставке влаги и отдать *ее* всю, накопившуюся сейчас, в это еще пол-

часа тому назад волшебное утро.

— Дождь,— сказала она и улыбнулась.

Они побежали под навес. И все люди побежали туда и в помещение кафе, и в единственный открытый в это время магазин на другую сторону улицы. Под навесом места всем не хватало, и пришлось все столики и стулья сгрудить в углу. Это был даже не ливень, а водопад. Про такой говорят — льет как из ведра. И лил он мощно, неотвратно и жестоко, смывая все на своем пути. Струи воды били по асфальту и земле, сплошь покрывшимся лужами, вспенивая их, оставляя множество, появляющихся вновь и вновь пузырей.

Из земной зыбкости и небесной хляби рождалась новая реальность, обещавшая быть очищенной и свежей, и лишь очертания домов, деревьев и машин напоминали прошлую картину, как бы нечетко видимую сквозь водяную завесу.

В скученности под навесом рука Андрея случайно коснулась Юлии. Она трепетно вздрогнула и вновь взглянула на него. Сказочное присутствие рядом красивой молодой женщины, которой не было еще несколько минут тому назад, волновало, будоражило Курилова и захватывало, вместе с тем, в немного пугающий, но сладостно-томительный плен, очаровывало и манило своей многообещающей неопределенностью. Он старался отвлечься, чтобы не замечать пупырышек на ее тонких руках, груди и шее, не замечать ее влекущее и красивое тело, которое так откровенно облегалo тонкое промокшее платье.

Под навес прибывали все новые и новые люди, они вжимались в среду уже стоящих там, производя движение, передающееся соседям. От этого Андрей и Юлия поневоле продолжали соприкасаться. И как старательно он ни отводил свой взгляд, его обжигали эти случайные прикосновения, заставлявшие мысли нестись во весь опор и не совсем в ту сторону, куда бы ему хотелось. Курилов ничего не мог с этим поделать, хотя внешне это никак не проявлялось.

Ливень то утихал, переходя в слабый по сравнению с «водопадом» дождь, то усиливался вновь, стараясь пуще прежнего. Струи били и по стойкам навеса, отчего вокруг разлетались осколки на миг блеснувших бриллиантов-брызг.

Юлия изредка взглядывала на Андрея, так вдруг возникшего перед ней и теперь стоящего в такой близости красивого статного парня. Судя по румянцу щек и дыханию, быстрому,

поверхностному, с едва заметным, но очень волнующим, подрагиванием груди, можно было судить, что у нее внутри творилось то же самое, что и у него.

Смахнув с лица упрямую прядь волос и ладонью стерев со лба капли влаги, она решила первой нарушить молчание. Интересно, надолго ли дождь?

— Обычно ливни долгими не бывают,— авторитетно, с уверенностью хорошо знающего дело человека ответил Курилов.— А вот будет ли дождь затем моросить, и как долго, это уже другой вопрос.

— Понятно...

Произнося эти ничего не значащие фразы, они несколько раз обменялись взглядами. И Андрей вдруг понял — эта совершенно незнакомая, красивая женщина, которая может исчезнуть также внезапно, как и появилась,— самый дорогой, желанный и необходимый ему сейчас человек. Курилову захотелось обнять ее, закрыть и спасти от неведомой опасности, открыть и на ладонях преподнести свое сердце, захотелось ввести со всеми загадками и тайнами в свою жизнь, в которой так не хватало до сих пор ее — прекрасной и внезапно ставшей самой близкой женщиной на свете.

Юлия также поняла, что творится с оказавшимся в такой близости с ней мужчиной. Ведь и она еще полчаса тому назад совершенно не думала ни о чем подобном. И сейчас находилась в радостном состоянии, какое часто неосознанно, давно и с замиранием сердца ждала.

Они не сказали друг другу и нескольких слов, но оба чувствовали, что эта встреча, начавшаяся как приключение, может перерасти в нечто серьезное.

«А может быть?» — мысленно спросила она и одновременно настороженно и ожидающе распахнула на него свои серо-голубые лучащиеся глаза.

«Да!» — сказали в ответ глаза Андрея, и его рука нашла ее руку.

Выражения их лиц, видимо, отличались от окружающих, и люди стали все чаще бросать на них любопытные взгляды.

А Андрей и Юлия, не отрываясь, смотрели друг на друга, ни на кого не обращая внимания. Каждый видел просветленные глаза другого и чувствовал, что они одновременно и отражение, и причина сияния своих собственных. На их лицах проблескивали едва заметные улыбки, и в этот момент они были

готовы расцеловать весь окружающий мир.

Внезапно стало светло. Последние капли стукнулись об асфальт, еще недавно мощный ливень прекратился, как будто его и не было. И только бурный поток, шумевший вдоль мостовой, и огромные лужи напоминали о недавно разыгравшейся стихии. Яркие солнечные лучи пронзили все вокруг и всеми цветами радуги заставили сиять мириады драгоценных камней на листьях, траве газонов, уличных ограждениях и проводах.

Они шли по этой омытой, свежей и новой для них улице, в окружении маленьких сияющих солнц, держась за руки...

ГЛАВА 9

Ударники капиталистического труда

Игорь Перерушев заехал за Куриловым на своем внедорожнике в воскресенье в восемь утра. Как и договаривались, первым пунктом их плана была поездка на кладбище, поухаживать за могилами своих родных, а затем — на два дня в Коломну: они решили на второй день отдохнуть — порыбачить в тех местах. Поэтому Игорь захватил с собой все необходимое для рыбалки в расчете на двоих.

Курилов с Перерушевым были знакомы уже давно, еще со стройки, где они вместе работали. Проработав семь лет — во время учебы в институте, куда он поступил сразу же после армии, и два года после его окончания, — заработав квартиру, Андрей оставил стройку и занялся «челночным» делом внутри России. А позже убедил и Игоря заняться этим совместно. Они закупали продукты в Пензе и продавали их в Патрушевске, где тогда ничего не было, поэтому «уходило» все быстро, без остатка. Потом переключились на «зарубеж».

— А помнишь, как мы с тобой мотались за границу? — спросил Игорь, когда они выехали на окружную.

— Еще бы! — Андрей поглядел на друга и чуть улыбнулся, вспомнив, видимо, что-то из прошлого. — Но все закупали товары «за бугром» и продавали у нас, а мы с тобой были не

обычными «челноками», ибо, с точностью до наоборот, стали возить туда наши товары, которые у них пользовались спросом.

— И по качеству они были тогда не хуже тамошних, но стоили гораздо дешевле.

— Да, поляки брали неплохо... Потом мы катались с тобой в Болгарию, Венгрию и Турцию.

— Как сейчас помню, сумки — на тележки, «на горб» и в руки, и на автобусе — до Бреста, а оттуда поездом в Варшаву. — Перерушев улыбнулся, задумчиво глядя перед собой. — Спирт, сигареты, скобянка и электрика шли у поляков «на ура»! — Да, поляки склонны к коммерции, они уже тогда были торговцами в большей степени, чем люди из других соцстран, — подхватил тему Курилов.

По обеим сторонам шоссе тянулся смешанный лес. Солнца за ним видно не было, но все — и окрас легких облаков, и позолоченные верхушки деревьев — говорило о том, что оно уже взошло.

— Помнишь, Игорь, как однажды сказал, что хочешь работать отдельно от меня? — спросил Андрей.

— Да, помню... Ты просто подавлял волей, инициативностью и своими, буквально фонтанировавшими идеями.

— В девяносто третьем, когда надоело «челночить», я открыл свою фирму и пригласил тебя с собой. Но ты так увлекся «челночной» работой, что и слушать ничего не хотел, — продолжал Курилов.

— Напомни мне, чем ты тогда занялся?

— Не путай, это было уже не предпринимательство, а руководство фирмой. А она занималась снабжением строительными материалами, включая электрику. Принимались заказы, поставлялись материалы. Говорят, что работали эффективно и на достаточно хорошем уровне. По крайней мере, все были довольны.

— Так ты же, насколько я знаю, продолжал работать с границей? — то ли спросил, то ли утвердительно сказал Игорь.

— Конечно, занимались и этим. Ведь столько контактов и наработок было, зачем же всему этому добру пропадать? Но делали все через фирму контейнерами.

— А что шло за границу?

— Поставляли в Болгарию чугунные радиаторы, лампочки, туалетную бумагу и стиральный порошок. А оттуда в Патрусевск — игристое вино «Искра», консервы, сиропы и другие продукты питания. Причем, помнишь, цены тогда менялись почти ежедневно. Поэтому работать было тяжело, по восемнадцать-двадцать часов в сутки вкалывали. Но справлялись в целом неплохо и через некоторое время уже торговали и в городе.

— Ударники капиталистического труда! — засмеялся Перерушев.

— Да, задора у нас тогда было много. За что только не брались? Помню, одно время заинтересовались даже лечебным ядом гюрзы. Короче, рассматривали все, кроме оружия, наркотиков и другой нелегалщины, — улыбнулся в ответ Курилов.

— Я надеюсь, не будешь хвалиться, что к тебе и близко никто не подходил, настолько ты был силен?

— Шутишь?.. Работать в то время было очень тяжело и опасно. Сам знаешь, везде воцарились «братки», и расцветал рэкет.

— Кстати о нем. Ты, говорят, исторический труд собирался писать по этой теме?

— Ха-ха-ха, — рассмеялся на шутку Андрей. — Да, я все люблю систематизировать. Вот и с этим явлением разобрался в отдельно взятом городе. Если тебе интересно, рэкетирами в те годы были уголовники старого и нового пошиба, а также — вырожденки-то во всех слоях и структурах общества находились, не в пример большинству порядочных людей, — спортсмены, милиционеры и даже некоторые работники администрации и прокуратуры. А началось все с борцов. Потом появились «специалисты» из уголовников. А затем пошла и третья волна — милиционеры и прочие... Вообще же братки работали кланами. Воры в законе, которыми в советское время пугали обывателей, были спокойнее и правильнее прочих. Страшен же был молодежь — «новые уголовники», (по типу «новых русских»), которые не подчинялись даже традиционным воровским законам и оттого были неуправляемы. В Патрусевске сразу выделились спортсмены — борцы. Начав на лесоторговле грузчиками, они организовали на центральном рынке кооператив

«Гвоздика», подмяв под себя почти весь цветочный бизнес и, кроме этого, занялись рэкетом. У них были постоянные разборки с кавказцами. Помню их клички, так как они интересовались мною, и все время маячили на горизонте...

— Бог с ними, с кличками!.. Может, вспомнишь лучше какой-нибудь интересный случай?

— Сейчас... — Курилов взгляделся в даль. — Там впереди кафе. Может, остановимся, перекусим, а то у меня со вчерашнего вечера ничего во рту еще не было?

— С удовольствием, — согласился Перерушев.

Они припарковались на площадке у кафе и вышли из машины. Устроившись за столиком, друзья сделали заказ и продолжили разговор.

— Понятно... У тебя таких «контактов» не было, — продолжил Андрей. — Ты сразу из умных «челноков» — кто торговал не здесь, а за границей, — перешел в сетевики...

— Хочешь, я тебе расскажу о сетевом бизнесе? — восторженно воскликнул Игорь. — Это — самый лучший...

— Игорь, я к тебе хорошо отношусь, ты мой друг! Но о сетевом давай не будем, хорошо? — мягко остановил его Андрей.

— Ну, хорошо, как скажешь... Тогда рассказывай интересный случай!

— Ну, слушай! — Курилов на несколько минут задумался, глядя на зеленые и золотистые поля, раскинувшиеся по обеим сторонам шоссе, и повернулся к Перерушеву. — Однажды приехал ко мне в офис один такой, ну, прямо, шкаф. Как потом оказалось, мастер по рукопашному бою — высокий, шея бычья, кулаки с гирю. «Такая ситуация, мол, в стране, что все равно придется кому-то платить», — буквально с порога заявил он. Я послушал-послушал и предложил двоим их «борцам» оформиться охранниками и официально получать зарплату. (Как в воду тогда глядел, и углядел будущее рэкета). Но им такой вариант не понравился, — тогда об этом не помышляли. «Мы не охранники!..» — высокомерно ответил он. Странно, но больше эти ребята не приходили. Может быть, из-за уха?

— Из-за уха? — переспросил Игорь.

— Ну, да!.. Видишь, оно у меня порвано при рождении, — сказал Андрей и показал Перерушеву травмированное ухо. —

А они решили, что я свой, то есть борец. Ведь у них порванное ухо — одна из самых распространенных травм.

— А другие — конкуренты — не приходили? Ведь было много кланов, насколько я знаю.

— Да, с одной стороны — множество желающих, а с другой — «место под солнцем» ограничено, и они частенько постреливали друг в друга. Помнится случай со знакомыми, которые фурами возили в Прибалтику медный лом. Тамосние «шишки» занимались медью и на этом поднялись. Но, как всегда водится, кто-то кому-то не доплатил, не рассчитался, и тут, в Патрусевске, была устроена разборка. Но происходила она, что интересно, не между участниками бизнеса, а между крышами. Во дворе на Красноказарменном за длинным домом, где церковь, собралось человек двести. Наверное, чтобы показать друг другу силу.

В Патрусевске цветные металлы «крышевали» уголовники и «оборотни» из тогдашних кэгэбэшников. Причем «представители» госструктур участвовали в этом еще при социализме. Если кто-то пытался заниматься самостоятельно, то неприятности у него начинались практически сразу. Людей ломали психологически, давили на них, пытали и даже убивали. Нужно было подпасть под «крышу» либо одних, либо других.

— Я слышал, что все пошло из Питера?

— Это так... Перестроечный бандитизм зародился и развивался в Ленинграде — поистине это был «бандитский Петербург» — и оттуда широким фронтом пошел по стране.

— Ты сказал, что и милиция в бандиты подалась?

— Ну, не все, конечно! Но и среди них были «умельцы» и даже ОПГ.

— А у тебя был личный опыт «общения» с ними?— спросил Перерушев.

— Куда ж я мог деться? Конечно, был. Но расскажу вначале про случай, не имеющий ко мне никакого отношения. Однажды в городе произошел налет со стрельбой. Братки взяли оптовый склад, погрузили товар, сколько могли, на «Газель» и уехали. А менты, приехавшие почти сразу после отъезда грабителей, вместо того, чтобы погнаться за ними, стали грузить оставшийся товар в машины и, в итоге, украли не меньше, чем те.

— Да... Здорово, ничего не скажешь...

— И пример местным было с кого брать! Как-то работники нашей фирмы поехали в Москву на закупку товаров. Их сопровождали охранники и три милиционера с автоматами. Так московские менты на выезде из Москвы разоружили их и забрали весь товар! Вот так-то...

— Комментарии тут, как говорится, излишни...

ГЛАВА 10

В «городе мертвых». И «сколько нам открытий чудных» приготовил путь в Коломну

Вдоволь наговорившись, друзья сели в машину и продолжили свой путь на кладбище. Оно возникло несколько десятилетий тому назад на большом пустыре, и было видно с любой возвышенной точки города, которой являлся и верхний этаж расположенной на холме девятиэтажки, где у Курилова была квартира. Летом взору открывалось белесое на фоне зелени пространство, блестевшее на солнце своими шлифованными гранитными, мраморными и — победнее — из нержавеющей стали памятниками и никелированными оградами.

За время своего существования кладбище разрослось и превратилось в настоящий город мертвых со своими улицами, кварталами и площадями. Со своей особой жизнью, основанной на трех так называемых кладбищенских столпах: на захоронении усопших и заботе родственников о могилах; на зарабатывании денег от услуг, предоставляемых родственникам, и на мелком воровстве.

Последнее всегда процветало здесь. Воровали цветы, венки, металл и прочее, что плохо лежало и представляло хоть какую-то ценность...

Царящая у входа реклама — вывески фирм, фирмочек, магазинов и ларьков, — длинные ряды искусственных и, реже, живых цветов, и прочее, необходимое в таком месте, — все это привлекало внимание пришедших для похорон или ухода за могилами людей.

Курилов с Перерушевым, припарковав машину и взяв все

необходимое, неторопливо шли сквозь негромкие многоголосые призывы приобрести товар, как обычно, лучший именно у данного продавца. Их внимание привлекла старушка, продававшая искусственные цветы. Она сидела, потупив взор, и скромно молчала, натруженные руки ее лежали на коленях. Одежда была простой, но аккуратной и чистой. Друзья остановились, старушка подняла на них глаза и улыбнулась. Все лицо и синие лучистые глаза светились спокойствием и доброжелательностью. Друзья купили у нее несколько букетов и, поблагодарив, — может быть, больше за тот свет, который она им подарила, чем за цветы, — направились ко входу.

Могила их родителей находилась в разных и достаточно отдаленных местах, поэтому, чтобы сэкономить время, они решили, поухаживать каждый за могилами своих, а потом созвониться и встретиться. Улочками и переулками «города мертвых», города памятников и оград Андрей добрался до могилы матери. С портрета глаза ее глядели так же мягко, ласково и всепрощающе, как и при жизни. Андрей мысленно поздоровался с мамой и присел на лавочку. Сколько лет уже прошло, но она была для него по-прежнему живой, как в те далекие годы, когда он подростком остался один — отец, конечно, был не в счет...

Андрей отвлекся от воспоминаний. Взяв тяпку, он разрыхлил землю на могиле, прополов сорняки, посеял рекомендованную Игорем траву, семенами которой тот его снабдил. Потом полил из лейки водой, принесенной из колонки, подкрасил ограду, подправил и покрасил лавочку и поставил к памятнику букет цветов.

Время за работой пролетело быстро. Закончив, он омыл оставшейся водой руки и снова мысленно пообщался с мамой, попросил прощения за свои редкие в последнее время приходы к ней. И вдруг почувствовал, как теплая волна прошла сквозь него, и одновременно с этим услышал как бы внутри себя мамин голос: «Андрюшенька, я очень тебя люблю и хочу, чтобы ты был счастлив!»

Андрей не был верующим человеком и в рассказы о загробном мире не верил. Но произошедшее с ним сейчас было настолько явственным и реальным, что поколебало его убеждения. Курилов некоторое время постоял в раздумье — что

бы это могло быть? — но постепенно природный скептицизм стал брать верх и услужливо предложил сознанию свой довод — почему же раньше за все эти годы после ухода мамы ничего подобного не было, ни во сне, ни наяву?— значит, показалось.

Вечное, как мир, стремление человеческого сознания приписывать духовным, метафизическим явлениям логику мира физического, материального! Вот и сейчас,— если раньше такого никогда не происходило, значит, этого не может быть и теперь. А того, что в прошлом человек не был открыт для такого контакта, а сегодня — по совокупному состоянию сердца, души и разума, которое, возможно, было ему неведомо ранее,— стал доступен, человек понять не умеет. А раз так, то отрицает и самую подобную возможность.

И снова теплая волна, уже без внутреннего голоса, накатила на Андрея, объяла его всего, напрочь смыв все скептические размышления, пронесшиеся за эти несколько мгновений в его голове, оставив вместо себя растерянность. Постояв еще немного, он, поклонившись, попрощался с матерью, позвонил Игорю и, собрав принадлежности, зашагал к выходу, внутренне пообещав себе подумать обо всем на досуге и разобраться.

Перерушев уже ждал его, и они направились на автостоянку.

Путь до дороги, ведущей в Каширу, прошел в молчании. Друзья лишь изредка обменивались впечатлениями от пейзажей, проплывавших мимо строений и ситуации на дороге.

Расстояние от Патрушевска до Коломны равно ста пятидесяти семи километрам, что по времени занимает примерно час сорок — час пятьдесят нормальной езды без задержек и остановок. Путешественникам предстояло проехать через Узелково, Мокинск, Серебристые Пруды и далее в Каширу, из Каширы в Клишино, через Оку в Озеры и вдоль Оки в Коломну.

Стояла ясная солнечная погода, и открывающийся простор дарил им сегодня неповторимые по своей среднерусской красе виды. Разве заметишь такое небо — во всем его объеме и величии — в городе? Никак нет, как говаривали в армии. Чистый купол неба по краям был в живописных кучевых облаках, что порождали в воображении образы людей, живот-

ных и сказочных персонажей, благодаря различным оттенкам — от белого и до темно серого. Казалось, они находились в постоянном движении, борьбе, видоизменяясь буквально в течение нескольких мгновений. А вот на противоположной стороне неба — облако в виде дракона, летящего с открытой огнедышащей пастью, с длинным хвостом и светящимися в лучах солнца поднятыми во взмахе мощными крыльями.

Неповторимый облачный живописец — солнце. Желтые, розовые, золотистые со всеми их переливами и переходами краски оно кистью-лучом наносит на холст неба. Вот плывет рыба кит, окруженная сонмом рыбешек в блестящей чешуе. А в стороне, глядит на все это голова великана, обращенная затылком к солнцу, с ярко освещенной кроной волос.

Не менее красивы проплывающие мимо и земные пейзажи. Андрей долго любовался березой, отдавшей ветру, прогнувшейся как партнерша в танце под его напором. А он, радуясь своей любовной власти, быстро ведет ее, и ветви с листьями, как волосы и развевающееся платье, создают неповторимый шлейф этого движения.

Неповторима и прелесть прозрачной березовой рощи, медленно движущейся вдали вслед березе-танцунье. Но вот машина въезжает в лесистое место. И деревья, почти вплотную обступившие шоссе с обеих сторон, по мере приближения машины, словно подбегают, пытаются что-то сказать, но, не успев этого сделать, в мгновение расступаются-разбегаются и останавливаются позади, с сожалением, молча, провожая путников, так и не успев рассказать им что-то свое, у каждого — самое важное.

И снова простор — палитра всех оттенков желтого и зеленого на полях и лугах, окаймленных полосами леса, рощами и рошицами, в которых порой можно увидеть удивительную игру света и тени, подобную той, которую отражал Куинджи на своих полотнах.

Андрей пожалел, что не взял с собой ни видеокамеру, ни фотоаппарат — такие уникальные виды попадались им. Чего стоят, например, три дуба, растущие полукругом на поляне на некотором расстоянии от рощи, словно три брата-воина вышли сразиться с богатырями супротивного войска. Или две старые березы по обе стороны тропинки, ведущей от шоссе к

видневшейся вдали деревне, наклонились друг к дружке, будто две старые закадычные подруги встретились и ведут беседу.

Игорь тронул за рукав и показал налево. Они проезжали мимо небольшого, но чистого пруда, по обе стороны которого к воде склонились ивы, а на дальнем берегу, на некотором отдалении от воды стоял белый храм с большим зеленым куполом и вознесшейся ввысь колокольней. И храм с колокольней, и деревья, и небо отражались в пруду, создавая целой гаммой всевозможных оттенков зеленого и голубого живописную картину.

— Да, пейзажи здесь — песня!— восхищенно сказал Игорь.

— Просто сказка!— подтвердил Андрей.— А ты обращаешь внимание на указатели с названиями речек, деревень, сел, городков...

— Ты знаешь, нет...

— А зря! Интересные имена... Вот и Коломна, куда мы едем, тоже необычное и богатое по звучанию название...

— Андрей, вот я тут, еще раньше, думал, смотри: Калининград, Архангельск, Новосибирск, Владивосток — это понятные русские названия. А Кашира, Коломна?..

— Я, в силу любопытства, интересовался этим вопросом. Понимаешь, здесь переплелись фино-угорские, славянские и тюркские, а может быть, и какие-то более древние корни. Посему так загадочно, влекуще и напевно звучат эти имена — Коломна, Тула, Кохма, Ока, Угра, Колывань, Пахра, Кашира, Москва, Упа, Калязин, Таруса, Черусти, Касимов, Колпино, Протвино, Лыткарино, Калуга, Кострома... Как о многом говорят они!

— Да, и вправду, красиво!

— Существует много версий по поводу происхождения этих названий. Жители каждого города, городка, поселка, села и деревни передают или стараются отыскать древнюю легенду, порой добавляя в нее что-то от себя, которая объясняет почему их место жительства или река так именуются. Есть научные объяснения, а многие являются фантазией, игрой в звукосочетания и анализ слов, красивой выдуманной сказкой, но, тем не менее, выражением любви людей к своей малой родине.

— Понятно, люди всегда отличались способностью фанта-

зирать... Ну, а в отношении Коломны, что слышно?

— Я почитал, порыскал в Интернете,— всегда, если куда-то еду, ищу материал об этом месте. Такая «вредная» привычка у меня.

— Разумно — и впечатления, и знания.

— Так вот, есть интересное предположение, что название города происходит от особенности протекания Оки. Вот Калуга строилась на широких зеленых лугах, среди которых спокойно текла маленькая, но глубокая река. «**Ка**-кие *луга*!» — якобы восклицали люди, отсюда название города. Потом Ока набирает силу и из маленькой превращается в широкую — «**Ка**-к *шир*-ок-а!» — на берегу ее появляется город Кашира. В районе Коломны река совершает крутой поворот по ломаной линии, то есть "ломается", отсюда и Коломна — «**Ка**-к *лом*-а-на!»

— Интересно и красиво, но, наверное, малонаучно. А что говорит наука о происхождении названий этих трех городов — раз уж их связала молва?

— Начнем с Калуги. По Далю слово «калуга» имеет значения: пойма, поемный луг, калач. То есть и по науке происхождение названия города Калуга связано с лугами. Имя Кашира скорее всего, произошло от названия речки Каширки, которая впадает в Оку в этом месте. Что касается Коломны, то существует несколько версий. Согласно одной из них, Коломна — первоначальное название реки, произошедшее от слова, если не изменяет память, Коломья — глубокая колея, наполненная водой. А есть мнение, что имя города произошло от каменоломни, ведь рядом с городом добывали, или постаринному — ломали — камень. Может, название имеет источником слова: коломень, коломенье, означающие границу, ведь Коломна в ту эпоху являлась приграничным городом между московским и рязанским княжествами; или происходит от финно-угорских "кол" — рыба и "колва" — рыбная река, что в результате языковой трансформации превратилась в Коломну. А еще возможно, что сначала возникло название реки Коломенка, то есть река "около менка" — постаринному рынка, который действительно располагался на берегу этой реки, а уж потом и городу дали такое название.

— Вот и выбирай, кому что нравится.

— Пожалуй, так, ибо точно определить никто не может.

— А на чем мы остановимся?— спросил Игорь.

— Трудно сказать...

— И уже некогда, так как въезжаем в старинный и, нужно отметить, красивый русский город — Коломну.

Андрей впервые был в этом городе и с интересом глядел по сторонам. Чувствовалось уходящее вглубь веков скромное, не кричащее, но гордое его величие. «И не суть важно, откуда происходит название»,— думал Курилов. Он не был квасным ура-патриотом, а по-настоящему, умно любил свою землю и древний народ, населяющий ее, народ многонациональный и многоукладный по своим верованиям и культурным традициям, но имеющий единую образующую основу — русский народ,— и единый по материнскому своему рождению — ведь Мать-Россия для всех единственна, как мать, которую не выбирают.

ГЛАВА 11

Мастер-класс на Оке

В воскресенье днем друзья, как и договорились, заехали к родственникам Игоря, троюродной сестре Екатерине с мужем, всю оставшуюся половину дня общались с ними и заночевали у гостеприимных хозяев. На другой день Андрей, предварительно связавшись, навестил своих партнеров по строительным материалам, с которыми он был знаком лишь заочно, оставив Перерушева заниматься по хозяйству у родных. Время в решении деловых вопросов по расширению ассортимента поставляемых в Патрусевск материалов пролетело незаметно. Встретившись вечером дома, друзья отказались от очередного хлебосольного и, как водится, с крепкими напитками застолья и раненько легли спать, собираясь завтра чуть свет на рыбалку.

Для Андрея — не считая нескольких выездов — она была почти внове, поэтому он во всем положился на Перерушева, для которого рыбалка — истинное удовольствие, часть души — увлечение, привязанность и страсть. Курилову же важнее была природа: ее красота, живописные дальние пейзажи, чудо

рассветов и закатной поры, животворящая сила и благодать леса, сочная зелень травы, искрящаяся на солнце роса,— во всей красе и силе, и чем далее от города, тем больше. Частенько ему хотелось бежать от нескончаемой, мелочной и своекорыстной суеты, от мучивших сомнений и бесплодных идей на природу. И там, у зеленой глади пруда или под тихо шелестящей на теплом ветерке на опушке леса березой, в прохладе густого, дурмяно пахнущего кустарника куда-то улетит все ненужное, суетливое, постороннее и несбыточное, рассеется все лишнее и останется главное, основное,— то, что в обыденной жизни постоянно заглушается наглой напористостью телеканалов, бесконечным криком рекламы, давящим негативом слухов и ожиданий и растворяется в заикленности быта, работы и механистичности современного города. Свежесть и свобода земного пространства усилят, укрепят, породят в душе любовь ко всему и вся, целостность, глубину и глобальность мысли и напитают тело энергией матери-земли.

Когда они с приятелем приехали на берег Оки, готовящееся взойти солнце еще только чуть-чуть намекало на это белой полоской неба на горизонте.

— Скажи, а время года что-то значит для выбора места ловли?— спросил Курилов после того, как Игорь, припарковал машину в тени высокого раскидистого дерева недалеко от реки.— Не буду скрывать, я что-то слышал об этом, но вскользь.

— Андрей, давай сразу договоримся — говори тихо, а лучше шепотом. Лады?— вступил в права «руководителя рыбалки» Игорь и добавил, отвечая на вопрос:— Конечно, значит. Например, весной, когда вода еще мутная, а берег и дно не заросли, рыба клюет везде и на любой глубине. Летом же хорошо, где не глубоко и дно покатое и песчанное или мелко-камышковое.

— Интересное слово!

— Сам придумал,— похвалился Перерушев.

— Извини, перебил...

— Ничего. Только не забывай, не кричи. А то спугнешь рыбу, и она на несколько часов спрячется среди корней... Ну, так вот, где мелко — лучше ловить рано утром или поздно вече-

ром.

Кстати, мы именно в таком месте и находимся. Посмотри, какое дно.

— Да, вижу.

— И зелени, смотри, сколько и на берегу, и в воде. Тут рыбе и корма больше, и от солнца есть где спрятаться, и нас с тобой не видно. А вот если бы дно было не заросшее, то лучше с лодки удить.

— Да, батенька, наука.

— А то!

— Ну, не только, наверное, такие, и еще места удобные есть, а?

— На перекатах — это такие проходные места, через которые рыба, плывет из одного места в другое,— или в местах, где в реку впадают ручьи...

Игорь достал полиэтиленовый пакет, наполненный чем-то на вид напоминающим кашу. Он развернул его и, зачерпывая содержимое рукой, стал крошить в воду.

— Что ты делаешь?

— Прикармливаю.

— Чем?

— Зерна, какие есть пол рукой: пшеница там, овес, к ним можно гущу квасную и корки черного хлеба, сухари — лучше, если подгорелые и даже горелые,— все это заливается кипятком и — в духовку, чтобы хорошо распарилось.

— И, действительно, целая наука!

— Да ничего сложного нет. А теперь давай поставим удочки. Больше двух не будем, учитывая, что ты начинающий рыбак, говоря современным «птичьим языком» — чайник.

Они забросили блесну, укрепили на берегу удилица, положив их верхние концы на речную поросль, и, сев на небольшие складные стульчики, стали глядеть на поплавки. Андрей недолго наблюдал за поплавком, а загляделся на речную красу: зыбко белесую гладь достаточно широкой в этих местах Оки и заалевшее на востоке небо. Заря разгоралась все сильнее, и вот уже весь край неба полыхал, и река отвечала этому полыханию, ее воды на востоке становились розово-красными, так алый небесный свет преломлялся в мелких гребешках воды.

— Смотри, у тебя клюет!— тихо, но внятно сказал Игорь, толкнув Андрея в бок.

И действительно поплавок Курилова чуть задергался, наклонившись в сторону.

— Подсекай, подсекай!

— Как это?

— Вот так!— Игорь взял удище Андрея и энергично, но не очень сильно, дернул блесну в сторону, противоположную той, куда тянула рыба.

— О, крупная, кажись, попалась,— проговорил Перерушев.— Вон там, возле рюкзака, лежит сачок, давай его сюда. А я буду потихоньку подводить рыбину к берегу.

Курилов быстро взял сачок и подошел с ним к Игорю.

— Так, теперь неглубоко, вода не выше сапог, заходи и поддень сачком ее снизу, то есть поймай в сачок, хотел сказать, понял?

— Да, сейчас.

Андрей все сделал, как велел Игорь, и через минуту на берегу в траве уже билась большая рыбина.

— Отлично! Килограмма на два потянет,— обрадовался Перерушев.

— А что это за рыба?

— Форель-пеструшка,— ответил Игорь.— Смотри, какая красавица!

И правда рыба была очень красива: в мелкой чешуе золотисто-серебристого оттенка, усыпанная мелкими темными пятнышками, которые на боку окаймлены красными и голубыми колечками, спина же — зелено-коричневая, брюхо белое, а плавники светло-оранжевые. И впрямь пеструшка!

Игорь, насадив, наживку из той же подкормки, что бросал ранее в воду, вновь закинул удочку.

— Скажи, а как влияют время года и погода?— поинтересовался Курилов.

— Ну, ты прямо рыбаком-профессором хочешь стать,— засмеялся Перерушев.

— Так интересно же. А я, если мне это хочется знать, все равно узнаю. Так уж лучше от мастера, чем из книжек, в которых никогда до конца все не сообщают и, более того, самый важный секрет всегда «зажимают».

— Тогда слушай. В августе и сентябре, что скоро наступят, когда вода прогрета хорошо, рыба будет плавать в верхних слоях. В прочие же месяцы, наоборот, в глубине. Причем крупная рыба всегда плавает глубже мелкой. Но тут еще важно, какая погода стоит. Если жарко, то рыба прячется от лучей солнца в тени водяных растений, под корнями береговых деревьев или под нависающим берегом. Там и надо ловить. В это время это лучше делать рано утром, как мы сейчас делаем, или поздно вечером. Если погода прохладная или пасмурная и дождливая, то хорошо ловится и в течение дня.

— Ты знаешь, мне это все уже начинает нравиться...— начал, было, Андрей, но тут заклевало у Игоря, и он не ответил — сконцентрировался на ловле. И только когда рядом с первой легла и другая рыба, правда поменьше, сказал:

— Хорошо, что нравится, будешь мне напарником. И следующий раз будем ловить с лодки. О, это особое удовольствие. Вон, видишь, камыши?— он показал влево, ближе к середине реки.

— Да, да, вижу.

— Возьмем с собой удочки подлинней и встанем в свободном от камышей месте, подогнем их с обеих сторон под себя и сядем.

— Для чего это?

— А чтобы лодка не качалась... И положим удочки поперек лодки. Рыба в таких местах ловится хорошо и большая. Так что, готовься!

— Всегда готов!— отшутился Андрей.— Было бы время!

— Ну, если нравится, найдешь.

— Да, ты прав.

Друзья замолчали и углубились в созерцание своих поплавков. Вокруг стояла полная тишина, изредка прерываемая голосами птиц. Солнце уже взошло достаточно высоко, и на востоке гладь реки блестела, как зеркало. Вся же остальная поверхность реки была в середине розовой, а далее на запад еще оставалась серой. Это было время утренней неги, когда уже нет ночной прохлады и еще нет дневной испепеляющей жары. Подобное состояние тела и души бывает еще в послезакатную пору. Но утреннее все же отлично от вечернего. Ут-

ром, кроме умиротворения, чувствуется разлитая в атмосфере надежда на все хорошее и доброе, что сбудется обязательно этим днем, на возрождение всего светлого, что было раньше, связанного по преимуществу с временем детства и юности, и рождение нового — новой жизни, свободной от суеты, корысти и борьбы за выживание, и полной свободного созидания.

ГЛАВА 12

«Готовься, Курилов, к штурму чиновничьей цитадели!»

После возвращения из поездки Курилов с удвоенной энергией взялся за работу. Первым делом он собрал сотрудников. Вопрос на повестке дня стоял один — лицензия на деятельность платной «Скорой помощи». Но, как он и ожидал, продвижения здесь пока не было.

— Так, друзья мои, придется мне самому заняться этим!

— Андрей Васильевич, в пределах тех возможностей, которыми я располагаю, решить вопрос пока, — Драницкий тяжело и продолжительно вздохнул, — не удалось...

— И со мной никто толком разговаривать не хочет, как только узнают, что я не решаю вопросов! — взволнованно заявил Николашкин, параллельно с Виталием Анатольевичем прорабатывавший этот вопрос, видимо, его эта проблема тоже уже, что называется, достала.

— Ладно, ладно... — примирительно произнес Курилов. — Может, у кого есть какие-то соображения?

Все молчали, не глядя на Андрея, только один Медведкин смотрел прямо на него своими большими ясными и преданными глазами.

— Во всем этом деле есть один пункт, — прервал общее молчание Драницкий, — который является основной загвоздкой.

— Что вы имеете в виду? — уточнил Курилов.

— То же, что и вы! — заулыбался Виталий Анатольевич.

— А точнее? — в ответ улыбнулся Андрей.

— Если точнее, то при оказании скорой медицинской помощи в некоторых случаях применяются сильнодействующие

фармакологические вещества. Они подлежат строгому учету и к ним применяются определенные законодательные требования по хранению.

— И что?

— Вот в этом вся загвоздка! Оборот этих веществ ограничен статьей «О лицензировании отдельных видов деятельности и положением о лицензировании фармакологической деятельности».

— Так мы же хотим лицензировать?.. Вот и давайте лицензию!

— Так лицензию-то и не хотят давать!

— А чем мотивируют?

— Ох, «мативируют», да еще как «мативируют», Андрей Васильевич,— вспомнил Драницкий известный анекдот про Чапаева, Котовского и Петьку, когда последний на вопрос — чем Котовский объяснял свой отказ на их предложение, ответил аналогично, имея в виду ругань.— Короче, прямо решить эту проблему с Росспецнадзорздравом мы не сможем.

— Михайлов придумывает то одну препону, то другую,— поддержал его Николашкин.

— Поэтому вы правы, необходимо подключиться вам, Андрей Васильевич!— заключил Дарницкий.

Курилов вышел на балкон. Было очень душно. Вот уже вторую ночь подряд, иногда захватывая и утро следующего дня, шли сильные, проливные дожди. А днем палило солнце, и воздух прогревался до тридцати градусов. Поэтому высокая влажность на фоне такой температуры и создавала невыносимую духоту.

Ни ветерка, ни шевеления воздуха... По улице шли поникшие люди. Вся живность — собаки, кошки — тоже поникли. Даже птицы стали меньше петь. А вот деревья, кусты и цветы на клумбах радовались такому обилию влаги. Казалось, каждая травинка поет песню благодарности жизни. Однако природа любит равновесие и гармонию. Поэтому в воздухе повисло ожидание — что же будет после таких дождей?— наверное, солнцепек без единой капли влаги. А уж это плохо и для людей и для растительности, да и для всей земли, еще хорошо помнящей пожары семилетней давности. Тогда все выгорело и на их земельном участке. Вспомнив, Андрей тяжело вздохнул. Мысли его вернулись к вопросам лицензиро-

вания. «Да, по всей видимости, придется ему самому заняться этим делом, помощники не смогут решить многие вопросы, связанные с ним. Готовься Курилов к штурму чиновничьей цитадели!» — подумал он и усмехнулся про себя.

Андрей вернулся в комнату, где все сотрудники, занимаясь каждый своим делом, с нетерпением ждали его решения. — Я беру вопрос на себя, но каждый из вас должен быть готов, если возникнет необходимость, быстро помочь мне. Поэтому прошу находиться в офисе в течение всего рабочего дня.

— А обед? — спросила толстушка Анна Алексеевна.

— Ну, конечно, с перерывом на обед! — улыбнулся Курилов.

Он прошел в свой кабинет и сел за стол. Было очень душно. Андрей открыл окно и дверь и включил вентилятор. Благодаря движению воздуха возникло некое подобие свежести. Он вновь вернулся в кресло и взял папку, на которой крупными буквами было написано «Неотложка».

«Сделаю, во что бы то ни стало, сделаю!» — подумал Курилов и поднял трубку телефона.

— Девушка, соедините, пожалуйста, с вашим начальником.

— Геннадий Иванович сейчас в отъезде. А вы по какому вопросу хотели?

— Насчет лицензирования медицинской деятельности.

— Так вам не нужен начальник, вы придите, возьмите необходимые бланки...

— Простите, как вас зовут?

— Наташа...

— Наташа, у нас уже все готово, просто мне как руководителю компании нужно на завершающем этапе поговорить с Геннадием Ивановичем!

— А! Ну, тогда я вас запишу... Сейчас, подождите, пожалуйста... Вот, вас устроит на послезавтра в 14⁰⁰?

— Да, вполне, спасибо! Значит, мы увидимся послезавтра? — немного игриво сказал Курилов.

Наташа на том конце провода благожелательно хихикнула.

— До послезавтра! — завершил разговор Андрей, как бы посылая свою улыбку по линии.

— Пока! — как хорошему знакомому ответила ему секретарша.

«Секретарше необходимо будет сделать небольшой презент — конфеты или бутылочку хорошего вина, как это уже повелось испокон века. Пригодится...»

В положенное время Курилов был в приемной Росспецнадзорздрава. Наталья, как он и предполагал, оказалась молодой красивой женщиной с фигурой фотомодели, длинными ногами, соответствующими ресницами и светлыми волосами до плеч. Подарку Курилова — бутылке французского вина и коробке конфет «Коркунов», сопровождаемому тонким комплиментом — она благосклонно улыбнулась, видно было, что привыкла к вниманию, которое оказывали ей посетители сего начальственного места.

Геннадий Иванович Михайлов, начальник управления Росспецнадзорздрава по области встретил Курилова, сидя за столом и глядя в бумаги. Жестом, не поднимая глаз, он пригласил посетителя сесть.

— Слушаю вас,— прозвучала казенная фраза.

— Геннадий Иванович, как директор компании ООО «Патэспром» докладываю вам, что первая в Патрусевске платная «Скорая помощь» готова к работе,— говорил Андрей заранее подготовленные слова, наблюдая за тем, как поднимается голова чиновника и в его глазах появляется неподдельное любопытство.— У нас готово все необходимое для получения лицензии. Ждем вашего совета.— Он выбрал из папки необходимые документы и подал ему.

Похоже, Михайлов не ожидал такого начала и некоторое время, молча, смотрел на Курилова, словно ожидая продолжения. Потом, как бы опомнившись, сказал:

— Это ваши сотрудники приходили с бумагами на лицензирование?

— Виноват, Геннадий Иванович, я был в разъездах, подписывал контракты с партнерами, в частности с болгарами и поляками. Сейчас я сам буду заниматься этим вопросом.

— Вы знаете о том, что к сильнодействующим и отравляющим веществам проявляется пристальное внимание?

— Да, знаю.

— Так вот, мне совсем не нужен геморрой на собственную з...цу, даже если он будет из-за первой в городе платной «Скорой»! Вы меня хорошо поняли?

— Да, Геннадий Иванович!

— Можно считать вопрос исчерпанным?

— Вы меня расстраиваете, Геннадий Иванович! А ведь у меня сегодня, можно сказать, радостный день!

— Да что вы?!

— Я получил сегодня из Болгарии первый контейнер с продуктами питания в счет подписанного мною с ними долгосрочного контракта: вино, консервированные фрукты и овощи, сиропы и другие продукты.

— И что вы мне этим хотите сказать?

— Ввиду долгосрочного сотрудничества с болгарами мы хотим расширить торговую сеть не только за счет открытия своих магазинов, но и за счет партнерских торговых компаний. А уж, по каким ценам мы будем отпускать им на реализацию продукты — это предмет особой договоренности!

— Ну, что ж, если вам интересно мое мнение, то это весьма разумное решение...

— Кроме того, для близких партнеров мы планируем долгосрочные и большие скидки на строительные работы и поставки строительных материалов и электрики.

— Весьма похвально, весьма... — говорил Михайлов, а Курилов подмечал, как все больше и больше разгорался маленький, как искорка, далеко запрятанный, затаенный огонек интереса у чиновника.

«Клюнул мздоимец, клюнул, никуда ты от меня не денешься! — радостно отметил Андрей. — Ну, не взятки же мне тебе давать деньгами или материалами? Тем более я противник этого. А так, раз уж ты через свою жену там, свата или брата с кумом, как говорится, «бизнесмен», то будем договариваться как деловые (тьфу ты! делец чертов на государственном посту!) люди. Куда ж деваться-то, лицензию же нужно получать, если такие, как ты, стоят на пути не хуже дивизии СС?»

— Ну, а «Неотложка» — это мое любимое детище. Пусть будет и платная в Патрушевске. Мало ли, может, кто-то не хочет или не может ждать, либо долго нет помощи, а человеку очень плохо или он умирает? Либо нужно транспортировать тяжелобольного, так не лучше ли вместо такси сделать это с медицинским сопровождением? А кто-то, может быть, просто располагает средствами и хочет более качественного обслуживания?

— Умеете вы убеждать, Андрей... простите, как вас по от-

честву?— Михайлов стал рыться в бумагах Курилова.

— Васильевич.

— Да, да, Андрей Васильевич! Интересное, интересное дело вы задумали. И насчет продуктов болгарских на реализацию по договорным ценам, и насчет скидок на строительные работы и материалы тоже очень интересно!— Михайлов смотрел на Курилова доброжелательно с легкой приятной улыбкой на лице, а промелькнувший ранее огонек интереса исчез или был глубоко запрятан за улыбчивые щелки глаз.— Я думаю в нашем городе найдутся люди, которых заинтересуют ваши предложения... Теперь по вопросу лицензии... Вы говорите, все документы готовы?— Михайлов полистал бумаги, поданные Куриловым.

— Да, все необходимые...

— Хорошо, оставьте их. Если они в порядке, думаю, вопрос будет решен положительно. Вам позвонят!— сказал он, вставая и протягивая Курилову руку.

ГЛАВА 13

Все уже позади?

Собравшимся сотрудникам Курилов незамедлительно сообщил радостную весть.

— Лицензия будет, срок, думаю,— полмесяца-месяц. Поэтому через две недели максимум мы должны быть готовы, чтобы незамедлительно начать работу!

— Ур-р-а-а!— все были рады этой новости, уж очень долго длилась подготовка, а людям, несмотря на регулярное получение зарплаты, без работы сидеть было скучно.

— Итак, Юлия Александровна,— обратился Курилов к супруге,— подготовьте, пожалуйста, текст объявления, которое мы будем давать регулярно в газетах и Интернете. Также нужно разработать текст для рекламного щита, который мы повесим на здании. И третий вариант — для календариков, их можно распространять. Хорошо?

— Хорошо, Андрей Васильевич!— супруги на работе называли друг друга по имени-отчеству.

— Машины у нас на ходу, Валентин Александрович?

— Да, Андрей Васильевич,— ответил менеджер Медведкин.

— Нужно, чтобы с машинами сбоя не было. Что у нас с водителями?

— Один есть — Виктор, неплохой парень, водитель со стажем в «03». Это немаловажно. Второго пока не взяли, но на примете есть несколько кандидатур,— отчитывался Валентин.— Хорошо бы найти в одном лице — хорошего водителя и механика.

— Да, это правильно. Только помните, что времени у нас мало!

— Хорошо, постараемся!

— И вот еще что! Необходимо найти уборщицу, для тщательной уборки в помещениях «Неотложки».

— А я вот что думаю, Андрей Васильевич,— подключился Драницкий, по факту получения лицензии вступающий в должность главного врача.— Поскольку у нас будут храниться сильнодействующие вещества и прочие медикаменты, шприцы и медицинские приборы...

— И дежурство бригад будет суточным, как обычно, то есть, люди могут спать,— подхватил Николашкин.

— Точно!— продолжил Драницкий.— Поэтому функции уборщицы можно возложить на диспетчеров с соответствующей доплатой им за эту работу.

— Я понял вас,— сказал Андрей, обращаясь к врачам,— Виталий Анатольевич и Геннадий Никитович, так и сделаем! И продолжая вашу мысль,— а как у нас с диспетчерами? Да, и не забудьте о фельдшерах!

— Ищем...— ответили медики.

— Уже можно искать активнее, говоря о конкретных деньгах. Напоминаю,— обратился он к врачам, менеджеру Медведкину и бухгалтеру,— для всех работников «Неотложки» зарплата будет состоять из двух частей: оклада и процента с обслуженных вызовов. Для диспетчеров вторая часть — за количество организованных выездов.

— Еще, Андрей Васильевич, нам нужно продумать механизм получения сильнодействующих веществ. Ведь в больницы и «Скорую-03» они выдаются централизованно...

— А для чего у нас Виталий Анатольевич?— улыбнулся

Курилов.— Вот и думайте! И вы, Геннадий Никитович, думайте. Будем на связи, и как только у кого-то из нас троих возникнет соображение на этот счет, будем держать совет. Врачи согласно кивнули. Кто-то из сотрудников стал собираться по делам, кто-то занялся работой в офисе. И в это время раздалось дикое, раздирающее слух мяуканье за окном.

Все бросились к окну и раскрыли его. На ветке дерева, росшего напротив их офиса, почти на уровне окна, на расстоянии полутора метров сидела черная кошка и попеременно, глядя то вниз, то на окно, громко мяукала.

— Нужно ее достать, так просто сама она не спустится!— сказала Юлия Александровна.

— Да, пожалуй,— согласился Курилов.

— Вопрос только, как?— подключился Медведкин.

— Кажется, я знаю как!— воскликнул Николашкин и направился к выходу.

Через некоторое время он появился с доской.

— Вспомнил, что видел как-то в подвале... Попросил коменданта...— сказал он, просунул доску в окно и, дотянувшись ею до дерева, один конец положил в развилку между ветками, а второй — на подоконник.

Виновница хлопот теперь жалостно мяукала, но уже с некоторой надеждой в голосе, и с опаской поглядывала на доску. Затем она, продолжая мяукать и осторожно ступая, подобралась к доске и опасливо дотронулась до нее, тут же отдернув лапу обратно. Так она делала несколько раз, все смелее, пока не убедилась, что данный предмет ей не опасен. И, наконец, решившись, с последним громким «Мяу-у-у!» кошка перебежала по доске и, соскочив с подоконника на пол, как ни в чем не бывало уселась посреди комнаты и стала наводить туалет.

Сотрудники, доселе с замиранием сердца следившие за всем, захлопали в ладоши, радуясь благополучному исходу. Николашкин, гордый ролью спасителя, поделился со спасенной своим обедом, налив ей в принесенную Юлией Александровной миску молока из пакета.

Кошка, вылакав все молоко и оглядев всех по-кошачьи благодарным взглядом, потрусила, держа трубой свой, как и вся она, черный хвост, к двери и, оглянувшись, мяукнула, требуя ее открыть.

Кошка, кошка... В роду у Куриловых всегда любили кошек и котов. И у матери в доме и у бабушки, как он помнит, и у тетушек жил представитель этого рода-племени. Вот насчет прабабушки, Андрей с уверенностью сказать не мог...

ГЛАВА 14

Помни о «Древе» своем!

Прабабушка же Курилова, Дерябина Агрофена Петровна была крестьянкой и родилась в селе Юзинка Патрусевской губернии в 1889 году. Красивая и статная, она нравилась местным парням, от которых у нее отбоя не было. Но однажды, на Пасху 13-го, приехал провести своих стариков — деда с бабушкой — соседей Дерябиных — ее односельчанин, рабочий из Патрусевска, Курилов Григорий Степанович, с которым Агрофена в детстве водилась, когда тот приезжал на лето в село. Он был старше Груши всего на год.

Это тот самый Григорий, который через несколько глав нашего повествования придет погостить к своему женившемуся и перебравшемуся в Москву приятелю Ивану. Они будут пить чай в доме в московской слободе и рассуждать со свойственной рабочим людям природной мудростью и прямотой на темы событий 1905 — 13-х годов...

Но это все будет позже, а пока у Гриши и Груши зародилась друг к дружке любовь, и через год они обвенчались и уехали жить в город. Агрофена устроилась на Оружейный завод, где работал муж. Жили они с его родителями-мещанами в доме на углу улиц Верхнекупеческой и Старокупеческой. Григорию Степановичу в этом доме принадлежало две комнаты. Старинный одноэтажный, деревянный дом, обшитый тесом, с тремя мезонинами стоял в центре Патрусевска более ста лет. На противоположной ему стороне — двухэтажный кирпичный дом — губернаторский.

Здание, в котором жили прадеды Андрея Курилова, отличали величавость и стройность архитектуры — все линии геометрически соблюдены, высокие потолки, лестницы, ведущие на мезонины; «железные» бревна, фундамент — на века. Его по праву можно было считать одним из опорных

зданий исторической застройки центра старого города.

Кроме того, дом представлял собой историческую и культурную ценность, так как здесь в 1919 году жил помощник заведующего юридическим отделом Патрусевского кредитного союза Луабсар Никифорович Мудроникиов с супругой, двумя сыновьями: одиннадцатилетним Георгием — будущей знаменитостью, артистом Георгием Луабсаровичем Мудроникиовым, — семилетним Нестором и дочерью, семнадцатилетней студенткой Московского университета Тамарой, приезжавшей к родителям на каникулы.

Почему мы говорим об этом доме в прошедшем времени? К сожалению, сейчас он снесен...

...Бог дал Григорию с Агрофеной пятерых детей: тоже Агрофену, Антонину, Анну, Федора и Константина. В 1933-м Агрофена, бабушка Андрея, вышла замуж за Степана, рабочего оружейного завода, тоже по фамилии Курилова — внука крестьянина из Юзинки Алексея Петровича Курилова. И стали жить они в полуподвальном помещении двухэтажного деревянного дома, который, если сейчас идти от Ленинского проспекта по улице Ф. Достоевского и далее вдоль кладбищенской стены, находился налево по нынешней улице Павлова. Здесь, в тот же год, родилась у них старшенькая — Анна, а затем еще трое: Борис, Антонина и в грозный 1941-й год, когда Степан ушел добровольцем на фронт, младшенький Василий — отец Андрея Курилова.

Вся их жилплощадь состояла из одной комнаты и кухни. Окна наполовину находились на уровне земли. Пол был расшатан, и через него проступала вода. На втором этаже жила большая зажиточная семья.

Степан вернулся с Отечественной войны героем — брал Вену. Они с Агрофеной работали на Оружейном заводе и растили детей.

В 1949-1950-е, в годы народной стройки, Куриловым было предложено построить свой дом. На окраине города на пустыре начались строительные работы. Дом строили вместе, всей родней. Строили дома и другие семьи. Так появилась в городе новая улица Попова. Степан Алексеевич к старости стал частенько выпивать. В стройке он участия не принимал и, будучи совестливым человеком, в новом доме не

жил. Вскоре после окончания строительства он тяжело заболел и умер.

В 62-м в селе Юзинка умер и прадед, тот самый Курилов Григорий Степанович... После выхода на пенсию переехал он из города с женой Аграфеной Петровной в их сельский дом. Они занимались огородом, садом и пасекой... Дочери Анна и Антонина Григорьевны после смерти отца забрали мать в Патрусевск.

Домочадцы вспоминают — бабушка была трудолюбивой, честной, любила детей, была немногословной. В последние годы жизни потеряла зрение, но всегда была аккуратной и пунктуальной. Любимое занятие ее было измерять рост внушки, приговаривая: «Давай, померяемся. Иди, иди сюда. Как ты подросла!»

Умерла она в 68-м, когда правнуку Андрею, герою нашего романа, было три годика, лишь на несколько лет пережив мужа Григория Степановича.

Вот такова краткая история (древо) рода Куриловых-Дерябиных-Куриловых, история простой русской семьи с крепкими крестьянскими и рабочими корнями, в судьбах членов которой отразились все войны, революции и разрухи, трудности и мытарства, равно как и победы, и радости — вся история страны. Не любили они, скромные труженики, говорить о том, что жизнь каждого из них была наполнена одним общим — трудом, единственным, что оправдывает существование человека на земле. И еще равнодушием ко всему и народной мудростью — это уже от предка, от Григория Степановича. Были и падения некоторых из них — но не более чем пьянство. Не дай Бог кому-нибудь в жизни тягот, которые пришлось вынести им.

В роду, наряду с прадедом Григорием Степановичем и дедом Степаном Алексеевичем, значительные роли сыграли женщины — прабабушка Аграфена Петровна, бабушка Аграфена Григорьевна и ее сестры — Антонина и Анна. И Андрея не покидало чувство, что на женщинах, как на костяке держится весь их род, растет и ветвится древо их семьи.

Вот и сейчас ему стало тепло и надежно от этого чувства. Он взглянул на Юлю, улыбнулся, обнял за плечи и, выведя на балкон, прочел стихи собственного сочинения:

*Я хочу сегодня быть счастливым,
О хорошем только вспоминать.
Я хочу любить и быть любимым —
С милыми, родными рай создать...
Скоро наша встреча — близко вечер.
Вот и дом, и в небе две звезды.
Ты прости, что иногда не весел,
Все заботы, думы да труды.
Мы с тобой, родная, без унынья
Будем жизнь любить, какая есть.
Пусть очаг домашний не остынет,
И побед в дальнейшем нам не счесть!*

ГЛАВА 15

Любовь и... любовь

Русской женщине посвящено множество литературных произведений: стихотворений и поэм, рассказов, романов и повестей. Ей посвящают музыку, о ней слагают песни и поют их. Вдохновленные ее образом художники рисуют и пишут картины. Драматурги, сценаристы, театральные и кинорежиссеры создают ее образ на сцене и на экране. Правда в конце XX — начале XXI вв. героини в жизни изыскиваются несколько иные, чем в прошлом, и тем более, в позапрошлом веке; да и образы женские, создаваемые современными мэтрами пера (вернее компьютерной клавиатуры и «мышки»), звука, кисти, теле- и кинокамеры уже другие, соответствующие духу времени. В недалекий еще исторический период ради женщины совершались неординарные поступки, некоторые из которых приравнялись даже подвигу (имеются в виду, дорогой читатель, деяния, не связанные с добычей любыми путями и средствами денег). Вдохновленные ею ученые дарили миру открытия и изобретения. Из-за женщины сходили с ума — сражались с «ветряными мельницами», давали немыслимые обеты, кончали с собой, еще ранее вызывали на дуэль. Весьма трудно даже приближенно представить себе нечто подобное в *наш* потребительский век. Не было бы женщин в истории Рос-

сии и женских образов в русской культуре, прошлое было бы совершенно иным — пресным, скучным и беспросветным. Даже страшно подумать, что в *наше* время не было бы ни малейшей возможности освежиться, омыться и очиститься с помощью произведений великой русской культуры, и в частности благодаря тем женским образам, которые она нам оставила.

Образ женщины в искусстве неразрывен с любовью. Любовь всегда была, есть и будет соединением физического, душевного и духовного влечений. А сейчас проповедуется в основном одна плотская страсть, в лучшем случае с примесью некоторых сопутствующих душевных чувствований.

Но не подумай, читатель, что женщина из русской культуры — раз и навсегда застывший идеал, нечто наподобие бюста Ильича, стоявшего в прошлом веке везде и всюду и вызывавшего реакцию, обратную той, ради которой он ставился. Нет, она идеальна и своей незавершенностью, и своей глубокой загадочностью, и невозможностью до конца познать. Да, ей свойственны цельный и сильный характер, верность, в хорошем смысле гордость, стойкость, благодаря воспитанию в русле традиций. И в то же время — она может быть и немного наивной, и неопытной, и слегка кокетливой, не выходящей за рамки правил светской жизни, иметь некоторую примесь тщеславия и внешнего впечатления. Однако всегда и за всем видно стремление: к идеалу, к совершенству в жизни и в душе. То есть, все то, что сейчас присутствует в современной женщине, как, в той или иной степени, примесь, а не основа.

Ни в чем так не выражается индивидуальность, как в любви, ибо она — самое явственное и полное воспроизведение «я» человека. Иначе говоря, каковы твои чувства, таков и ты. И если перефразировать это выражение, то получается, что каковы проявления любви в своей массе в современном обществе, таково и его состояние. А оно печально. Посему всякое привнесение настоящих чувств в жизни людей будет, хотя и локально, но целительно. Это как у хорошего хозяина на земле. Он, если решил серьезно заняться крестьянским трудом, будет сеять только добротные семена и озаботиться с самого начала их приобретением. Тогда хорошо обработанная

земля уродит добрый урожай. Вопрос стоит так — не потерять бы «семенной фонд»: примеры настоящих чувств и прекрасные образы людей обоего пола, и уметь донести его до «сеятелей» — до деятелей литературы и всей культуры.

А любовь может преобразить жизнь человека, придать ей смысл, сделать судьбу иной, об этом знают все. Посему разрушители и бюют, прежде всего, по женщине, зная, во-первых, что именно женщина всегда «впереди планеты всей» воспринимает все новое и массовое, будь то хорошее или плохое, и, во-вторых, именно она оказывает на близкого мужчину самое мощное влияние, если, конечно, он не святой.

Если любовь имеет позитивную духовную основу, то рядом с ней будет чисто. Это — признак того, что дух проникает в плоть, в физическую и материальную жизнь и облагораживает их. Такой любовью и в себе, и в других следует дорожить и беречь ее.

У Курилова, читатель, в детстве был такой случай. Собирали он спичечные этикетки — и сам находил, и покупал коробки в магазине, и обменивался с иногородними друзьями по переписке. За пару лет удалось собрать хорошую коллекцию, которую он очень любил, души в ней не чаял. Как-то пришли к нему домой школьные товарищи — Мишка и Генка, можно сказать друзья, так как ближе их не было. И он с гордостью показал им свое достояние. Ребята восхитились сокровищем, а чтобы повнимательнее, мол, рассмотреть, решили вначале утолить жажду и попросили Андрея принести им воды. Когда он вернулся, этикеток на столе не было. На его вопрос: «А где же этикетки?» — приятели, смеясь, сказали, что спрятали их в доме, и ушли. Андрей этикеток так и не нашел. К чести его следует сказать, что ни матери, ни учительнице он не пожаловался, все ждал, что ребята вернут их сами. Они не вернули... И для него это было хорошим уроком на всю жизнь — дорожить дорогим тебе достоянием.

Это требует мудрости, умения трезво глядеть на вещи и психологической устойчивости. Тем более сбережение настоящей любви, и особенно в *это* время свободы зла и вседозволенности, подмены понятий, когда с утра и до утра ежедневно всеми доступными средствами: через теле- и кинофильмы, книги, музыку и песни, статьи и рекламу в газетах и журна-

лах, через слоганы на растяжках и баннерах, через «писк моды» и туалетные принадлежности такая любовь, как сила божественная и созидаящая, подменяется чисто физической страстью — горячкой, болезнью, началом греховным, в котором никакой красоты нет и быть не может.

Элементы страсти всегда оправданы только тогда, когда они — проявления взаимных сердечных чувств любящих друг друга мужчины и женщины, растущих из духовной основы. Как дурманивший аромат цветов истекает из красивых бутонов, растущих на ветках кустов, корни которых уходят в питающую землю, так и интимные проявления страсти любящих красивы и эстетичны. И как вырванные из земли цветы вянут, безобразно усыхают и перестают источать чудесный аромат, так безобразна и страсть без любви и духовной основы.

«Вы говорите, что я знаю только безобразие страсти, а не красоту ее: это не совсем так. Страсть всегда безобразна, красоты в ней быть не может, или она — не страсть», — говорит Райскому в романе И. А. Гончарова «Обрыв» его петербургский товарищ Аянов, не знавший настоящей любви.

И действительно, направо и налево мы видим к каким последствиям приводит людей, в том числе и подростков, нашествие этих пожирающих все и вся (как в фильме «Роковые яйца» по произведению М. А. Булгакова) змей страсти, шипящих и грозящих уничтожить каждого в отдельности, а значит и народ.

В конце концов, все, в том числе и сокровища культуры, даже самые замечательные, если не будут разрушены временем и «благодарными» потомками, останется здесь, на Земле. Только одну душу, единственно свою душу заберет человек с собой в мир иной после смерти. Поэтому и сказано: «Не собирай сокровища на земле, а собирай их на Небесах!», то есть, совершенствуй душу с помощью добра, красоты, любви и гармонии. Разве это не достойно твоей жизни, читатель?

ГЛАВА 16

Куда кривая выведет, или?..

За доброту и честность многие считали Андрея идеалистом. Он и вправду не принимал ложь, искал правды и, как все идеалисты, часто, обманываясь, впадал в апатию от негативных проявлений человеческой натуры. Несмотря на молодость, не следуя новомодным веяниям, он относился к женщине, прежде всего, как к человеку. Поэтому все вышесказанное накладывало сильный отпечаток на его отношения с противоположным полом. И они от этого всегда были непростыми.

Вот и с Юлией другой на его месте тогда, после знакомства, уже давно закрутил бы роман. Тем более, что прошел почти месяц с их первой встречи, той встречи, когда волна близости пронизала их обоих. Но Андрей все еще просто встречался с ней и ухаживал. Это не значит, что он не хотел ее как мужчину. Юлия ему нравилась, и молодой организм требовал своего и довольно сильно. И он все время стоял перед «гамлетовским» выбором — отдаться страсти, овладеть нравящимся телом, а дальше — куда кривая выведет, или сотворить любовь? Гипертрофированная совесть звучала в нем. И говори теперь, что любовь — это не наиболее трудное испытание, выпадающее на долю человека среди прочих испытаний, если он, конечно, человек.

Сегодня вечером Курилов с Юлией гуляли в парке, держась за руки, и разговаривали.

— Утром просыпаюсь и вижу ваше лицо, как бы рядом. Вы мне нравитесь, Юля!

— О, это серьезно! — засмеялась она, весело, но с интересом глядя на него.

Андрей почувствовал, как в душе, в ответ на ее улыбку и взгляд, ожили и зазвучали тончайшие струны того инструмента, который никто никогда не видел, но каждый, хотя бы раз в жизни, в самые важные моменты, чаще всего связанные с любовью, ощущал.

— Интересно, скольким же девушкам, вы говорили эти слова?

— Я не так любвеобилен, как вы думаете!.. Мы с братом,

старшим на два года, остались одни без матери и отца, когда мне было четырнадцать лет. Мама умерла, отец ушел к другой, и нам с братом самим приходилось заботиться обо всем. Поэтому перед армией работал и после работы чаще всего бежал домой, памятуя о хулиганском прошлом. Была у меня тогда девушка, но... не дождалась меня из армии.

— Вы были хулиганом?

— Да, было дело... Родителей не было, родственники помогали, но ведь не жили с нами. Поэтому были предоставлены сами себе...

— Это уже нестандартно...

— А брата не уберег все же...

— Что случилось?

— Одного мальчишку избили до полусмерти. А Валерка был заводилой в этой драке. Ну, его и посадили... А насчет нестандартности вы правы, если учесть, что жили мы одни в частном доме. Поэтому рано пришлось заниматься многими хозяйственными вопросами... Потом армия, после армии — учеба на вечернем, я вам рассказывал, а днем — работа на стройке, плюс еще внеурочная «левая» работа и курсовые по ночам...

— Тяжко вам пришлось... Зато школа какая!

— Да школы по жизни хватило!.. Так что не до девушек было...

— А сейчас? — улыбнулась Юля и снова весело посмотрела на Курилова.

— Сейчас? Ну, конечно, после окончания учебы, времени свободного стало больше. Правда бывают и переработки, когда аврал, но это далеко не каждый день.

— Я рада за вас! Ну, и вы решили в свободное время заниматься девушками? — Юлия чувствовала, что ее «несет». Андрей ей явно нравился, встречались они уже месяц, но еще даже не целовались — как-то не по-современному все. Она и сама была противницей «легкой» любви, но не до такой же степени. «Смотрит, смотрит, и не понятно — с одной стороны, звонит каждый день, часто приглашает на свидания, а с другой, никаких приятных слов и поползновений. Только сегодня впервые сказал, что нравлюсь!.. — подумала она, но молчала, решив — пусть идет, как идет. — Парень-то серьезный!»

— Когда я увидел вас тогда на улице, у кафе, и потом, когда

мы стояли под навесом... ну, вы мне очень, очень нравитесь, Юля!— Курилов говорил и понимал, что не те все это слова, не так все нужно говорить, но ничего не мог поделать — не мастер он был в этом деле! А в душе чувствовал бесконечную, нарастающую волну тепла и нежности к этой девушке, каким-то десятым чувством считывая состояние ее сердца, полного преданности, нежности и того типа любви, которую принято называть материнской. По внешности и по манерам Юлия напоминала Андрею мать — и это только усиливало его чувства к ней.

Они подошли к высокому ветвистому каштану, росшему у развилки тропинок, недалеко от спуска к большому парковому пруду, что блестел невдалеке сквозь ветви деревьев и кустарника в лучах заходящего солнца. Юлия подошла к дереву и, прижавшись спиной к стволу, закрыла глаза.

— Как я люблю каштаны!— тихо сказала она.— Это мое самое любимое дерево...

— Юля, Юля...— тихо произнес Курилов, подойдя ближе. Она открыла глаза, и он увидел, что они немного подернулись влагой. «Сейчас или никогда!— подумал он, собираясь со смелостью. И, наконец, решившись, сказал:— Я вас люблю, Юля, дорогая моя!

Она чуть вздрогнула от его слов, но не отводила взгляда. А он все смотрел и смотрел в ее глаза — большие серо-голубые, полные нежности и тепла,— в которых читал ответ на свое признание. И этот ответ вдохновил его, может быть, на самый смелый поступок в жизни. Андрей подошел вплотную и, взяв ее руки в свои, сухими от волнения губами прикоснулся к ее таким же сухим, горячим губам. Некоторое время, не отпуская рук, они целовались, несколько отстоя друг от друга. Потом пожатия рук одновременно ослабли, и Андрей с Юлией слились в объятиях.

Поцелуи длились, казалось, вечно и жили своей особой неуправляемой жизнью. Когда губы одного из них как бы отступали, губы другого бежали им вдогонку, догоняли, и все начиналось вновь. Это сопровождалось то нежными и ласковыми, то страстными поглаживаниями рук — по волосам, лицу, плечам и спине,— и крепкими объятиями. Они все теснее прижимались друг к другу, и, когда он чувствовал ее упругое тело, ток невыразимой неги и сладости охватывал его...

Когда они разомкнули объятия, вокруг было темно. Высоко в небе светила луна, ее полумесяц висел над прудом, оставляя серебряную дорожку на темной глади воды. Андрей и Юля, держась за руки, направились к выходу из парка.

Этим вечером Курилов почувствовал себя другим человеком. Если до сих пор он больше рассуждал о любви, не считая редких прошлых увлечений, то теперь был полностью в нее погружен — весь без остатка. "Я уже не тот, каким был еще несколько дней тому назад, и уж тем более месяц,— признался себе Андрей.— И это благодаря чувству к Юле, благодаря общению с ней..."

Сейчас он, до сих пор бывший рационалистом, ставивший логику жизни на первое место, охваченный любовью, считал совершенно иначе. «Любовь сильнее логики!» — думал Курилов.— «А как же с утверждением, что дружба первичнее любви, иначе это будет только страсть?» — тут же прозвучал тихий внутренний голос.— «А разве мы не дружим?! И подружмися еще больше!» — как бы ответил молодой человек, да и как еще мог думать влюбленный, когда каждая клеточка его пела о ней, когда он не мог ни о чем больше и думать.

Похоже, что и Юлия была в том же состоянии.

ГЛАВА 17

Рак, щука и лебедь

Курилов механически листал папку с документами, размышляя о перипетиях с «Неотложкой», когда раздался стук в дверь кабинета.

— Да, да, войдите!

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился улыбающийся Виктор Леонов с большой плетеной корзиной в руках.

— Привет директору!

— Привет, привет!

— А я вот решил побаловать тебя с супругой утятинкой да свежими грибами с ягодами. Где, кстати, супруга?

— Здесь, сейчас позову,— Андрей подошел к двери и попросил Вику найти Юлию Александровну.— А ты все промышляешь? Молодец! Ну, выкладывай сюда,— и он освобо-

дил от газет и журналов столик у окна.

Виктор снял покрывавшую корзину цветастую клеенку, и на столике стали появляться плетеные корзиночки с лисичками и опятами, земляникой и черникой, а под конец две извлеченные из фольги большие общипанные утки.

— Красота! Прямо охотник на привале, только ружья не хватает,— улыбнулся Курилов.— Все беру, не торгуясь! Сколько с меня?

— Да ладно... Неудобно как-то...

— Так, Виктор, это — твой промысел, твоя работа и источник существования. Перестань, говори, сколько?

Леонов, немного смущаясь, все же назвал цену и был немало удивлен, когда Курилов протянул ему в два раза больше названной суммы. Виктор сделал, было, отрицающий жест рукой, но Андрей остановил его:

— С почином! Пусть это будет моим с Юлей подарком тебе и супруге. А вот и моя жена!— сказал он, взяв левой рукой за локоть Виктора и правой делая жест к знакомству в сторону Юли.— Виктор, Юлия.

Она подошла и, не скрывая удивления, всплеснула руками, любясь расставленными на столике дарами природы.

— Откуда это?

— Помнишь, я тебе рассказывал о сослуживце моем в строительном управлении? Вот это он и есть. Ты не будешь против, чтобы он снабжал нас?

— Конечно, нет! Наоборот, я только рада!— как всегда эмоционально ответила она.

— Заметано?

— Заметано!— в тон Андрею ответил Виктор.

— Ну, вот и отлично. Это дело нужно отметить. Как там насчет кофе и по граммулечке коньяка?

— Если только по граммулечке...— проговорила Юлия.

— Естественно, по граммулечке — еще работать надо.

— Хорошо, сейчас организую,— сказала она и только собралась выйти из кабинета, как в него вошел Перерушев.

— О, Игорь, привет!— Юлия посторонилась, пропуская старого знакомого их семьи.— Как Людмила?

— Спасибо, хорошо, передавала тебе привет и просила позвонить, там что-то насчет... Ну, короче, о чем-то посоветоваться хочет,— сказал Игорь, не любивший распространяться о женских делах.

— Юль,— остановил уже выходящую жену Курилов,— тогда на четверых!

— Ну что, господа-товарищи,— обратился он к друзьям,— присаживайтесь и знакомьтесь,— и, собирая бумаги на столе, вздохнул:— Ох, дела наши тяжкие.

— Не ладится?— спросил Перерушев.

— Не то слово, Игорь.

— Да-а, из социализма строить капитализм — это опять «вперед планеты всей». Такого еще в истории не было никогда и нигде,— включился в разговор Леонов.

— Погоди, не обобщай,— остановил его Курилов.

— Тяжело?— вновь посочувствовал Игорь.

— С «Неотложкой» много проблем.

— Решаемых?

— Пока решаемых только тактически, а стратегически они никуда не деваются — вот в чем дело. И как дальше будет — одному Богу известно.

— Понятно.

— Вошли Юлия с Викторией, на подносах принесли чашки, пачку молотого кофе, коньяк, кофеварку и все необходимое. Потом вышли, унося пустые подносы. Вернулась одна Курилова, заправила сияющую белизной кофеварку и, включив ее, села за стол.

— Нет, что ни говори, а при советской власти такого безобразия, как сейчас, не было.

— Виктор все о своем, о коммунистическом,— пояснил Курилов супруге и Перерушеву.

— Погоди, Андрей, вот скажи, в чем твои трудности?— не сдавался Леонов.

— Лицензию тяжело получаем...

— Если бы тогда, в 80-е, не по пути «катастрофы» все пошло и в начале 90-х не обрушилось, то при развивающейся кооперации да под четким госуправлением все получили бы свое. А теперь одна заинтересованность — хапнуть побольше и увезти подальше.

— Если бы да кабы, то... сам знаешь, что дальше. Сослагательное наклонение... Зачем рассуждать о том, чего не было,— возразил ему Курилов.

— И то верно!— подключился Перерушев.— Эти чинуши не

дают рынку войти в свои полные права. При полной свободе экономических отношений все само собой регулируется и не нужно никаких госуправлений.

— Так,— перебила его Юлия,— кофе готов!— И стала разливать его по чашкам, жестом показывая мужу на коньяк.— Только, как договаривались, по граммулечке!

Курилов стал добавлять армянский пятизвездный в кофе, каждому по его вкусу.

— Все бы хорошо, что ты говоришь, Игорь,— обратился к нему Андрей,— да загвоздка в том, что это «если бы, то будет», о котором ты нам говоришь, тоже нигде и никогда не проявлялось в чистом виде. Свобода рынка без госуправления и пятьсот лет тому назад была весьма относительной. Но мы же в ХХI веке живем, слава тебе Господи!

— Да какой рынок, туда его?!— взбеленился Леонов.

— Какая, к черту, твоя советская власть?!— под стать ему крикнул Перерушев.

— Ну, прямо рак, щука и лебедь!— взяв друзей за руки, прервал их Курилов.— Друзья, кофе имеет свойство быстро остывать и делается при этом невкусным.

Они стали прихлебывать дымящийся ароматный кофе с коньяком и, молча, посматривали друг на друга. Воспользовавшись этим, Курилов решил сменить тему разговора.

— Какими судьбами, Игорь, что-то случилось? Я за разговорами забыл спросить, извини.

— Да нет, просто шел мимо, смотрю, окно открыто, значит, хозяин на месте. Решил зайти, поведать.

Юлия встала, убрала дары природы в холодильник, предварительно отсыпав часть черники с земляникой в вазу, и вышла из комнаты помыть их. Через несколько минут она вернулась и поставила блестящие от влаги ягоды на стол:

— Угощайтесь!

— Спасибо, но мне пора, нужно еще заскочить домой, взять продукты — и на рынок, успеть продать бы,— как бы извиняясь, произнес Виктор и поднялся.

— Счастливо тебе, заходи, приноси, будем брать у тебя свежее с удовольствием!

Встал и Перерушев.

— Не буду отрывать вас от дел. Это у меня сегодня день

свободный, а у вас, наверное, таких дней и не бывает?

— Пока не бывает — точно подметил. Мало того, не знаешь, что завтра тебя ждет... Но ты все же звони, приходи.

— И передавай от нас привет супруге, — добавила Юлия.

Леонов с Перерушевым вышли, и через пару минут до Куриловых донеслись их горячие возгласы. Андрей подошел к окну и увидел, как его друзья остановились на тротуаре и горячо жестикулировали, что-то говоря друг другу. Потом они почти одновременно резко махнули рукой и, развернувшись, пошли в разные стороны.

— Назад пути нет... — тихо, как бы сам с собой говоря, произнес Курилов. — И ясно: никаких потрясений нам не нужно: ни красных, ни белых.

— Да! — Юля подошла к нему и положила руку на плечо. — Будем заниматься своими делами.

— Будем эволюционировать.

— Как у Дарвина? — пошутила жена.

— Почти...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 18

От эмоций — к делу

О многом вспоминалось и думалось Курилову, но дело, прежде всего. Лицензию они до сих пор не получили, и трудности на этом не закончились. Как часто случается на Руси, появились сомнения: внутренние и со стороны коллег — оправдана ли с моральной стороны платная «Скорая помощь», и, если да, будет ли она востребована в объеме, достаточном для окупаемости затрат и хотя бы небольшой прибыли?

Думали и так и эдак, но, как ни смотри, выходит одно — медики практически одни из самых низкооплачиваемых работников. А раз так, то они — в том числе и скоропомощные трудяги — любыми путями будут искать возможность зарабатывать по профилю своей специальности — жить и детей кор-

мать-то надо? С другой же стороны, есть люди, кому может понадобиться помощь, не имеющие прописку и страховой полис. А еще есть такие, кто не нуждается в деньгах — в том плане, что у них этих самых «деревянных», американских и прочих рублей «куры не клюют». И если нет такой «Скорой», которая приедет быстро и обслужит качественно, то они ее сами создадут... Поэтому по теперешней жизни выходит, что дело-то вроде нужное.

— Воспользоваться же сможет любой, кому потребуется экстренная помощь или медицинская перевозка,— убежденно говорил Драницкий.— И не только имеющие деньги, но и те, у кого время поджимает,— а «03» не едет и все тут! Кстати, работать мы можем и с клиентами всех страховых компаний, и с предприятиями. Кроме того, есть направление, где мы будем всегда нужны — перевозка лежачих больных и пожилых, в том числе и на далекие расстояния. Ведь для нас нет ограничения по дальности, мы можем транспортировать и по России, и в страны Ближнего Зарубежья, и дальше, если потребуется.

— Убедительно, Виталий Анатольевич, молодец! Вот так и нужно мыслить и действовать!

— Стараюсь,— расплылся в улыбке тот.

— Так, друзья мои,— Курилов обратился к собравшимся в офисе для планирования дальнейшей работы сотрудникам.— Какие еще будут доводы, мысли и идеи?

— А мы можем организовать консультации врача, составление плана лечения и подбор лекарств прямо на выезде?— задал вопрос Геннадий Никитович.

— Почему же нет? Если в бригаде будет квалифицированный врач, а у больного на руках медицинская карточка и результаты свежих исследований, то это вполне возможно,— ответил Николашкину Курилов.— Мы можем это отразить в должностной инструкции врача нашей «Неотложки».

— Великолепно!— воскликнула Юлия Александровна, как всегда живо отзывающаяся на волнующие вопросы.— Тогда мы можем в будущем организовать и детскую «Неотложку», да?! Это же замечательно, если включим в перечень услуг осмотр ребенка педиатром, назначение лечения и, по желанию родителей, консультации по питанию, развитию, закали-

ванию и так далее!

— Да, Юлия Александровна, это неплохо, и со временем обязательно сделаем. Нужно будет, как минимум, найти соответствующего врача, который бы относился к своей работе с детьми не по принципу: «Где у тебя болит?.. — Получи таблетку или укол!» — а совершенно иначе, — поддержал Андрей, любясь чарующими его до сих пор серо-голубыми озерами ее глаз на фоне легко выющихся и ниспадающих до плеч темных волос. — Видите, оказывается, если подумать и творчески подойти к вопросу, можно очень многое сделать. Но вношу поправку — были бы, кроме желания, деньги, и еще, как говорил рачительный хозяин Иосиф Виссарионович, «кадры решают все!»

— В принципе и «Скорая-03», и платная «Неотложка» могут мирно сосуществовать, и у людей всегда будет выбор, — развеял последние сомнения менеджер Медведкин. Но, имея принцип мышления по типу весов, то есть, во всем видя противоположные стороны, тут же добавил: — К слову сказать, — я читал, — частные «Скорые» очень распространены в Прибалтике и Финляндии, где их работа оплачивается из бюджета, а помощь людям оказывается бесплатно...

— Начал за здоровье, а кончил за упокой! — засмеялся Курилов. — Валентин Александрович, об этом можно только мечтать! Но пока, к сожалению, у нас в России это нереально, сами понимаете, — разве только какой олигархер, как говаривает один знакомый доцент-патриот с медико-физкультурного факультета нашего универа, не возьмет нас на свое полное содержание?

— Да уж... — промолвил Драницкий.

— Лучше послушайте, что я узнал из истории «Скорой помощи», очень интересно, да и полезно знать, раз уж мы в этой сфере подвигаемся.

— Ну-ну!

— Скорая медпомощь в России впервые стала развиваться — само собой — в Санкт-Петербурге, — Курилов достал из портфеля блокнот, перелистнул несколько страниц и стал читать. — В конце позапрошлого века вопросами организации ее занимались хирурги Н. А. Вельяминов, К. К. Рейер, Г. И. Турнер, а затем и И. И. Греков. Курсы первой помощи и проект ее создания — их работа. Однако в дореволюционные годы скорой и

неотложной помощи даже в губернских городах не существовало. В 20-е годы ее осуществляли один-два врача, имевшие в распоряжении лошадь с повозкой. Потом в губернских городах организовали по 2-3 пункта скорой медпомощи. В штате каждого пункта были два врача, выезды осуществлялись на двух лошадях. А в конце 20-х годов уже создавали пункты на промышленных предприятиях. Таким образом, «Скорая помощь» возникла уже при Советской власти.

— Интересно! Ведь сейчас многие говорят — вот, до революции! — а ведь многое из того, к чему мы все привыкли, было создано после нее, — присоединилась к разговору бухгалтер Литвинова Анна Алексеевна.

— Да, это так, — согласился Курилов.

— Все это хорошо, о чем мы говорим, интересно. Но как отнесется население к платной «Неотложке»? — задумчиво глядя на Андрея, спросил Медведкин.

— А что? — загорелся Курилов. — Может и правда, перед планированием работы провести такое ненавязчивое изучение мнения людей по этому поводу?

— Разумно! — поддержали его Юлия и Валентин. Дарницкий же, чуть поморщившись, встал и, вытащив из пачки сигарету, вышел на балкон.

Курилов мельком, но с интересом, посмотрел ему вслед и обратился к Николашкину с Медведкиным:

— Давайте, подумайте, как нам это лучше сделать. Хорошо?

— Будет сделано!.. Подумаем... — в один голос сказали те.

Думали долго, так как, словно черти из табакерки, на первый план стали «выскакивать» предложения: провести опрос прохожих на улице, разбросать листовки по почтовым ящикам и дать объявления — все с соответствующими вопросами и контактными телефонами. Ну, то есть набор рекламных действий, появившихся и бурно распространившихся еще в конце восьмидесятых годов. И самое интересное — такие предложения делали люди достаточно далекие от данной деятельности — Николашкин, Медведкин, Литвинова... Насколько же въелось это в сознание!

Курилов сразу отверг предложенное — просто никто на такое внимания обращать не будет — лестничные площадки у

почтовых ящиков (к досаде уборщиц) сплошь усеяны листовками, которые народ автоматически выбрасывает, не читая и даже не заглядывая в них. А на улице прохожие, как от чумы, шарахаются от опрашивателей всех мастей, как только завидят их с блокнотами и ручками и внимательно-добрым, заинтересованным выражением глаз.

— Андрей Васильевич, так как же будем опрос-то проводить?— спросил самый непосредственный из всех Николашкин.

— Думаю, что разумнее всего сделать так. У меня знакомый главврач 1-й горбольницы. Я поговорю с ним, и, если он позволит, мы в белых халатах, естественно, представившись медиками,— а таковых среди нас будет большинство,— побеседуем с больными в палатах, зададим им интересующие нас вопросы. И людям развлечение, и нам польза. Кроме того, среди них потенциальных клиентов «Скорой» гораздо больше, то есть выборка, как говорят социологи, будет качественной, несмотря на то, что, пользуясь их же языком, количество респондентов будет не больше тысячи человек.

— Весьма разумно!— согласился вернувшийся Драницкий, и вместе с ним одобрительно зашумели остальные.

— Ну что ж, если коллектив не против, я сегодня свяжусь с больницей,— завершил дискуссию Курилов.

Добро на проведение исследования было получено, подготовка не заняла много времени, и в течение пяти рабочих дней бригада наших «социологов», разделившись на двойки, исправно трудилась в больничных палатах, добывая сведения и скрашивая досуг больным, у которых все дни, как один, в этом невеселом заведении.

В результате на вопрос «Куда вы обратитесь в случае нужды — в платную или бесплатную службу “Скорой помощи”?» после информации о возможных тарифах: 39% заявило, что обратятся в бесплатную, ибо платная слишком дорога для них, 34% — в бесплатную службу, потому что больше доверяют государственной медицине, 12% — в платную, так как хотят более комфортного медобслуживания, 5 % — также в платную службу из-за удручающе долгого ожидания бесплатной «03» и 10% не смогли определиться с ответом или про-

сто не пожелали отвечать.

— Ну что ж,— сказал Курилов, когда в коллективе шло обсуждение данных, полученных в горбольнице,— получается, что примерно 15-20 процентов людей в случае необходимости обратятся к нам. Это хороший стимул для работы!

— Мне еще понравились рассуждения одного молодого больного,— включился в разговор Медведкин, явно обрадованный результатами, доселе, честно говоря, немного сомневавшийся в перспективах платной «Скорой».— Он, в ответ на замечание другого больного, что брать деньги за спасение чей-то жизни аморально, сказал буквально следующее: «Ничего аморального в этом нет! Напротив, безнравственно жить на маленький оклад. Представьте, детский хирург со стажем более пятнадцати лет получает по нынешней жизни копейки! А участковый врач, мало того что с утра до вечера занят, так еще берет работу и на дом — много всякой писанины. Да у любого продавца в коммерческой сети зарплата больше, чем у врача, отвечающего за здоровье и жизни людей!» Вот, Анна Алексеевна не даст соврать, на вопрос — откуда он это знает? — парень сказал, что сам из семьи врачей.

— Один доктор,— поддержала тему Виктория,— не выдержал и откровенно заявил: его как врача раздражает мнение, что медицина должна быть бесплатной. В доказательство он привел пример ресторана и магазина, где за все люди платят. Почему же мы, заявил он, врачи, тратим время, отвечаем за здоровье, а порой и жизнь своих пациентов, спасаем их... и получаем за все это буквально гроши!?

— Вика, он прав и неправ,— сказал Курилов.— Зарплата врача должна быть в разы больше, чем сейчас. Но ни в коем случае нельзя сравнивать оплату труда врача с официантом и продавцом, даже не по форме, а по сути. Медикам обязано платить государство, соответствующая статья бюджета которого формируется из страховых отчислений работающих и налогов с богатых. Не будем сейчас углубляться в вопрос, кого считать таковыми и каков должен быть налог с них — сие есть тема особого разговора. Но такой подход, считаю,— самый верный.— Андрей осмотрел всех сослуживцев, они внимательно слушали, и на лицах их прочитал согласие с его мнением.— Однако это не исключает наличие платных медицинских услуг в соответству-

ющих центрах для тех граждан, кто хочет на более высоком уровне, более комфортного и без очередей обслуживания...

— Правильно!— включился доселе молчавший Драницкий.— Что касается «Скорой», то городская выезжает в основном, когда есть угроза жизни и здоровью больного. Это — травмы, острые заболевания: судороги, кома, потеря сознания, асфиксия, «острый живот», серьезные сердечно-сосудистые нарушения, отравления, роды и любые нарушения течения беременности, детские заболевания и психические расстройства. И не важно, где находится больной: дома, на улице или на работе. Во всех остальных, так называемых «домашних», случаях положено вызывать районную «Скорую». А уж ее прождать, как мы с вами хорошо знаем, можно достаточно долго. Много и других нареканий на районные службы. В оправдание скажу — маловато в них персонала. Поэтому платная «Скорая» может стать альтернативой именно районной службе.

— Один раз у моих соседей был такой случай, если позволите?— обратилась к шефу Литвинова.— У сына травма ноги с открытой раной. Приехала обычная «03» и прямо в лоб: "Платить будете?". Пока соседка раздумывала, они вылили на рану перекись, смазали йодом и уехали... А на следующий день мать сама повезла его в травмопункт, где наложили швы.

— Все зависит — опять же!— от людей,— возразила ей Елена Александровна.— В моей семье очень часто вызывали «Скорую» и отцу, и бабушке, которой под восемьдесят было. Приезжали быстро и старенькую, прямо дома, несколько раз спасали от смерти — делали все необходимое, пока той не становилось лучше. Конечно, случаются разные ситуации, но, думаю, что и в отношении небогатых людей платная служба будет нужна при больших сложностях с обычной, если нужна срочная госпитализация лежачих больных или их дальняя транспортировка.

— Помню, раза два, еще до поступления на медицинский, приходилось везти на «Скорой» племянника в инфекционку и мать с инфарктом,— эмоционально поддержал разговор Геннадий Никитович.— И что вы думаете, в обоих случаях машины были очень холодные (и это зимой!) и с разбитыми рессорами. Это, может, и совпадения, не исключая. Но всего два раза — и вот так! Не часто ли? Тогда и подумалось, что без знакомых и финансового «подогрева» не обойтись, если хочешь качества.

— Ну, не знаю, возможны и совпадения, а я вот во время наших исследований в горбольнице поговорил с людьми, и выяснилось — большинство доверяют только бесплатной «03», сколько ни вызывали, приезжали достаточно быстро, грамотно и внимательно обслуживали... — Медведкин запнулся и робко взглянул на Курилова.

— Продолжайте, продолжайте Валентин Александрович, — улыбнулся тот.

— Нет, я уже все сказал...

— Одна больная в той больнице, где мы были, — я разговаривал с ней во дворе, — вступил Николай-водитель, — сказала: «Вот представила я: приехала платная, надо везти в больницу, а лифт сегодня не работает, и этаж-то девятый, и деньги-то все крупными купюрами...

— Я навел справки насчет бесплатной и платной «Скорой» в Москве, — прервал его Драницкий. — Так разница огромна: у платной есть все, что нужно, все лекарства. И сидят иногда по несколько суток — только плати. А бесплатная в той же ситуации порой отказывается ехать, ссылаясь на не кризисную ситуацию.

— Не дай Бог оказаться в таком положении в чужом городе... — промолвила Елена Александровна.

— Я думаю, что кому-то очень выгодно «не пущать!» организовывать платную услугу. Ведь наверняка есть люди, желающие вложить свои (!) деньги в доходное дело. Поэтому и нет до сих пор в городах таких служб.

— Разговор на эту тему портит нервную систему, — пошутил Курилов и жестом дал понять, что пора кончать дискутировать. — Пусть у людей будет выбор, и они, в зависимости от ситуации, сами решат, что им лучше, — подвел он итог дискуссии. — А теперь давайте от общих вопросов и эмоций перейдем к непосредственной организации дела. На дворе уже двадцать первый век все же, — и, улыбнувшись, встал.

ГЛАВА 19

Январь 1913-го. Разговор двух рабочих

Шел январь месяц 1913-го года от Рождества Христова. В доме на улице Фортунатовской, что на Благуше*, двое приятелей: одногодки, парни двадцати четырех лет Курилов Григорий и Степанов Иван пили чай. Жены их соответственно Агрофена, по-простому Груша, и Зинаида уединились в комнате рядом, и оттуда доносился громкий, звонкий и быстрый говор Зины, а Груша неспешным глубоким голосом что-то возражала ей. Разговор чередовался общим залихватским смехом и шепотом, когда одной из собеседниц сообщалось, видимо, нечто наиважнейшее. Мужья в это время беседовали о своем.

— Вот ты мне скажи, Иван, мы с тобой люди малограмотные, а все ж, как понять?

— Что понять, Григорий? — Иван налил чай в блюдце, взял другой рукой кусочек рафинада и, надкусив его, отхлебнул ароматную жидкость. — Ты пей, пей, а то остынет!

— И то... — Григорий Курилов повторил те же ритуальные действия русской чайной церемонии. — Вот ты в церковь ходишь, батюшку слушаешь, может, что знаешь такое, чего я не знаю. Скажи, правильно мы с тобой делали в 1905-м, когда булыжники из мостовой дергали, да на баррикады шли?

— Не, сейчас понимаю, неправильно. Нельзя злом на зло отвечать!

— А как мы жили, разве то не зло? Работали по двенадцать часов, получали мало, а платили за все — не приведи, Господи. И наш брат, деревенский, чтоб свою землю получить, должен был выкупать ее!

— Да, беспорядок был. Но то Бог попускает...

* Рабочая слобода на восточной окраине Москвы, входившая в состав Благуше-Лефортовского района и располагавшаяся между Яузой и Казанской железной дорогой с запада, Хатиловскими прудами с севера и линией малого кольца московской окружной железной дороги с востока, с центром на Семеновской площади.

— Согласен... А вот, к примеру,— Григорий поставил блюдо, отодвинул его к самовару и, положив локти на стол, подвинулся всем телом к Ивану,— человек пьет, гуляет, одним словом, живет не по-людски, дурная голова покоя не дает, и ни о теле, ни о душе не думает. А потом, глядишь, захирел да заболел человек. Енто тоже Господь попускает?

— Да, так, все верно!..— Степанов с любопытством взглянул на Курилова.

— А я что думаю, Иван... Не так ли и власть наша не думает о народе, как та башка о теле. И оно страдает, хирет и болеет, пока не случится сильная болезнь, которая заставляет голову призадуматься.

— Ты хочешь сказать, что революция — енто и есть та самая хворь?..

— Ну, да, она, чтобы власть задумалась и стала заботиться о стране и народе!

— Лучшие, если бы она всегда думала правильно, как Божьи заповеди учат, тогда и болезни бы не было,— перекрестясь на иконы, сказал Иван.

— И мы с тобой тогда не на баррикады бы бежали, а в парке гуляли с детишками!

— Да, братишка, все правильно!

— Но, нужно признать, власть сразу задумалась, когда мы тогда кашу заварили.

— Не говори! Сразу сократили рабочий день до девяноста часов, зарплату повысили, тарифы снизили, общества рабочих получили право договора с хозяевами заключать. А мужикам отменили выкуп за землю и разрешили им выходить из общины — кто хотел,— с землею в личной собственности,— поддержал Григория Иван.

— И Дума стала, где даже и крестьяне вопросы важные государственные решали. Советы, профсоюзы — все на пользу рабочему люду. А енти, как их? — Григорий почесал переносицу.— Ну, страховые общества, что ли? Вон у Митяя дом сгорел, так выплатили ему, и отстроился. А ишо — культурные енти общества, где всяко интересно нам рассказывают...

Дверь открылась и в комнату, прислушиваясь, вошли женщины.

— Все умничаете, мужички?— засмеялась звонкоголосая Зина.— Айда, лучшие с нами в картишки перекинемся!

— И правда, хватит уж о политике талдычить! Жуть как надоело!— поддержала ее Груша, медленно поводя плечами.

— Тихо, бабы!— сдвинув брови, ответил Иван.— Сколько не виделись, дайте поговорить!

— И то, ведь сурьезный разговор, а вам бы все побалагурить!— мягко, но уверенно сказал Григорий.

Жены, не солоно хлебавши, но продолжая уже между собой подиучивать над мужьями, вернулись к себе. Мужчины некоторое время помолчали. Первым нарушил молчание Степанов:

— Кто мог и думать, что будет все то сделано после революции?!

— Да, «худой мир лучше доброй ссоры». Но вот беда, испужались они быстро и... остановились! Енто все равно, что человек начал менять свою жизнь, а потом, смотрит, здоров, болезни и в помине нет, и решил — чем черт не шутит!— пуцусь-ка я снова в разгул, а там, хоть потоп!..— Григорий вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Вот-вот... Кто ж, начав то, что сразу на пользу пошло, останавливается, когда болезнь-то шию не совсем ушла и готова вернуться?!

— Ты и сам понимаешь, Господь попустил разума чуток, ан нет, опять «пей, гуляй — не хочу!», от народа голову поворочу...— от возбуждения в рифму заговорил Григорий.— А енти, революционеры, гляди, опять ходют, призывают бастовать, да на баррикады идти!

— Бог опять по...

— Да, Господь попускает болезнь, чтобы задумались,— перебил Степанова Курилов.— Но, если «голова» медленно думать будет, то «больной» может и концы отдать...

— Правда твоя, смотри, уж о хозяева многие правительством недовольны,— нахмурился Иван.— Что делается...

Григорий встал и в задумчивости подошел к окну, раздвинул тюль. За ним встал и Иван. Снежное кружево робко касалось стекла, неспешно опускалось на землю, постепенно превращая обычную рабочую улицу в волшебную страну. Деревья

— ее молчаливые обитатели — стояли в пушистом белом убранстве. Мириады маленьких звездочек сверкали на солнце. Ребятишки, пользуясь случаем, затеяли бурную деятельность — лепку снеговика и игру в снежки. Вместе с ними, радуясь январскому чуду, резвились и несколько взрослых парней и девочек. Движение, холодный воздух и небольшой морозец румянили им щеки, слышался смех и шутки. А снег все шел и шел. Дворник не успевал расчищать дорожку, как ее вновь заметало.

Зимняя краса отразилась радостью и на лицах друзей. Но тема разговора, видимо, настолько глубоко трогала их, что, немного полюбовавшись на чудо за окном, они, хотя и с некоторым сожалением, вернулись к столу.

— Батюшка-царь много чего обещал в манифесте 17 октября пятого года. Но раз обещал, так делай! Ан, нет, сколько лет ужю прошло, почитай семь, а воз и вовсе остановился. А тут ишо Столыпин ентот, вешатель, со своими «галстуками» и всем другим-прочим. Все не по-нашему, не по-русски... Уж, ежели строить, то так, как у нас принято жить испокон веку. А то берут из-за границы много всего, окромя ума. Старое улучшить надо, а не рушить его новым!

— Что будет-то с матушкой Россией? Господи, помилуй нас!.. — Иван вытер вспотевшее от чая и переживаний лицо платком и, подойдя к иконам, стал молиться.

Григорий Курилов тоже встал, перекрестился и вышел из комнаты.

ГЛАВА 20

«Как бы потом не было поздно...»

Небо над Патрусевском было по-июньски ясным, за окном светило солнце, еще ярко зеленые об эту пору начала месяца листья росших рядом с верандой деревьев тихо шелестели. Все обещало хороший вечер. Павел Иванович открыл окна, поправил тюлевые занавески и вернулся к столу.

Обед закончился, и служанка неторопливо убирала со стола. Полина Ивановна, супруга Павла Ивановича, дородная молодая женщина, благосклонно принимала благодарно-

сти Михаила Григорьевича Заянчицкого, дальнего родственника супруга по материнской линии, гостившего в Патрушевске по случаю каникул.

— Ну, что Павел Иванович, я все же хочу продолжить наш дообеденный разговор. А остановились мы на том, что все у нас в России сикось-накось,— обратился он к собеседнику, налил из графина морса в стакан и быстрыми глотками выпил его.

— Почему это?— отвечал ему Павел Иванович Соловьев, действительный статский советник, в партиях не состоявший, патриот по убеждениям.— Что, в 90-е было плохо, Михаил Григорьевич? Какой подъем был в промышленности, благодаря государю Александру III! Потом, в начале «нулевых», правда, случился мировой финансовый кризис, который тяжелым образом отразился и на экономике России...

— Почему мы всегда ищем виноватых везде, кроме как внутри страны? Тот кризис был конкретно российским!

— Естественно, он имел свои национальные особенности. Но вы же, Михаил Григорьевич, не станете отрицать, что в это время был и мировой кризис, и Россия не в изоляции жила?

Полина Ивановна вздохнула и покачала головой в знак согласия с супругом. В комнате было хорошо натоплено, и Павел Иванович, растегнув бархатную домашнюю куртку, платком оттер пот со лба, который окаймляла полуседеющая пышная шевелюра, и расправил такие же пышные усы.

— Павел Иванович, дражайший,— не успокаивался доцент,— если бы не было у нас пережитков феодализма: абсолютной монархии в лице самодержавия, помещичьего землевладения, всевластия, простите, чиновников и полиции, гражданского и политического бесправия народных масс, отсутствия элементов парламентаризма и всего другого-прочего, то кризис этот был бы не так тяжел для российской экономики.

— Простите, но мне кажется, что вы не совсем последовательны. Ведь в 90-е годы тоже были, как вы говорите, «пережитки феодализма», но экономика росла хорошими темпами!

— Ну, не знаю... Она могла расти еще более быстро, если бы не то, о чем я говорю.

— Ох, Михаил Григорьевич, мне думается, вы относитесь к России, как муж к жене, которую подозревает в неверности. Вы уж простите меня, глупую женщину!— не выдержала Полина Ивановна, несмотря на свою полноту, довольно экспансивная, с трудом сдерживавшаяся во время разговора.

Михаил Григорьевич встал, снял сюртук и нервно заходил по комнате. Он был одногодкой Павлу Ивановичу, но в отличие от него обладал сухопарой фигурой, которую увенчивала голова с большой лысиной спереди и небольшой, клинообразной темно русой бородкой.

— Но это же чистой воды софистика!— не давал спуска кадету действительный статский советник.— А я вот думаю, не случился ли этот кризис и последующая война с Японией именно из-за того, что страна выходила на очень хороший уровень развития, имея к тому же совсем нереализованный потенциал в лице пока еще не свободного крестьянства?

— Опять ищем «рыжего» за границей, Павел Иванович?

— Да неужели вы станете отрицать невыгодность для мировых держав такого роста мощи России, дражайший Михаил Григорьевич?

— Вот именно!— поддержала Полина Ивановна.

— Дорогие мои, но так можно спорить до бесконечности!..

— А зачем спорить, давайте рассуждать!..— продолжил советник.— Смотрите, после развития, которое никто уже не может отрицать, случились подряд кризис, война и революция.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я просто констатирую факты, Михаил Григорьевич.

— Хм!..— тот недовольно посмотрел на собеседника, но ничего не ответил, пальцами теребя свою бородку.

— Другое дело, неправильно сделали, что свернули почти все реформы, начатые во время революции,— продолжал Павел Иванович.

— Ну, вот видите, у нас все-таки есть общие взгляды!— обрадовался доцент.

— Конечно, есть! Считаю, что реформы нужно было продолжать, параллельно укрепляя власть.— Павел Иванович закрутил кончики своих усов вверх и с интересом стал наблюдать за реакцией собеседника.

— Начали за здоровье, а кончили за упокой!.. Вот те на!.. Как же это понимать?— разгорячился вновь кадет.

— А так и понимайте!— спокойно, но уверенно продолжал статский советник, немного развернувшись на стуле и закидывая ногу на ногу. — Ввели, например, повсеместно суды присяжных заседателей — усильте прокурорский надзор. Дали Советам большие прав — усильте борьбу с революционерами-экстремистами, и так далее.

— Ну, батенька, это у вас почти аракчеевщина какая-то получается!— возмутился Заянчицкий.

— Ну, вот уж и договорились до чего!— чуть насмешливо посмотрела на оппонента Полина Ивановна.

— Погодите, дорогая!.. Да где же аракчеевщина, милостивый государь? Вы что хотите, чтобы у нас свободы было больше, чем где бы то ни было в мире?— возразил советник.

— Нельзя одной рукой давать свободы, а другой их тут же отбирать!— Михаил Григорьевич даже встал и стал нервно ходить по комнате.

— И никто ничего не отбирает! Просто свобода — это порядок и обязанности, а не беспорядок и вседозволенность. Посмотрите на зарубежные страны, на милые вашему сердцу Британию и Францию. Вы согласны, что они ведут борьбу с разрушителями основ?— не сдавался Павел Иванович.

— Ну... Вначале бы надо дать права и свободы, а потом уж призывать к порядку и нравственности.

— Мг... Как бы потом не было поздно.— Полина Ивановна взглянула на мужа. — Думы-то наши, как говорится, впереди нас скачут, а горе уже за плечами стоит.

— Верно, как бы не было беды от поспешности! Да, все вокруг нас и в мире заметно ускоряется. Но тем более нельзя торопиться с выводами и особенно с теориями. Так что лучше, уважаемый Михаил Григорьевич, постепенно и под контролем. Смотрите, что происходило в последние годы. В 1909-1913 гг. экономика страны сделала новый резкий скачок. Отрасли, выпускающие средства производства, увеличили объем почти вдвое, а товары потребления — на треть.

— Вы хотите сказать, что это произошло в период реакции?

— Нет, я хочу сказать, что на этом подъеме и нужно было постепенно продолжать разумные реформы, усиливая одно

временно власть. Впрочем, как и тогда в 90-е. А то опять наблюдаем революционные тенденции. И, ко всему прочему, попытки втянуть нас в войну с Германией. России же эта война не то что не нужна, а просто губительна будет, ибо надолго может похоронить развитие.

Было заметно, что доцент не согласен со своим оппонентом, но продолжать дальше спор не стал — то ли устал, то ли не находил новых аргументов в свою пользу, а может быть, подобно комплексующему человеку, затаил свои замыслы, думая так: «Вот придет время, и мы покажем вам свои аргументы в действии!».

Супруги также не были довольны внезапно оборвавшимся диалогом, так как интуитивно чувствовали что-то в этом неладное. «Ты спорь, доказывай, убеждай!» — думал Павел Иванович. — А то затаился, и, поди, разбери, что у него там за пазухой...»

Все вышли на веранду. Стоял тихий вечер, но в небе происходило какое-то движение — доселе медленно перемещающиеся облачка ускорили свой бег, стали соединяться в некоем хаотичном танце, окрашиваясь в центре в темные тона, превращаясь далее в тучи, обрывки которых, вырываясь, пускались, казалось бы, в самостоятельный пляс, но в итоге сливаясь в другие тучи. Небо постепенно заволакивало, заметно похолодало, подул ветер и уже отдельными гроздьями, пока еще несильный, сыпал дождь. Вдали пару раз проблеснула молния, но грома пока не было слышно.

— Гроза будет! — сказала Полина Ивановна и закрыла окна на задвижки.

ГЛАВА 21

«Пришел к тебе за помощью, а тебе самому помогать нужно»

В стране в 13-м году, казалось, не было ни одного человека, равнодушного к судьбам России. По-своему, на своем уровне и на основе своих убеждений в трактирах и гостиных, в интеллигентских собраниях и партийных комитетах обсужда-

лись многие животрепещущие темы. И немудрено, так как прошедшее десятилетие было очень непростым и неоднозначным, насыщенным событиями, важными решениями и отказами от них, кризисами и достижениями, подъемами и новыми падениями. Очень противоречивым было это десятилетие и во внутренней жизни и во внешнем положении страны.

Позорное поражение в войне с Японией, гибель по существу всего российского флота, деморализовали, сделали небоеспособной всю армию и вместе с революцией 1905 — 1907-х годов только усилили разразившийся накануне финансовый кризис. Поэтому страна была тогда в очень тяжелом состоянии.

Знать свои слабости — это признак мудрости. И в этих условиях российские дипломаты старались проводить такой курс, который позволил бы стране не участвовать в международных конфликтах. Так необходим был тогда внутренний и внешний покой. Но этого было мало. Нужна была трансформация неудач в успех, для чего требовалась большая мудрость и воля как во внутренней, так и во внешней политике.

Небезынтересно, что Германия, имевшая очень похожее на российское государственное и общественное устройство, так быстро наращивала обороты, что уже превзошла по экономической мощи Англию. Германские товары теснили английские на всех внешних рынках. Военно-морской флот грозил ей потерей положения "владычицы морей".

В этих условиях Англия, бывшая традиционным противником России, открыто поддерживавшая Японию во время войны, заключила договор с Францией. Так родилась Антанта, противостоявшая Германии.

Россия стояла перед выбором. С одной стороны после кризиса, войны и революции усилились финансовая зависимость от Франции и обострение русско-германских и русско-австрийских отношений. Так, например, в Персии, германский капитал конкурировал с российским. Кроме того, сильное сближение Германии с Турцией угрожало русскому влиянию на Балканах и стратегическим интересам на Черном море. Союзница Германии Австро-Венгрия также открыто проявляла свои интересы в отношении Балкан. К тому же Германия в период русско-японской войны навязала России невыгодный торговый договор. Это все говорило в пользу союза с англо-

французской Антантой, за что и ратовали умеренно правые, октябристы, кадеты, а также часть бюрократических кругов.

С другой стороны родственные узы царской семьи с германскими монархами, близость политических режимов обеих государств, близость государственных интересов служили в то время сильными аргументами в пользу Германии. Союз с Германией мог бы защитить интересы России на Балканах и создать тыл на Западе для планировавшегося ею реванша на Дальнем Востоке. Сторонниками такого союза были патристические правые партии и правые придворно-бюрократические группировки.

Нужно сказать, что Германия активно стремилась заключить с Россией союз. И в 1905 г. Николаем II и Вильгельмом II был подписан договор об обязательствах обеих стран по взаимной помощи в случае агрессии какой-либо европейской державы в отношении одной из сторон (!). Однако это соглашение не имело какого-либо дальнейшего продолжения, и в том же году было аннулировано Николаем II. Как говорится, «я пришел к тебе за помощью, а тебе самому помочь нужно».

В 1906 г., благодаря новому министру иностранных дел А.П. Извольскому, Россия пыталась занять третью позицию. Планировалось заключить соглашения одновременно с Германией, Австро-Венгрией и Англией, и урегулировать отношения с Японией. Все это делалось для того, чтобы получить время для разрешения внутренних вопросов и восстановления экономического, в том числе, и военного потенциала.

Но интересно то, что переговоры между Россией и Германией с Австро-Венгрией не привели к урегулированию спорных вопросов.

А в 1909 г. Россия потерпела дипломатическое поражение равносильное поражению в войне. Она дала согласие на присоединение к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины, в обмен на открытие черноморских проливов для русских военных судов. Но Англия и Франция не поддержали этого. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Германия потребовала признания этого акта, а Россия осталась ни с чем. Правительство, понимая, что страна к войне не готова, смирилось.

На Балканах в 1912-1913 гг. начались военные действия. В этих условиях правительство, осознавая неподготовлен-

ность к войне и опасаясь революции, продолжало стараться насколько возможно не допустить или хотя бы оттянуть вхождение в вооруженный конфликт.

Как всегда ничто не говорило о предстоящей войне. Люди работали, гуляли и развлекались, рожали детей. В праздники и выходные в парках звучали оркестры. На селе по эту пору в разгаре была жатва и по вечерам звучали задушевные и веселые, печальные и грустные песни, частушки. В питейных заведениях пили, в клубах «просаживали» состояния (впрочем, кто-то их одновременно и приобретал), воры крали, полицейские расследовали преступления... Жизнь, в общем, шла своим чередом...

Но война все же началась. В час «X» заговорили пушки, застрочили пулеметы, раздались ружейные залпы, полилась человеческая кровь, появились первые раненные, калеки и убитые. Таковым за годы долгой войны не будет числа. Но были и возблагодарившие судьбу за войну, те, кто несказанно разбогател на ней...

Произошло то, что не могло не произойти, ибо дипломатия, а вместе с ней и правительство в течение девяти лет фактически шаг за шагом шли на поводу у англо-французской и германской дипломатии, терпя одно поражение за другим от тех и от других. Шли, как агнцы, ведомые хищниками на заклание.

История еще раз со всей убедительностью показала, что только сильное вовне и изнутри государство, четко и непреклонно соблюдающее свои геополитические интересы, вовремя и дозировано проводящее необходимые экономические и политические реформы, удовлетворяющие насущные потребности различных групп населения, разумно, не откладывая в долгий ящик, перенимающее передовой опыт, может эффективно противостоять угрозам времени и побеждать своих внешних и внутренних врагов ради исполнения своей главной и основной задачи — счастья и благополучия своего народа.

ГЛАВА 22

Невеселые рассуждения

«Да, на дворе уже XXI век,— размышлял Курилов,— а “воз и ныне там”»... Андрей не стал развивать свою мысль вслух и, тем более, рассказывать, что сразу после разговора с Михайловым, начальником Росспецнадзорздрава, представитель торговой компании позвонил ему и помимо оговоренного объема поставки продовольствия затребовал еще такой же и на тех же, очень льготных условиях. Да и строительство коттеджа в пригородном лесу, как говорится, по себестоимости было уже близко к завершению, а лицензии на руках у них так еще и не было. Но он все же ждал, что Михайлов выполнит свое обещание.

Андрей никому не говорил, как ему удалось «пробить» чиновника. Такие вещи нужно держать в секрете — мало ли кто узнает. Лицензия будет получена, раз те уже вошли во вкус, вопрос только во времени — конечно, не до второго пришествия, но... Он прекрасно понимал, поскольку время — деньги, что чем дольше будет срок получения, тем выше цена. И его не оставляло предчувствие — не обернется ли то, что он считает на данный момент решением вопроса, крушением всего дела.

У Курилова было нехорошо на душе. Все было не так, как он надеялся в начале занятий бизнесом. «Тяжелое это дело — малое и среднее предпринимательство»,— подумал Андрей про себя. Он не любил этого чуждого слова «бизнес», так и хотелось прибавить к нему известную приставку — изобретение все того же доцента-патриота с медико-физкультурного факультета ПатГУ.

Многие удивляются, как у некоторых людей хватает упорства и смирения вести свое дело, скажем мягко, в непростых современных условиях. Как в затянувшуюся хмурую, пасмурную погоду хочется просвета в небесах, проблеска солнечного, хотя бы лучика, а в недалекой перспективе и ясной погоды, так и в этом отношении хочется деловому человеку и ясной политики в отношении его деятельности, а лучше бы еще и такой же практики. Но сумерки, сумерки... а в них и барьеры всякие,

«спотыкачи» понаставлены, капканы с ловушками, избавиться от которых можно «легко!»,— только увеличить предварительные затраты. Как писал М. Горький в «Детстве»: «Зачем свои лошади, когда лихачи есть». А выгодно ли это для данного конкретного дела и по возможностям ли индивидуума, занимающегося им,— никого не волнует. Потому что вместо души, обращенной к человеку,— лапа в виде купюроприемника. Вот почему многие не решаются начинать в условиях, где цель оправдывает любые средства.

Но и это еще не все — смех сквозь слезы или слезы сквозь смех. Все старо, как мир, поэтому вспомнилось крылатое выражение еще одного классика: «В России сила на службе» (Н. Лесков, «Соборяне»). Часто одинаковые (только разных уровней) службы ходят друг за другом и проверяют одно и то же. И при этом, наверное, молят своего бога, или как там он у них называется, чтобы ничего в этом подлунном мире не изменилось.

А уж что касается всякого учета — документального, бухгалтерского и налогового,— всего этого вороха (вопрос — можно ли так называть килограммовые годовые папки?) бумаг, то от одного этого всякая охота заниматься предпринимательством пропадает, ибо это уже бумагописание какое-то.

Тут взгляд Курилова упал на счет уплаты за аренду помещения. «Эх,— подумал он,— поднатужиться, да приобрести бы этот офис в три комнаты в частную собственность, оплатив разово требуемую цену, так можно было бы работать спокойно и планировать будущее, а значит, вкладываться в развитие. А так, при краткосрочной аренде на месяц вперед, когда неизвестно, что хозяин площади решит сделать с ней, сидишь как на чемоданах — в любое время тебя могут турнуть — какой это, к черту, бизнес, скорее, как раз то самое с доцентовой приставкой!..»

Прав Курилов, дорогой читатель, сам подумай! Возьми хоть кредиты, ведь огромная трудность получить солидный кредит. Причины? Самая простая — отсутствие залогового имущества (мало кто решится заложить свое какое-никакое жилье, машину и так далее) и отсутствие реального дела. А также невозможность, как мы уже говорили, спланировать что-то. Вот и получается, что для банков — и их «бедных» можно понять — кредитование малых фирм — это огромный риск. Нет, конеч-

но, если у тебя есть под залог ликвидное (читай, легко реализуемое, превращаемое в наличные) имущество, то можно получить кредит от ста тысяч рублей и более на срок до года. А вот на более длительный срок — только под залог недвижимости. И это все, не говоря о «диких» процентах!

А ведь как здорово могло бы быть! Ну, может автор немного помечтать? Дать приоритет и всевозможные льготы на период становления тем малым предприятиям, которые заняты не просто реальным производством, а производством жизненно необходимого в данной местности. Для них можно было бы решить вопросы льготного кредитования и налогообложения, дать различного рода преимущества, в том числе социальное обеспечение и специальное обучение для тех, кто предрасположен к предпринимательству. Ведь обучают же, скажем, "урожденных" музыкантов, ученых, спортсменов (вернее обучали)... И создать для этого необходимые законы и акты. Это было бы неплохо и для создания гарантированных, защищенных и долговременных рабочих мест для населения. Мудрый наш читатель скажет — было бы желание, и будет прав!

Вот на такие рассуждения навел автора и читателя наш Курилов. Но, будучи от рождения человеком сильной воли, с детства соотносящим себя с героями Джека Лондона, он не собирался сходить с избранного пути, несмотря ни на что. Нужно идти вперед, ведь надежда есть только тогда, когда человек что-то делает. Помолись за него читатель! А если ты не крепок в вере, то хотя бы пожелай успеха ему на его поприще.

ГЛАВА 23

Сказка, сон или сладостный плен?

Курилов всегда, когда ему было тяжело, вспоминал дни их знакомства с Юлей. Вот и сейчас, откинувшись в кресле в своем рабочем кабинете и закрыв глаза, он вновь улетел в то счастливое время.

...Полная луна нескромно заглядывала в окно комнаты, где, соревнуясь с ней, из угла приятным мягким светом рассеивало темноту бра. Юлия принесла из кухни поднос с чашечками дымящегося и ароматного кофе. Они только что вернулись из ресторана, где провели вечер вдвоем, поэтому, насытившись, ни есть, ни выпивать, ни разговаривать уже не хотели.

Сев на диван рядом с Андреем, Юля обняла его за плечи, обдав терпко-горьковатым запахом духов, сбросила туфли и улыбнулась.

Андрей смотрел на нее, бессознательно отмечая изящность и стройность фигуры, обаятельность движений. Ее большие робкие и в то же время чуть насмешливые глаза, томные красные и влажные от помады губы, линии бедер, еще в ресторане кружившие ему голову, томили и укрепляли желание. Его влекло к ней — красивой и ласковой, такой близкой и далекой, ожидаемой и неожиданной одновременно. Это был их первый вечер наедине, вернее, первая ночь.

Луна светила уже прямо в глаза, и Юлия, подойдя к окну, мягко задернула шторы. Каждое движение ее подчеркивало гармоничные пропорции тела; груди, казалось, готовы были разорвать плотно обтягивающую верхнюю часть вечернего платья. Волны густых блестящих волос колыхались в такт движениям головы. Все это просилось описать словами, вылиться в стихи, музыку... но сейчас, когда она была рядом, Андрей был бессилен что-либо творить, кроме любви.

Когда Юля вновь села рядом, он потянулся к ней, обнял, она ответила ему, и они слились в долгом и жарком поцелуе. Сухие губы немели, но вновь и вновь иступлено и сладко терзали друг друга. Вот они обессиленные отступают, убегают в завитки волос, ласкают ушные раковины, шею, но, быстро соскучившись, вновь встречаются измученные и припухшие от счастья безраздельного обладания.

В какой-то момент Юля отстранилась от Андрея, расстегнула какие-то застёжки на платье, что-то развязала, сняла его и осталась только в самых интимных женских предметах одежды, через кружевную ткань которых просвечивали почти нагие белые, приятно округлые, груди с темными глазами сосков и бесконечно влекущий к себе в нежных кудряшках треугольник — врата жизни земной и простого физического счастья. Ан-

дрей почувствовал слабость и дрожь в ногах, в то время как душа тонула в море нежности и любви, охвативших его.

Их тела вновь притянулись друг к другу и сомкнулись в объятиях. Она протянула руку и выключила бра.

— Люблю, люблю тебя!— шептали его губы.

— Люблю, люблю, милый!— так же тихо отвечала она.

В мновение ока куда-то исчезла вся оставшаяся одежда. А он шептал и шептал ей ласковые имена, ни разу не повторяясь, задыхаясь от чувства, изнемогая от желания, бережно и ласково обнимал ее. И она, вздыхая его имя, трогательно отвечала ему своими нежными, одновременно горячими и крепкими губами и руками.

В какой-то момент, на пике взаимного чувства, он, едва не теряя сознания, всей крепкой плотью своей вошел в ее мягкую, влажную, теплую и податливую плоть. Она застонала и впилась в его губы. Они продолжали шептать друг другу слова любви. Сердца, души их, соединяясь, влекли за собой тела, и каждая клеточка подчинялась закону Любви, в гармонии пульсировала со всем окружающим, что возможно только там, где взаимная любовь двоих становится отражением Любви Вечной.

Когда их тела конвульсивно пронзила боль общего наслаждения, и они обмякли, Андрей все еще обнимал Юлю. Но вот их объятия ослабли, и они на несколько мгновений отстранились друг от друга. Затем вновь обнялись и задремали в спокойной расслабленной нежности, пребывая как одна душа.

Так они просыпались, еще более сильно сплетаясь телами и душами — нежно, страстно и любяще, подчиняясь вечному, как мироздание, закону Любви, и вновь засыпали в течение ночи несколько раз.

...Когда на утро они прощались, отправляясь каждый к своим будничным, ежедневным делам, Юлия с томной нежностью и искрящимися от счастья глазами смотрела на Андрея. Он сам не видел выражения своих глаз, но чувствовал, что они выражают то, чем отныне жило его сердце.

И все время, пока добирался до работы, Андрей старался не расплескать на ненужные эмоции и мысли, опасаясь потерять, то, что поселилось в нем сегодняшней ночью. Он чувствовал, — чего не было никогда ранее после редких близких кон-

тактов с женщинами,— свою душу цельной, а не половинчато-ущербной, обретшей свою, так долго разыскиваемую вожделенную половинку.

И на работе, когда уже включилось сознание, Андрей много думал о Юле, о том, какая она скромная, милая, по-женски умная и даже мудрая в своей устремленности к справедливости, безо всего того, что многие современные женщины считают велением времени,— например, излишние деловитость и напористость,— но что не украшает женщину. И, самое главное, она была его женщиной, единственной и неповторимой.

Поэтому Курилов решил сегодня же вечером предложить Юле руку и сердце, навеки отдав ей себя и всю свою жизнь.

Тогда, после свидания с Андреем, несмотря на почти бессонную ночь, Юля чувствовала себя активной, энергичной и умиротворенной одновременно. «Вот, что значит любовь настоящего мужчины!» Всем своим воспитанием она была укоренена в убеждении, что чувство — нечто, прежде всего, духовное, душевное, в общем, надфизическое. Но теперь она внутренне, всей своей душой понимала, что не вполне была права, и любовь — это гармония всех без исключения составляющих человека.

На работе, а трудилась Юлия бухгалтером в одной коммерческой фирме, тоже заметили ее состояние. Лучшая подруга, Катя, решила сразу же вызвать ее на откровенность:

— Что это с тобой? Ты, подруга, сегодня какая-то особенная?

Они были во всем абсолютно откровенны и доверяли друг другу самое личное и сокровенное. Вот и сейчас Юлия рассказала Екатерине о своем знакомстве с Андреем.

— А что тебе в нем больше всего нравится?— спросила любопытная отроду подруга.

— Ну, доброта, теплота, нежность...

— Такой мягкий и жалостливый, да?..

Катя сейчас находилась в состоянии, когда женщина, с одной стороны, уже отошла от сильного стресса по поводу ухода от нее возлюбленного, а с другой, была еще достаточно зла, и зло это направляла на всех мужчин без исключения, говоря: «Да все они такие!..»

— Нет, не то... К тому же добрый и нежный. Вот такое сочетание!

— И неужели такие еще водятся?!— с сомнением и кривоватой улыбкой произнесла теперешняя мужененавистница.

А Юля вся была в мыслях об Андрее. Она была убеждена, что он даже более сердечен, чем это проявляется и чем можно объяснить словами. Об этом ее чуткому сердцу,— а Юлия знала, что оно у нее именно такое еще с отрочества, когда первым подсказывало, а порой и вещало ей,— говорили его глаза, неуловимые микродвижения лица, интонации в голосе и многое другое, что зовется одним словом — невербальностью, о чем она прочитала недавно в книге по психологии общения (ведь совсем недавно у нее еще было время для чтения). Скорее всего,— так Юля сознавала,— жизнь его научила, чтобы избегать насмешек, прятать душевные порывы, скрывать их за напускной серьезностью. Все это нравилось ей, ибо она принадлежала к людям, любящим находить себя и свои качества в душах других. Поэтому Юлия испытывала удовлетворение от того, что внутренний мир Андрея захватил в сладостный плен ее душу.

— Вот находятся, как видишь,— ответила она Кате,— и те, кто нужен. А, если честно, то встретились мы совершенно случайно...

— Не надо! Случайностей не бывает, сама знаешь!..— Екатерина не только не верила в оные, но сейчас — из-за недавних переживаний — была твердо убеждена, что происходящее злокозненно закономерно, только никак не могла взять в толк, кому было так необходимо, чтобы именно у нее все и всегда рушилось.

— Андрей — это мне дар свыше. Только я не знаю за что, может, авансом... Но встретились мы...— и Юлия рассказала ей историю своего знакомства.

— Ну, я надеюсь, вы уже были в постели?— с цинично-скептической прямоотой спросила Катя.

— Да, только не так быстро, как ты думаешь, подруга!.. Однажды мы шли по вечернему парку...— Юля на минуту замолкла, погрузившись в сладостные воспоминания того вечера.— В тот вечер мы впервые целовались... Это было у большого каштана...

— Я смотрю, Юль, ты вся там?

— Ты знаешь, у меня до Андрея были парни — не девочка уже, — но так, как с ним, честно, еще никогда не происходило. Я словно в тумане лечу, и крылья несут меня так, что дух захватывает.

Катя вспомнила счастливые часы, проведенные с Виталием, — своей последней, как она вполне серьезно и решительно думала, любовью, — мечты и планы... Потом решительно все это отменила, мысленно нарисовав поверх черными большими буквами — «Нет!» Но в то же время где-то в дальнем уголке ее сердца таким маленьким крысенком зашевелилась серая зависть.

— Это уже серьезно!.. — улыбнулась Екатерина, и ей самой улыбка показалась несколько кривоватой. — Так вы что, все это время только целовались? — немного наигранно спросила она.

— Как тебе сказать? — рассмеялась Юлия. — Ты ведь такая проницательная и всегда все чувствуешь.

— Все поняла... И как?

— Великолепный любовник! И мне с ним тепло, уютно и спокойно.

— Ну, прямо полный набор! Нет, так не бывает! — захохотала Катя. — Смотри, не охмуряешься ли ты? Знаешь, как говорится в известном произведении — «я сам обманываться рад»?

— Ой, Катя, я и сама где-то в глубине души боюсь — не сказка, не сон ли это? Я на работу — прямо от него...

— Чувствуется... Ну, смотри сама, здесь никакие советы-приметы не помогут, — посерьезнела Екатерина и, отвернувшись, стала глядеть в окно.

Юля и сама все прекрасно понимала. Но сейчас ни о чем ином она просто не могла думать, ибо была на небесах от счастья, как всякая женщина, знающая, что у нее есть настоящий мужчина без недостатков души, ума и всего другого.

ГЛАВА 24

Все сразу и сейчас!

Михаил Григорьевич Заянчицкий с Павлом Ивановичем Соловьевым и так редко встречались в силу своей занятости,

несмотря на то, что Патрусевск был в двухстах верстах от Москвы, а теперь, во время войны, в связи со всеми трудностями семнадцатого, в том числе и транспортными, уже почти четыре года как последний раз виделись. Заянчицкий, кроме своей работы доцентом в университете и кадетских партийных обязанностей, входил в продовольственный комитет Москвы, а Соловьев был настолько загружен работой в своем губернском присутственном месте, что и обычный прием гостей они с женой уже давно не проводили, не говоря о поездках в столицы.

Но вот командировали Павла Ивановича в Москву на неделю по вопросам его ведомства, и он навестил Заянчицких, которые и слышать ничего не хотели о гостинице, в которой поначалу остановился тот. Тем более что квартира была на летнее время наполовину пуста — дети: Кирилл, Лидия и Николай жили в пору каникул на даче в Михайловке. Там же обитал и знакомый уже нам Николай Иннокентьевич Земсков, приехавший в первопрестольную по своим писательским делам и, как всегда в подобных случаях, остановившийся у своей двоюродной сестры, Марии Павловны.

В субботу вечером, как водится, чета Заянчицких, прихватив с собой Соловьева, отправились в Михайловку.

Стояла середина лета во всей своей зрелой красе, все в природе находилось в томлении, жизненные соки питали уже не только сами растения, но и многочисленные плоды, радующие глаз, вкус и обоняние, готовые дать в подобающее время семена будущей жизни. Все вокруг дышало утверждающей силой бытия, в котором даже умирание было частью этой вечной жизненной гармонии. И в этом бытии, казалось, не было места ничему дисгармоничному, злему, ничему бессмысленному, как, например, преждевременная и насильственная смерть. А ведь за две-три сотни километров отсюда люди «сеяли семена» иные — стреляли друг в друга из пушек, пулеметов, ружей, травили газом. Шла война, бойня, которая не оправдывалась никакими объяснениями и соображениями: ни политическими, ни экономическими, ни национальными. Гибли и калечились миллионы человеческих тел, жизней, судеб, а вместе с ними гибла и травилась природа.

Та самая природа, которая давала и дает человеку все необ-

ходимое для жизни, а значит и самое жизнь.

Подъезжая к деревне, наши дачники видели отдыхающих людей, наслаждающихся этой летней природной идиллией. Но такова суть военного времени — о чем бы ни говорилось и ни думалось, все возвращается к теме войны. Вот и сейчас представилось, что и там, в немецких землях, люди вот так же наслаждаются земной красотой, земными благами, в то время, как их дети и внуки разрушают не только эту красоту, но и венец творения — человеческую жизнь. А ради чего?!..

Когда путники добрались до дачи, их встретила веселая молодежь и аппетитные запахи приготовленного обеда. В саду, в тенистой его части стоял большой покрытый скатертью стол, на котором стоял в вазе огромный букет роз всех цветов и оттенков.

Умывшись и немного отдохнув с дороги, Михаил Григорьевич с супругой Марией Павловной и Павел Иванович присоединились к Земскову, детям, горничной и старой няне Агриппине Тимофеевне, которые уже сидели за столом и с нетерпением ожидали приехавших, чтобы узнать все московские и российские новости, и, прежде всего, новости с фронта.

Обед, как и принято в культурном обществе, прошел в легком общении. Лишь сведения с фронта, словно невеста откуда взявшаяся в ясный солнечный день и заслонившая солнце туча, на некоторое время сделали пасмурным настроение собравшихся. Но через некоторое время молодость, которая говорила: война? кровь? смерть? — это все где-то там, далеко, так далеко, что и нереально вовсе, совсем не в этой, а может, и вообще в другой какой-то жизни, с которой мы имеем только косвенное соотношение, брала свое, и восстанавливалась ясная безмятежная погода в молодых, а вместе с ними в некоторых и не очень молодых, душах, и возобладало веселое настроение.

Только Земсков с Соловьевым да разве что старая няня посерьезнели и не оставляли этого настроения после разговоров о войне. Видя это, хозяйка, Мария Павловна, после обеда предложила мужчинам пройти в беседку и поговорить, как она выразилась, на мужские темы.

Беседка находилась в тихом живописном уголке сада. Михаил Григорьевич, захвативший с собой пару бутылок легкого десертного вина и пачку сигар, убрал из беседки все лишнее, оставленное здесь детьми и женщинами, и быстро устроил нечто похожее на маленький мужской клуб.

— Хорошая погода стоит, господа...— начал Заянчицкий.

— И такая же, наверное, сейчас на передовой...— не мог отойти от темы войны Земсков.

— Безусловно, такая, а на Украине, на австро-венгерском, и еще лучше будет,— поддержал Павел Иванович.

— Вот вы все война-война,— Михаил Григорьевич наполнил бокалы и предложил их собеседникам.— А ведь она лишь на время оттянула политический взрыв, ибо к лету 1914-го общественный кризис был в апогее. Вот сейчас на дворе, как говорится, 16-й, и положение вновь резко обострилось, усилилось революционное движение.

— Думалось, что в годину внешней угрозы, когда на кон поставлена сама независимость, люди всех сословий, политических убеждений и национальных амбиций, как это всегда было в русской истории, соберутся вокруг идеи защиты отечества,— сказал Земсков, слегка пригубив вино.

— Где там!— поддержал его Соловьев.— Буржуазия вся в оппозиции, интеллигенция хочет устроить все на западный манер и прямо сейчас, в военное время. Все партии, даже умеренные октябристы, требуют свобод и уже сегодня!..

— Но разве это хорошо, что царь отказался выполнять требования народа, проводить реформы, более того, распустил Думу?!— воскликнул Заянчицкий и залпом выпил бокал вина.

— Простите, милостивый государь, какие реформы во время войны, слыханное ли это дело?!

— Николай Иннокентьевич, так ведь кризис власти — кризис!— и он все усиливается с каждым годом! Система прогнила сверху донизу!..

— Так может он и кризис, что его целенаправленно создают...— начал Земсков, но Заянчицкий перебил.

— Вот, вот! Сейчас вы скажете о мировом за-а-аговоре!..

— Михаил Григорьевич, вы сами о нем сказали! Я же имею в виду не то, что требуется раскрывать и доказывать, а то,

что находится на поверхности — заявления ведущих представителей буржуазии, настроения интеллигенции, действия политических партий...

— И ведь они обращаются не только к верховной власти, но и к народу! Причем работают с его самой активной частью — армией. Посмотрите, что творится на фронтах. Антивоенное настроение все больше охватывает солдат, и даже часть офицеров. В сознании солдат движение против войны и самодержавия переплелись и уже нераздельны! — с горечью произнес Соловьев.

— Господа, я удивляюсь, как можно не видеть очевидного! Прими царь требования народа, проведи реформы всей политической системы и экономические, дай свободы, и все само собой устроится, как нельзя лучше. Рынок сам отрегулирует все экономические отношения, парламент решит все насущные общественные и юридические вопросы, предприятия сами, исходя из прямой выгоды, произведут все необходимое и передовое для обороны, армия, составленная сплошь из добровольцев, с воодушевлением пошедших на фронт защищать завоевания свободы, победоносно завершит войну!..

— Сударь, вы прямо сказочную картину нам рисуете! — перебил его Павел Иванович.

— Михаил Григорьевич, все это звучит действительно хорошо, — Николай Иннокентьевич встал и, стоя, продолжил: — Но скажите, милостивый государь, почему нельзя сейчас, прекратив все революционные действия, мобилизоваться всему народу, всем силам, всем прослойкам, обществам и партиям и победоносно завершить войну? А потом уж тихо и спокойно, когда будет полностью устранена внешняя угроза, заняться совместным и благотворительным общественным творчеством? Вы же и иже с вами призываете разрушать имеющееся и создавать новое в разгар войны, когда и положение на фронтах остается тяжелым и неопределенным! А то может получиться, как в шутке моего знакомого профессора медицины Петра Ивановича: «Больной пошел на поправку. Но не дошел...»

— Шутки шутками, но поймите, что если самодержавие и весь уклад нашей жизни, начиная от прав, свобод и земли и кончая экономикой, привел к поражению в русско-японской войне, к революции 1905 года, а после в течение десяти лет ничего не было реформировано, то где гарантии, что и эта

война не завершится поражением, навязыванием России невыгодных, а может быть, и кабальных условий, не говоря уже о потере территорий, и вновь никаких реформ проведено не будет?

— Уважаемый Михаил Григорьевич, остановитесь на минуту и посмотрите как бы со стороны на то, что вы предлагаете,— продолжал Земсков.— Идет 17-й год, уже три года, как враг стремится разрушить нашу страну извне, направляя на это все свои силы, ресурсы, экономическую мощь. И в это же самое время, исходя, мы верим, из благих намерений, вы и ваши единомышленники хотите разрушить существующее устройство, согласен, несовершенное во многих отношениях, при этом, только теоретически доказывая и на словах обещая, что будет создано нечто другое и совершенное, которое сразу и во всех аспектах разрешит все вопросы нашей российской жизни, и одновременно будет одержана победа в войне. Таким образом, нетрудно увидеть со стороны два одновременных действия — разрушение извне и изнутри!

— Вы хотите сказать, что я и все мы, кто ратует за перемены,— союзники Германии и Австро-Венгрии?— как-то очень тихо спросил Заянчицкий.

— Нет, Михаил Григорьевич, нет, просто те, кто хочет производить кардинальные изменения в стране во время кровопролитной и изнуряющей войны, похожи, не напрямую, нет, Боже упаси, на людей, кто поневоле действует в том же направлении, что и противник...

— При этом ни я, ни Николай Иннокентьевич, не отрицаем необходимость постепенных последовательных и выверенных реформ в мирное время при одновременном укреплении традиционной для страны власти. Так?— обратился Павел Иванович к Земскову.

— Совершенно верно!— подтвердил тот и, повернувшись к Заянчицкому, предложил.— А не выпить ли нам мировую?

— Мировую войну или революцию, о которой твердят большевики?— хмыкнул Заянчицкий.

— Если бы можно было таким образом закончить эту войну и не допустить революцию — «не при нашем доме будет сказано!»,— то я со всем моим удовольствием!— в ответ пошутил Земсков.

Со стороны дома раздался громкий смех. За ним зазвучали

перебивающие друг друга голоса и снова смех. К беседке подбежала раскрасневшаяся Лида, а за ней Коля.

— Пап! Ну что он,— она кивнула в сторону брата,— все меня Виталием дразнит? Какие мы с ним жених и невеста?

— Жених, жених, а кто же еще?!— подшучивал над сестрой Николай.

— Хватит вам, «первоклашки»,— смеясь, подошел Кирилл.

— Ладно тебе, зазнайка-выпускник!— капризно, как бы обижаясь, но в то же время с той интонацией в голосе, которая всегда выдает глубокую симпатию, произнесла Лидия.

— И впрямь, дети малые,— улыбнулся Земсков.

Молодые убежали в глубину сада, и уже оттуда доносились их возгласы и смех. Они, беззаботно веселясь, отдыхали от учебы, от экзаменов, от реалий военного времени, которые чувствовались и здесь, вдали от фронта, впрочем, как и во всей стране.

Вдруг прозвучал дальний одиночный выстрел, затем второй, третий... На фоне разговора о войне и революции они заставили собеседников слегка вздрогнуть.

— Сосед со товарищи уток стреляют,— прокомментировал Михаил Григорьевич.

ГЛАВА 25

«Изда горит, а разбойники смеются...»

С невеселым настроением ехал Земсков в Петроград, несмотря на чудесную погоду и хорошее купе. Тяжело было на душе после вчерашнего разговора на даче у Заянчицких. И не из-за того, что не выиграли они с Павлом Ивановичем в дискуссии с хозяином (Михаил Григорьевич остался при своем мнении), ведь не проиграли все же... Просто вновь и вновь мысли возвращались к войне и к назревавшей в стране великой смуте. Он не любил ни произносить, ни в мыслях называть это словом «революция». Смута она и есть смута. Однако, как ни назови, деваться некуда — вот она уже рядом.

А мимо проплывали, как ни в чем не бывало, пейзажи сред-

ней полосы России: такие знакомые и родные крестьянские избы, огороды, поля, речки и пруды, леса и рощи, сельские церкви, пасущийся домашний скот; пристальными внимательными взглядами провожающие поезд пастухи и пастушки. И кипела хозяйственная жизнь — вот крестьянин везет полный воз древесины, видимо, на дрова, вот длинный, навесное, купеческий, обоз — сейчас трудности с транспортом, вот бабы собирают в корзины яблоки в саду. Родная сельская русская идиллия. И если бы не знать о том, что где-то взрываются снаряды, и от осколков и пуль падают среди таких же красот сыновья, братья, мужи и отцы встречаемых за окном вагона людей. Если бы не было так томительно тяжело от предчувствия того, что может произойти со всей жизнью, со всеми этими людьми и с ним самим уже завтра. Но не уйти, не убежать и не скрыться от этого знания, от предчувствия. Это есть и грядет еще большее, и ничего уже, видимо, поделать нельзя, не изменить этот ход вещей, ибо таких, как он и Соловьев, единицы, и их голос как «глас вопиющего в пустыне». А главное, народ — терпеливый, спокойный, мудрый православный народ, как одурманенный, опьяненный зельем-отравой, не идет, а мчится, чтобы окунуться в эту смуту, в этот омут, крича лозунги и слоганы, внушенные ему доброхотами-опоиителями...

Снова и снова мысли возвращались к фронтовым делам, к тому, как в исключительно сложных условиях приходилось сражаться русским солдатам и офицерам.

«И одна из причин налицо — плохое снабжение армии боеприпасами, — думал Земсков. — Ведь не секрет, что на ураганный артиллерийский огонь врага, наши пушки часто в ответ молчат, ибо было приказано тратить в день не более семи снарядов на одно полевое орудие. Недостатки вооружения и снаряжения снижают боеспособность армии и значительно увеличивают ее жертвы. Получается, что фронт удерживается в значительной мере за счет мужества и мастерства наших людей, — Николай Иннокентьевич вышел из купе в коридор и посторонился, пропуская проводника с подносом, на котором стояли, позванивая ложечками, стаканы с чаем. — А как непатриотично ведет себя основная часть буржуазии? Ведь что происходит — к работе на нужды обороны стали широко

привлекать частную промышленность и, одновременно, усиливать систему регулирования экономики. Были учреждены Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию, для мобилизации хозяйства на нужды фронта, были созданы военно-промышленные комитеты. В результате увеличилось производство винтовок, патронов и артиллерийских снарядов. Но вместе с тем начался спад гражданских, мирных отраслей: транспорта, металлургии и топливной промышленности, сельского хозяйства. Разразились продовольственный, топливный и финансовый кризисы. Все это очень не нравилось прозападно настроенной буржуазии, которая видела причины этого не в войне, в самодержавии и в нелиберальной экономике. Отсюда и требования (и это во время войны!) смены власти и реформ политической системы и экономики».

Поезд остановился на станции, и Земсков решил поразмяться немного, прогулявшись до станционного буфета. Ассортимент не обрадовал, и Николай Иннокентьевич решил довольствоваться бутербродом с сыром и стаканом довольно жидкого чая. «С продуктами сейчас тоже стало тяжело», — подумал он, возвращаясь в вагон.

Вместо двадцати минут состав простоял на станции два часа.

«В ответ на трудности, — продолжал работать ум ученого-историка, — правительство было вынуждено ввести принудительную хлебную разверстку. Но что интересно, помещики прятали урожай, надеясь позднее продать хлеб подороже. А, глядя на них, и крестьяне не хотели отдавать хлеб за бесценок. Без хлеба же и других сельхозпродуктов как могла работать промышленность — голод ведь не союзник рабочему человеку? И это в то время, когда требовалась мобилизация экономики!»

На станции толпился народ, и пассажиров после посадки заметно прибавилось. Из соседнего купе раздавались громкие возгласы — проходящий мимо раскрытой двери Земскова мужчина нервно бросил на ходу: «Уже по два билета на одно место продают!»

Николай Иннокентьевич закрыл дверь и вновь окунулся в свои мысли.

«Нужно отдать должное, правительство создало специ-

альные совещания и комитеты, благодаря чему тысячи частных предприятий стали работать на фронт. Снабжение армии улучшилось, но закрывались, из-за невозможности получить оборудование из-за границы, не связанные с работой на войну предприятия, нарушались традиционные рыночные связи. Из-за чего в полтора раза от довоенного уровня сократилось промышленное производство.

Буржуазия в своем большинстве думала только о доходах. Капиталисты, начиная от мелких до крупных, кроме богатевших на войне, были недовольны и активно требовали ее прекращения. Активизировалось и рабочее движение, забастовки следовали одна за другой, бастовала, казалось, вся страна. В деревне горели усадьбы помещиков.

Основным требованием в городе и деревне было прекращение войны. Те же настроения охватывали интеллигенцию, армию и национальные окраины. На этом фоне леворадикальные силы чувствовали себя как рыба в воде. Внутренней политикой российской монархии были недовольны послы союзных держав, которые требовали не прекращения войны, что естественно, а немедленных реформ в то время, когда враг оккупировал огромные территории на западе страны. Создавалось впечатление, что все хотели только одного — развала правительственной власти...»

Поезд, наконец, тронулся и, набирая скорость, двинулся к Петрограду. Мимо проплывали деревни и полустанки, леса и пролески, поля и луга, мужики и бабы. Все было то же, что и немногим ранее, но то ли солнце поднялось выше, и его лучи стали падать на землю несколько под другим углом, то ли воздух в этих местах был иным, то ли чай так повлиял на зрение, только Земскову все стало видеться как-то обостренное, яснее и четче.

«Та-та, та-та, та-та, трах-тах-тах, трах-тах-тах, та-та, та-та, та-та, трах-тах-тах, трах-тах-тах...» — стучали колеса, и убаюканный их стуком задремал уставший от дум и жизненных трудностей последнего времени Иннокентий Николаевич. И хоть бы что-нибудь приснилось ему для разрядки. Да нет, видимо, когда жизнь сама похожа на страшный сон, то уже никакие сновидения не посещают человека...

В один из поздних октябрьских промозглых дней 16-го года в чайной на Пятницкой в Москве вновь встретились старые знакомые Степанов и Курилов. Григорий, приехав в Москву из Патрусевска по домашним делам, заодно решил провести своего друга и земляка Ивана. Приятели с удовольствием выпили бы чего-нибудь покрепче, но повсеместно царил сухой закон. Они жили в разных городах, к тому же работали на военных заводах, поэтому виделись в эту годину редко. Оба были рады встрече, той отдушине, которую она давала, возможности поговорить, обсудить свои семейные, рабочие и другие дела. Время было напряженным, события волновали, поэтому эти «другие дела» занимали в разговорах людей всех сословий большую часть их общения. Вот и сейчас было так.

— Иван, а твои дети учатся?

— Да где там, Гриш! Старший, Степан, ужю в подмастерьях ходит. Среднему, Кольке, позновато будет учиться-то, скоро тринадцать стукнет. А младшенького, Игнашку, так и быть, отдадим в церковно-приходскую, пуцай грамотным будет. Девоч же, Ольку да Настю, учить не будем, на что им? А у вас как?

— У нас? Ты что, запямятовал? Моей-то Грушеньке всего годик от роду! А боле пока Агрофена никого не родила.

— Прости, Христа ради!

— Да ладно... А помнишь, аккурат перед войной ходили люди и говорили, что Дума вот-вот примет закон, чтоб все в обязательном порядке получали начальное образование?

— Да, помню, было дело. Вот только война помешала, проклятая!..

— Она самая, будь неладна!..— Григорий поставил пустой стакан на стол и, не торопясь, налил из заварного чайника, что стоял рядом с пузатым самоваром, свежего чая.

— А тогда, когда война только начиналась, в народе слух ходил, что мировые буржуи втянули матушку-Россию в нее за долги...— сказал задумчиво Иван, также наливая себе из чайника.

— А то нет!..

— Но как только супостат стал наступать, так мы и бастовать тогда перестали. Какое там бастовать, коли ворог вломился, и в голове даже не было такого!

— Так и было, Иван! И добровольцев идти на фронт, было хошь отбавляй.

— Да, еденились тогда все перед германским нашествием, не глядя на сословие и политику. Все были за то, чтоб дать отпор германцам.

— Окромья большевиков, Иван. Те ишо тогда прозревали, что не народная эта война, что она за буржуев и Николашку, а не за народ-то!..

— Что ты такое говоришь, Григорий? Побойся Бога! На Россию напали, а мы что, не в России, по-твоему, живем?

— Так-то оно так, да вот вопрос — в чьей?

— Как в чьей? В нашей, с Богом данным государем и верою отцовской и дедовой! Вот для примеру, на избу ночью напали разбойники. Хозяин всем домочадцам и работникам раздал для защиты: кому вилы, кому топор, кому косу, кому что... И вдруг один сын кричит: «Неправильно ты, отец, вел хозяйство и управлял нами и работниками. Уходи! Мы сами управимся — от разбойников откупимся, хоть половину добра отдадим, зато потом заживем по-другому, по уму да по справедливости!» А отец говорит: «Никуда не уйду! Это мой дом, дом моих отцов и дедов! Давайте дадим отпор разбойникам, оборонимся от них, да так, чтоб не повадно было им возвращаться, чтоб дорогу к нам забыли напрочь, а потом сядем, обсудим — как и что, как нам лучше вести хозяйство и управлять им!» Ничего не хочет слышать сын-бунтарь. Видит, что миром отец не отдает власть, взял и поджег избу. Думал только попугать честного и доброго отца, а из-ба возьми да и сгори как сухой хворост со всем скарбом, со всем добром. Разбойники смеются, радуются, захватили скот, урожай, плуги со струментом, отца с домочадцами повязали, а сына-бунтаря заставили им всем надсмотрщиком быть и погонять их как скот на пути в рабство. Как тебе, Григорий, нравится такое?

— Да кому ж такое понравится, Иван?!

— Вот и я говорю, не дело большевики предлагают...

ГЛАВА 26

«Начинаем работать!» Но... есть еще один вопрос

Курилов не стал торговаться с представителем торговой компании, руководителем которой был знакомый, друг, а, может быть, и родственник Михайлова — кто их там разберет! А на этот раз пошел прямо к нему самому и предложил — он поставит внедоговорную продукцию в полном объеме на склад торговой компании на тех же льготных (и даже очень!) условиях, благо она уже в Патрусевске, Михайлов выдаст лицензию, и на следующий месяц они получают еще одну, такую же, поставку.

Тот «повертелся» было, но деваться некуда, согласился...

Через несколько дней, после получения торговой компанией продуктов, Михайлов распорядился-таки выдать лицензию, но предупредил, чтобы все было в соответствии, ибо дело серьезное и при нарушениях он не сможет ничем помочь.

Радостный помчался Андрей в офис. Стояла замечательная погода — и не жарко и не холодно, где-то двадцать два — двадцать четыре градуса. Видно посочувствовала природа людям, и после полосы жары без единой капли влаги и воспоследовавших ей затяжных проливных дождей по ночам при солнцепеке днем, установился климатический строй, наиболее естественный летом для средней полосы России.

— Ну, что?— всем не терпелось услышать результат от едва появившегося на пороге Курилова.

— Порядок! Лицензия у нас!— и он победно поднял ее над головой.

— Слава Богу!— воскликнул Драницкий.

— Слава-то, слава, но и нам положено не плошать!— Андрей жестом пригласил всех сесть, давая понять, что сейчас хочет со всеми серьезно поговорить.

— Итак, мы начинаем работать!— продолжил он, сев за стол.— По прежним вопросам вы мне уже докладывали, а сейчас давайте обсудим все то, что нам нужно делать дальше. Значит так, наши «скорые», мало того что сертифицированы,

должны быть оборудованы и оснащены всем необходимым для качественной перевозки больных и пострадавших. Что вы думаете на этот счет?

— Несомненно так, Андрей Васильевич!— вступил в разговор Драницкий.— Хочу добавить, обязательно необходим и транспортный мониторинг состояния, и проведение искусственной вентиляции легких и программированной инфузии, и транспортная иммобилизация вакуумными матрацами и шинами, и все другое, чтобы наша «Неотложка» была самой качественной.

— Правильно, Виталий Анатольевич, ведь будут смотреть — платная, значит, должна быть лучше.

— Думаю, что нам придется взять на себя всю перевозку больных и пострадавших,— подключился Николашкин,— включая госпитализацию, перевозку больных на обследование в диагностические центры и обратно, а также на вокзалы.

— Да, Геннадий Никитович, назвался груздем, как говорится, полезай в кузов! Мы должны по услугам быть впереди на два корпуса, как говорят спортсмены,— улыбнулся Курилов.— Валентин Александрович, что думаешь?

— Правильно, мы должны быть лучше «03». И не имеем права уезжать, пока не дождемся результатов осмотра в приемном отделении и не госпитализируем больного, если то необходимо.

— Логично!— поддержал Курилов.— И от себя добавлю: на вызовы выезжать круглосуточно. В стоимость вызова платной бригады включить осмотр пациента, оказание неотложной помощи, при необходимости обследование и в экстренных случаях — госпитализацию. Причем люди должны иметь возможность получить любую информацию в любое время дня и ночи по телефону.

— Вы что-то хотите сказать?— спросил он, видя, как жена пытается обратить на себя внимание.

— А как насчет выполнения требований по качественному обслуживанию платной «Скорой» со стороны клиентов? Ведь от них тоже будет зависеть, каким оно будет?

— Прекрасно, Юлия Александровна!— Курилов в который раз поражался ее прозорливости.— Некоторым это необходимо будет объяснять буквально на пальцах, но ничего не

попишешь...

— Валентин Александрович,— обратился он к Медведкину,— составьте список всего, что нужно приобрести. Проработайте с Виталием Анатольевичем и Геннадием Никитовичем.

— А я?

— Да и с Юлией Александровной. Вообще привлекайте к работе в этом плане кого считаете нужным, хорошо?

— Кстати, необходимо составить еще правила перевозки больного,— добавил Драницкий.

— Вот вы и возьмитесь за это, Виталий Анатольевич, кто лучше вас может знать это, хорошо? Все, надеюсь, понимают, что я даром времени не терял — подготовился теоретически?— улыбнулся Курилов.— Поэтому проработайте совместно и такие вопросы: должна ли «Скорая» везти родственников и в каких случаях, каким именно образом транспортировать больного в той или иной ситуации? Хотя что я? — Последний вопрос относится к правилам перевозки... Так, вроде бы все?

— Андрей Васильевич,— подала голос молодая девушка, диспетчер Галина,— мне кажется, для диспетчеров нужен перечень опроса позвонивших клиентов. Ведь чем четче будет описан повод вызова, тем лучше будет работа нашей «Неотложки». И еще,— продолжила она, и щеки ее залил румянец, видимо не привыкла еще участвовать в таких совещаниях,— необходимо требовать, чтобы кто-то встречал «Скорую», чтобы не плутать, теряя драгоценное время на поиски подъезда к дому или месту происшествия.

— Великолечно, Галина!— Курилов всем телом подался в ее сторону, так что Юлия дернулась на стуле, мотнула головой и, в конце концов, воззрилась на мужа, сощулив глаза и нервно потирая подбородок. Андрей, заметив такую реакцию жены, успокаивающе и ласково посмотрел на нее, еле заметно кивнул головой и сделал небольшое движение губами, словно целуя, что для обоих означало тайный знак любви, ласки и верности. Затем, снова повернувшись к диспетчеру, уже более сдержанно продолжил:— Вот и будете у нас старшим диспетчером. Опытность и деловые качества сразу видны и нам —

ох, как! — нужны.

Курилов подошел к окну. На улице неожиданно сквозь яркие лучи солнца пролился недолгий дождь, асфальт покрылся лужицами, и прохожие, обутые по погоде в сандалии, босоножки и шлепанцы, бодро перепрыгивали через них.

— Да, вот еще,— произнес Курилов,— необходимо, чтобы все работники надевали бахилы при входе в жилое помещение. Этим мы тоже должны выгодно отличаться от «03».

— Будет сделано, Андрей Васильевич! — отрапортовал Медведкин. Ему нравилось подчиняться и исполнять и он всегда ласково-преданно смотрел в глаза начальству.

— Бахилы — это тоже, конечно, важно, но есть вопрос, который считаю одним из ключевых, без решения которого вся наша деятельность будет сведена практически на нет,— вступил в разговор Драницкий.

— Что вы имеете в виду, Виталий Анатольевич? — с интересом взглянул на него Андрей.

— Большой процент, как показывает практика работы в других городах, составляют вызовы платной «Скорой помощи» от больных с тяжелыми заболеваниями. В том числе и такими, где необходимо применение сильнодействующих, обезболивающих и наркотических веществ...

— Ну и что? У нас ведь лицензия!..

— Лицензия лицензией... Она дает право на приобретение, использование и хранение таких веществ...

— Так, а я о чем?

— А как мы их будем приобретать, Андрей Владимирович?

— Приобретать?..

— Да, именно!

— ?

— Понимаете, государственные медицинские учреждения получают такие средства централизованно по статье бюджета. А нам придется их покупать за полную стоимость! И не единичными упаковками, а некоторой партией. Поэтому и возврат затраченных денег отодвинется на некоторый, может быть, продолжительный срок.

— Я об этом как-то не подумал, Виталий Анатольевич. Что значит — пол-головой хорошо, а полторы лучше! — рассмеялся Курилов. — А какие это препараты, интересно?

— «Релиум», «Сибазон», «Трамал», «Тизерцин» и «Клофелин» — все в ампулах. Причем вещества клофелин, дизепам и трамадол, входящие в эти препараты, включены в «Списки сильнодействующих и ядовитых веществ».

— Я вас знаю как хорошего врача и великолепного организатора — ведь мы знакомы уже столько лет...— Андрей внимательно посмотрел на Драницкого.— Подумайте, как нам все это получше организовать.

— Думай не думай, Андрей Васильевич... и как ни изворачивайся, а невозможно абсолютно честно заниматься бизнесом среди этих «лис» и «волков»!..— темпераментный Драницкий вскочил со стула и стал в возбуждении ходить вдоль стола Курилова.— Вот и придется что-то придумывать!

— Да, чует мое сердце, что придется...— поскущнул Андрей.

— Ну, почему за границей все медикаменты, техника и зарплата работникам платных «Скорых» идет из бюджета, а мед-услуги — со страховок? А у нас — все не как у людей?!— продолжал возмущаться Виталий Анатольевич.

— Почему-почему?... К чему риторические вопросы? От их задавания нам что, легче станет? Давайте лучше подумаем, как быть...

ГЛАВА 27

Несмотря на «инсталляции» и «перфомансы»

— Вот уж и весна пришла, Юля! И погода-то какая!— Курилов радостно улыбнулся. Они сидели в офисе, все рабочие вопросы были решены, и до очередного собрания-летучки был еще час.

— Да, красота — сходит снег, и вся роща усеяна прошлогодним мусором!

— Скоро объявят субботник...

— Понятное дело! А через месяц все будет снова белым-бело от бумаг, пакетов, пластмассовых тарелок и объедков. Это все приезжие...

— Какие приезжие?!— не согласился Андрей.— Ты гуляешь по роще с собакой и не обратила внимания, кто там отдыхает? Сплошь наши все, местные, из окрестных домов. Получается, что сорят и потом снова приходят на то же загрязненное место!

— Смешно даже. Туда все несут в пакетах, в которые затем можно было бы сложить мусор, и сделать два шага до бака возле дома или до свалки на краю рощи...— поддержала Юлия.

— Но не делают!.. Поэтому и не смешно!.. А вся соль в том, что еду и выпивку они несут для себя любимых, сделать себе приятное, отдохнуть на природе. Мусор же убирать — ну, никакого удовольствия! Это ведь для других, для кого-то, кто придет на это место. Вот сам и уберет!

— Кто-то из известных, не помню кто, сказал, что инсталляция — это когда нагадят на площадке перед квартирой, а потом позвонят в дверь. А перформанс — позвонят и нагадят, когда откроют. Тут же — полный «какизм» какой-то! Сами жильцы выходят и гадят у себя «перед квартирой», не убирают, и постоянно натыкаются на свое же дерьмо.

— Да, примерно так,— согласился Курилов,— И, немного помолчав, спросил.— А много ли сейчас людей, кто мог бы выйти убратся в подъезде, возле дома, полить деревья, не говоря уже о том, чтобы посадить их?

— Раз-два и обчелся.

— Их нет вообще!

— Они есть, Андрей, просто их мало, потому мы их и не замечаем.

— Ты у меня тоже мудрая!— улыбнулся тот.

— У моей знакомой есть друг — поэт, такие стихи хорошие пишет! Издает раз в год небольшую книжечку тиражом в сто экземпляров. До кого дойдет его голос?!

— Зато пустого и пошлого полно. А система образования сейчас какая стала? Иногда до смешного доходит. Пришла одна девушка устраиваться на работу. Спрашиваю у нее, где находится институт, который окончила? Так не знает! Оказалось, что училась через Интернет...

— Да, виртуальное образование... Перефразируя Михаила Задорнова — «кое-какерское»,— ответила Юлия.

— Эх, что говорить... Вот и мастерство традиционное теряется. Уходят люди, а передать некому... Последняя еще традиция осталась — делать оружие. Да и то только потому, что госзаказы. Раньше была такая поговорка: «Что бы ни делали, выходит ракета», а сейчас только ее и делают...

— Да уж... И та падает на старте...

Несмотря на серьезность тем, во взглядах, жестах и интонациях Юли и Андрея жила взаимная нежность, которую бессильны были истребить неурядицы по работе и даже случившиеся — не без этого — проблемы в семейной жизни и личных отношениях. Курилов посмотрел на жену и поневоле залюбовался точеной фигуркой этой женщины, родившей ему двух сыновей, но не потерявшей формы. Она была столь же привлекательна, как и тогда в далеких девяносто первом — девяносто втором годах.

И как это часто бывает, в памяти всплыл эпизод далекого по времени и очень близкого по чувствам прошлого, когда, поженившись, они жили еще в доме Андрея, ставшем их домом. Это было обычное утро рабочего дня. Он собирался на работу, а Юля, отходя от сна, еще нежилась в постели.

— Сними рубашку, ее уже пора стирать. Да и пуговица вот оторвалась, нужно пришить.

Она встала с постели, сняла ночную рубашку и прошла через комнату за халатом. Юля была необыкновенно хороша этой своей женской нагой красотой, какой особенно бывают красивы беременные женщины. Излучая тепло и покой хранительницы очага и новой зарождающейся жизни, она надела халат, подошла и, нежно прижавшись к нему, поцеловала.

Шел уже седьмой месяц, как они поженились, и пятый — как Юля была беременна.

— Спасибо тебе, милая!

— За что?

— За все! — за тебя, за него, — он положил руку на ее живот, стал гладить его, мысленно представляя, что гладит ребенка.

Она запрокинула голову, рассыпав волосы по плечам, и потянулась к нему. Он обнял и поцеловал. Губы ее после сна были теплыми и мягкими. Целуя, он одновременно гладил ее по волосам, плечам, спине...

— Кто у нас будет?

— Мальчик, сын!

— А может, я хочу дочку?

— А я знаю, что будет сын!

— Откуда?

— Чувствую...— Юля счастливо взглянула на него своими глазами-озерами, в которых можно было утонуть.

И он утонул бы. Если бы не работа. Мягко и нежно отстранив от себя, Андрей поцеловал ее напоследок и, одев поданную ему свежую и заранее выглаженную рубашку, пошел на стройку зарабатывать квартиру — уже не только для себя, но для семьи. Зарабатывать, несмотря ни на «реформу» Павлова, ни на непонятки с ГКЧП и «форосским сидением» Горбачева, ни на грядущий развал некогда великой и могучей страны, о котором не думалось. Ибо представлялось нереальным...

Воспоминания воспоминаниями,— даже приятные,— а работа работой. Курилов попросил жену заварить кофе, как умела делать только она, а сам сел за рабочий стол, где ему лучше думалось о делах.

Как и следовало ожидать, с сильнодействующими препаратами было не все так просто, как казалось вначале. Централизованно получать их они не могут, так как не являются бюджетной организацией. А на базе им выдвинули условие — минимальная партия закупки такая-то. Андрей прикинул, получалось, что даже если они сразу наберут оптимальные обороты, то все равно окупят эти затраты через несколько месяцев. А деньги нужны уже сейчас — платить сотрудникам и за аренду помещения, покупать бензин и другое для машин, обычные лекарства, приборы и расходные материалы. Их бы устроила еженедельная покупка небольшого количества этих сильнодействующих веществ. И, если на базе такое количество не отпускают, могли бы покупать в аптеке. Но там нужны рецепты.

Драницкий не переставал сетовать на то, что невозможно честно заниматься делом в чиновничьих джунглях, но, встретив укоризненно-насмешливый, все понимающий взгляд Курилова, словно говоривший,— хватит, дорогой Виталий Анатольевич, говорить на общие темы, — предложил найти врача, которому можно было бы доверять и выписывать через

него «липовые» рецепты. То есть рецепты-то будут настоящие, а вот получатели — «липовые».

Андрей, вздохнув от безысходности, дал на это добро. Врача Драницкий нашел. Владимир Леонтьевич Дохнов — хирург 1-й городской больницы им. Ивакина согласился, за определенную мзду, выписывать такие рецепты еженедельно, естественно, пообещав, что комар носа не подточит. И работа пошла...

На душе у Курилова повеселело. Он любил, когда вокруг что-то крутилось-вертелось и, главное, получалось. К тому же он был увлекающимся человеком, — казалось, его интересовало все. Любый человек, заглянувший в его кабинет, мог грешным делом подумать, что попал к человеку, занимающемуся искусством, геологией, книгоиздательством, продуктами, иконами и церковной утварью, обработкой древесины, старинными предметами домашнего обихода и многим другим. Это оттого, что комната была завешана картинами, старинными часами, на полках хранились различной расцветки и величины камни, на столах стопками лежали книги, эскизы обложек, готовые к печати макеты и стопки набранных текстов. В дальнем левом углу кабинета на отдельном шкафу и внутри него стояли старинные иконы, везде, где только можно было, находились антикварные вещи. Подоконники были завалены различными образцами свечей, гвоздей, рекламных проспектов по различным видам деятельности... Чего только не было в этом офисе!

Посетитель, входя к Курилову, видел перед собой всегда жизнерадостного, улыбающегося человека с умными, добрыми и любопытными глазами. С первых же слов человек чувствовал, что интересен хозяину кабинета как специалист и личность одновременно, что тому было важно знать, чем он живет. И первое впечатление не обманывало гостя.

Андрей вообще проявлял внимание ко всем и всему, что его окружало. Заходя мимоходом в какой-то магазин, он долго рассматривал товары, ценники, выяснял: кто производитель и поставщик. Причем выходило не настырное, суетное и тоскливое исследование по нужде, по служебной необходимости или от нечего делать. По выражению лица Курилова, по его словам, интонациям и даже по движениям можно было сказать,

что это — полет души, непосредственной и увлеченной, полет который бывает только в детстве. И еще разве вот у таких, как он, увлеченных людей. Сказать, что Курилов был поэтом только дела — значит, ограничить движение его души, а ее самую заключить в нечто, подобное клетке. Он был поэтом жизни во всех ее проявлениях: в быту, спорте, отдыхе и любви,— во всех своих занятиях.

С таким же увлечением Андрей относился и к обучению людей. Наверное, потому что сам всегда любил учиться.

Однажды пришел к нему сын одного знакомого, хорошо знавшего преподавательские способности Курилова, и попросил провести с ним серию уроков по искусству менеджмента. Когда Андрей узнал, что тот работает в торговом центре, сразу же повел его в ближайший хозяйственный магазин.

— Вот, скажи,— обратился он к Степану — так звали парня,— когда они зашли,— чего здесь не хватает на прилавках?

Степан, молодой человек, лет двадцати пяти, высокий, но немного сутуловатый из-за постоянного сидения за компьютером, когда единственные физические упражнения — подъем и опускание «мышки» и кручение ее колесика, стал обходить стеллажи и задумчиво рассматривать их содержимое. Закончив осмотр, он подошел к Курилову и сказал:

— Короче, Андрей Васильевич, здесь, типа того, есть все!

— Думаешь? А хочешь я докажу, что ты ошибаешься?

— Интересно...

— Вот, возьмем, например, гвозди длиной восемьдесят миллиметров. Что ты можешь сказать о них?

— Ну, типа, что они есть и в избытке!..

— Ошибаешься! Нет, они есть, и их много, ты прав, но не на все вкусы. Почему? Смотри, эти гвозди продаются россыпью, на вес. Есть люди, которые, положат кулек в пакет и пойдут довольные домой. Но кому-то будет неприятно колоться об острые концы, когда кулек прорвется или развернется, к тому же, гвозди будут высыпаться из него.

— Вообще-то точно...

— Есть такие люди, правильно? Поэтому этот товар должен продаваться и упакованным в коробки, например, по килограмму. Такая картонная тара будет размером где-то пятнадцать на десять сантиметров. Она уж точно не прорвется, и

гвозди из нее не будут высыпаться.

— Железно!

— Да, но купит ли женщина килограммовую упаковку? Или кому-то такое количество их вообще не нужно. На этот случай нужно предусмотреть коробку в два раза меньшую...

Степан с интересом и уважением смотрел на Курилова, впитывая все, что тот говорил ему.

— Вот так-то, дорогой друг, учись, пока я жив!

— Спасибо, Андрей Васильевич, короче, за урок!

— А если урок,— сказал Курилов, пропуская мимо ушей неприятный ему сленг, так как не желал нарушать установившийся между ними контакт,— то вот тебе задание на завтра. Подумай в отношении хозяйственных свечей, исходя из ассортимента этого магазина, хорошо?

— Хорошо,— ответил Степан.

— И еще, старайся, чтобы ассортимент товаров, необходимых и востребованных людьми, всегда был разнообразен и удобен.

Выйдя из магазина, они направились каждый по своим делам. Но Степана не покидало чувство, что отныне его работа перестанет быть рутинной...

Таким Курилов был во всем — что бы ни делал, думал о людях. Вот и на личном участке земли в двадцать соток, несмотря на ворчание супруги, высадил по краям в три ряда с одной стороны — сосенки с елочками, а с другой — лиственницы и можжевельник. А возле дома и на противоположном краю у деревни посадил березовые рощицы. Чтобы красиво было, и воздух чище, и грибы собирать людям.

ГЛАВА 28

Спросил... и проснулся

Пришел как-то Курилов домой после целнодневной беготни по делам уставший и замороченный. Принял душ по стародавней привычке, наскоро поужинал, пообщался с женой — главным в этом общении были не дела (их всегда хватает),

а ласковость — большая редкость в наше время, пообщался с сынишками. И только положил голову на подушку, как сморил его сон...

И снится Андрею, что он руководитель большой компании, настолько известной в Патрусевске и за ее пределами, что губернатор — и сам хорошо подкованный по многим теоретическим и практическим вопросам — звонит ему частенько и советуется. Вот, давеча, даже пригласил к себе в «Белый дом» и спрашивает:

— Как ты, Андрей Васильевич, будучи руководителем крупной компании, понимаешь модернизацию экономики в нашем регионе? — Я думаю так, Александр Николаевич, — начал Курилов, неторопливо усаживаясь в мягкое кресло, предложенное хозяином в зеленом уголке его большого кабинета, — что модернизация многими понимается в основном как техническое обновление и реконструкция существующих старых предприятий. Но это, в основном, — латание дыр. А если говорить об устойчивом развитии, то нужна модернизация всего общества и хозяйства, мобилизация всех и вся в стране. И здесь без развития малого и среднего предпринимательства не обойтись — простите, я не о торгово-посредническом и финансовом, их и так хватает.

— Интересная мысль, — говорит губернатор. — Ведь сколько людей, так и невостребованных жизнью, уходят в мир иной и уносят, как говорится, свои способности и умения вместе с собой.

И снится, что они с губернатором настолько на короткой ноге и так откровенны, какими даже закадычные друзья не бывают в наше время. И говорит ему Андрей:

— Но не нужно забывать, Александр Николаевич, что живем мы в XXI-м веке, и на первое место в делах должна выходить этическая сторона, — складно излагает — сам на себя надивиться не может, как-будто всю жизнь так говорил.

— Этика? Понятно. Ты имеешь в виду отношения между людьми?

— Не только. Это, прежде всего, ориентация предпринимателей и руководителей компаний и предприятий не только на прибыль, но на благо людей, на сохранение человека и окружающей его среды.

А губернатор слушает, кивает, переспрашивает:

— То есть ты хочешь сказать, Андрей Васильевич, что должно быть сочетание всего этого?

— Конечно! Вот мы, например, занимаемся строительством, производим электротехнические и сантехнические работы, осуществляем тепло- и газоснабжение, устанавливаем вентиляционное оборудование, поставляем строительные материалы,— Курилов замолчал и взглянул на Александра Николаевича, как бы говоря: «Всего не перечислить!» — Казалось, что нового можно сказать в этих направлениях? Но в наше время новым словом может стать же сам подход к работе, само отношение к людям и ко всему, что окружает.

— Ну, а конкретно, Андрей Васильевич? Вот в строительстве, например?

— В строительстве?— Привлекаем экологически чистые материалы и оборудование, повышаем энергоэффективность, применяя ветрогенераторы, солнечные батареи, установки, работающие на биогазе, инфракрасные излучатели и многое другое. Все это продвигаем и на рынке. Стараемся сохранить деревья и кустарники, убираем за собой мусор...

— А ты еще что-то говорил про сохранение человека? Что имел в виду?

— Так сохранение не только здоровья тела, но, прежде всего, души. Последнее, впрочем, как и первое, зависит от духовно-нравственного воспитания и культуры. Посему этим направлениям,— а вернее этому направлению, так как все едино,— нужно уделять первостепенное внимание. Вот ты (он как-то само собой перешел на «ты»), Александр Николаевич, что делаешь для города и области в этом направлении?

Спросил... и проснулся.

Однажды вечером, когда Юля колдовала у плиты, Андрей подошел к ней и обнял за плечи. Она улыбнулась ему. Старший сын, Володя, юноша пятнадцати лет сидел за компьютером, готовился к уроку по физике — учитель поручил ему сделать сообщение (Володя не по годам увлекался этим предметом, изучил «Феймановские лекции...» и другие книги). Он лишь кивнул головой отцу, и Курилов не стал ему мешать. Младший, Георгий, или по-домашнему Юра, двенадцатилетний мальчик тоже склонился над тетрадкой и что-то

писал в мальчишеской — так родители называли комнату, где жили парни. Он, в отличие от старшего брата, был склонен к гуманитарным предметам и, кроме английского по школьной программе, самостоятельно изучал китайский. Увидев отца, Юра закрыл тетрадку, потянувшись, встал со стула и стал в шутку бороться с Куриловым.

— Вы что это затеяли? Ужинать пора!— остановила разыгравшихся мужчин Юля и быстро усадила всех, включая Владимира, за стол, благо никто и не медлил с этим — и Андрей, и ожидавшие его домочадцы изрядно проголодались.

— Пап, включи «телек», там сейчас «Зенит» будет играть с «Ювентусом» на Кубок кубков!— вспомнил Володя.

— Нечего!

— Мама права, еще не хватало за едой слушать всякую дребедень от комментаторов и рекламодателей и переживать из-за бездарной игры наших футболистов. Да и какой она может быть, если у них,— как, впрочем, и у всех спортсменов,— сейчас на первом месте деньги, а не престиж клуба и страны?

— А у нас сегодня,— увлеченно стал рассказывать Владимир,— Климов принес два учебника по истории на следующий год. И показал, как в них в одном и том же разделе одни и те же события описаны совершенно по-разному. Ты представляешь, пап, в одном написано, типа народ хорошо трудился и строил заводы, которые помогли победить фашистов в войне, а в другом, короче,— все сидели в тюрьмах и лагерях, а заводы привезли капиталисты, и заключенные работали на стройке только как чернорабочие! Какому верить и покупать на следующий год?

— Ты представляешь, Юля, до чего дошли?..— и, обращаясь к сыну, добавил:— Володь, помнишь, я показывал вам с Юрой альбом с военными фотографиями нашего деда и других родных?..

— Ну, помню...

— Скажи, они похожи на заключенных, которых гнали на фронт «из-под палки», как говорится?

— Нет!

— Конечно, нет, папа!— включился в разговор Юрий.— Вот и уезжают из страны тысячи молодых способных ребят. Ведь не просто так из учебников изымалось то, что нужно

формирующейся душе и сознанию. Если история представляется полной поражений и постыдных деяний, а родина малая и большая — помойкой, то растет, не поймешь кто со слабой, бесформенной душонкой. И кто угодно будет лепить из нее то, что ему угодно!

— Согласен, Юля! Кратко, но содержательно!

— Андрей, я серьезно! Ну, разве можно шутить над этим?

— Извини...

Юра принес яркую книжку с довольно потрепанной обложкой — не мудрено, Курилов еще в детстве ее читал. Это была одна из его любимых книг, напечатанная издательством «Малыш», в увлекательной для детей форме рассказывающая о Суворове и Ушакове.

— Пап, я предпочитаю такую историю! — серьезно сказал Юрка.

— А ты, Володя? — обратился отец к старшему сыну.

— Я тоже. Но, думаю, что всегда лучше, когда можно узнать все точки зрения, — ответил тот.

— Кто бы спорил? Только пусть это будет в старших классах. А дискуссии — в вузах, в научной среде и в совещательных инстанциях, но не в детском саду и младших классах, где формируется основа детских, то бишь ваших, душ и разума.

— А зачем? Ведь тем, кто требует от нас толерантности и политкорректности, нужно как раз другое... — промолвила Юля.

— Вот я хочу, чтобы выиграл «Зенит», потому что это наш клуб! Я горжусь тем, что мы победили в Великой Отечественной войне! Поэтому, несмотря на какие-то вопросы, в целом, это история моей страны, и я согласен с тем, о чем вы говорите, — немного волнуясь сказал Владимир, обращаясь к родителям.

— Это слова не юноши, но мужа! — улыбнулся отец и дружески похлопал его по плечу. Тому этот мужской жест, видимо, понравился.

— Ну-ка достань во-о-он тот альбом с фотографиями! — попросил его Курилов.

Володя принес альбом и раскрыл его. С первой страницы на него смотрел прадед, молодой человек в форме красноармейца тех лет.

— Вот она — наша история! — сказал Курилов. — И другой у нас нет. Я где-то читал, — немного помолчав, добавил он, — что на Нюрнбергском процессе (это суд над гитлеровцами, сынок) немецкие генералы признавались, что проиграли войну армии, бойцы которой патриотически воспитаны и образованны. Поэтому те, кто говорит о десятках миллионов заключенных, мягко говоря, ошибаются, — и, обращаясь уже к обоим сыновьям, сказал: — Кое-кто хочет внушить, что наши предки во всем и всегда были неправы, постоянно делали нехорошие дела и, вообще, жили глупо. И что вся история наша такова. А это значит, что мы не заслуживаем страны и земли, на которой живем, к тому же столь богатой ресурсами. Поэтому нас нужно с нее убрать, а наиболее трудоспособных превратить в чернорабочих. Вам это ничего не напоминает?

— Напоминает, папа... Этого хотел Адольф Гитлер...

— Правильно, Юра, молодец!

— Я записался в исторический кружок в Доме детского творчества, — младший расправил плечи и оттого стал казаться выше. — Так Николай Степанович говорит, что мы должны быть умными и дальновидящими.

— Дальновидными, сынок.

— Да, дальновидными и еще ра... рач... рачильными...

— Рачительными...

— Точно, рачительными хозяевами. Только я не понял, пап, — хозяевами? Это, как сосед, дядя Руслан, на рынке?

— Нет, он имел в виду — хозяевами жизни и, как народ, — хозяевами своей страны: умными, дальновидными и рачительными.

— И чтобы у нас все было по справедливости! — добавил Володя.

— По-божески! — Юлия с удовлетворением оглядела всех своих мужчин.

— Ибо главное не что, важно для чего и как! — заключил глава семейства.

ГЛАВА 29

Куда глаза глядят

Курилов, как уже понял читатель, относился к образованию очень серьезно еще со студенческих лет. Тем более в это время, когда у него день ото дня подрастали парни. Потому все, происходящее в этой области, не могло оставлять его равнодушным.

Новые стандарты, которые вводятся в сфере образования, нельзя назвать иначе, чем стандарты невежества. И это притом, что раньше в стране была лучшая система образования — социальная, общественная, творческая. А на что она, во многом, похожа сейчас?— На сферу услуг, где один принцип — «ты мне, я тебе», а точнее — сколько ты мне, столько и я тебе. Вот и берут для вопросов по ЕГЭ те, кто их готовит, все, что под руку попадет, не задумываясь; нехотя бормочут свои уроки и лекции получающие низкую зарплату учителя и преподаватели. А административные работники не могут, как говорится, свободно вздохнуть от постоянной отчетности, вместо реальной работы по улучшению качества обучения. И все вместе смотрят на учеников и студентов, прежде всего, как на источник финансирования. Так и идет из года в год деградация людей, да и может ли быть по-другому, если наблюдается процветание безграмотности и падение нравов.

Курилов считал, что образование должно быть не для избранных, а для всех. Он знал, что к этому стремились все мыслящие и неравнодушные люди XIX и XX веков, так были воспитаны все в советское время.

Теперь же некоторые «специалисты» пытаются внушить — русская культура необязательна. А ведь если отнять ее и традиции от народа, что от него тогда останется, во что он превратиться?

Должны ли мы становиться Иванами беспамятными, вернее имеющими «болонскую» память, то есть память на отдельные слова и термины, используемые в обиходе торговцами и чернорабочими, смысла же всего непонимающими? Если да, то мы легко впишемся в модель, проектируемую кое-кем из мечтателей по поводу наших ресурсов...

Курилов понимал, что высшее образование, которое как бы стало всеобщим, лишь считанным выпускникам дает возможность работы по специальности. Остальные же подаются в торговлю, в офисные клерки, порою просто помогая своим хозяевам делать деньги из воздуха.

Как-то несколько раз пытался Андрей рассказывать современным молодым о своей студенческой поре — об аккуратном посещении занятий, о самостоятельной работе в читальном зале институтской библиотеки, о занятиях спортом. Так они — «жертвы болонского процесса», как называет их знакомый доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета, — ухмыляются: «Гони, гони, типа, пургу, препод!..»

А ведь еще всего семнадцать лет тому назад Курилов и помыслить не мог, что все так будет, станет диаметрально противоположным тому, что было. Сейчас, когда он думал об этом, в душе рождалось ностальгическое чувство по прошлым временам, когда и образование было другим, и патриотизм был, когда не боялись открыто признаваться в любви к своей стране, когда не считалось зазорным стыдиться за что-то в ее прошлом — а это тоже ведь признак любви, — не будут же родители меньше любить своего ребенка, если он споткнется на жизненном пути.

Если уж говорить о патриотизме, то следует вспомнить и американский период в жизни Курилова. Да, был такой виток в его судьбе, виток спирали, выведший Андрея на более высокий уровень гражданственности, но... через бегство и последующее возвращение. Как это часто бывает, — к «плюсу» через «минус».

В 98-м, когда случился дефолт, Куриловы были полностью разорены — сгорели накопления в банке, остался, как говорится, «пшик», и нужно было все начинать сначала. Разуверился Андрей тогда во всем и, прежде всего, в стране, в государстве. Так разуверился, что хотелось уехать, куда глаза глядят.

Тяжко было Курилову в то время, лица на нем не было. Жена, которая была в курсе всех дел, с вопросами к нему не приставала, чувствовала, что мужу сейчас не до разговоров.

Однажды Андрей пришел с твердо сдвинутыми над переносицей бровями и металлическим блеском в глазах.

Юля знала — принял какое-то решение.

— Что-то определилось?— задала она наводящий вопрос.

— Что может определиться? Определился пока что кризис, и то, что мы окончательно разорены. Арендаторов нет, рынок услуг сократился в разы. Кредит сейчас брать нельзя, неизвестно каким боком все повернется и сколько придется отдавать...

— Андрей, скажи, что ты решил?— прямо спросила Юля.

— Нужно уезжать...

— Уезжать?! Куда?

— Думаю, в Америку.

— Кто нас там ждет, Андрей?

— А что нас здесь ждет?

— У нас ведь дети... Юрочке еще и пяти нет, а Володе — восемь. Нет, я себе этого просто не представляю!

— Юля, успокойся. Хуже, чем сейчас здесь, там не будет. Зато у них есть работающие программы: социальные и для начала предпринимательской деятельности. Развернемся, ты же меня знаешь!..

— Ой, Андрей, страшно...

— Не бойся, все будет хорошо.

— Я больше боюсь не за нас с тобой, а за детей! Ведь, кроме всего прочего, они будут оторваны от родных корней, от нашего всего!..

— Все зависит от воспитания. Если мы будем говорить дома по-русски, прививать им любовь к русской культуре, и не просто прививать, а обучать, то они вырастут глубоко русскими людьми, несмотря на то, что жили в Америке.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 30

«Покажи мне веру твою без дел твоих...»*

Перед отречением Государя Николая Александровича в религиозной и общественной жизни России произошло событие, которое об очень многом должно было сказать глубоко верующему сердцу, не делами своими, а просто верующему, и знающему, что все происходящее является попущением Божьим, Его промыслом, реализацией Его воли.

Такое сердце было и у простой крестьянки деревни Починок Жирошкинской волости Бронницкого уезда Московской губернии Евдокии Андриановой. Однажды в сновидении она услышала таинственный голос, который сказал: «Есть в селе Коломенском большая черная икона, ее нужно взять, сделать красной и пусть молятся». Благочестивая крестьянка стала молиться о получении более ясных указаний и через две недели ей снова снится сон, в котором она видит, как в большую белую церковь въезжает Царица Небесная, лика Которой Андрианова не видит, но чувствует сердцем, что это Она. Евдокия едет в Коломенское и сразу же узнает церковь, которую она видела во сне. Это — Вознесенская церковь. Придя к настоятелю отцу Николаю Лихачеву, Андрианова рассказала ему обо всем. Тот пригласил ее на вечерю и показал все иконы Божьей Матери. Но Евдокия не увидела ни одной, похожей на ту, что видела во сне. Дело было после вечера, и в храме находились еще сторож и один прихожанин. Они посоветовали искать икону везде. Искали на колокольне, на лестницах, в чулане, но поиски не дали результата. И, наконец, в церковном подвале среди старых досок, тряпок и рухляди в пыли была найдена большая ста-

* «Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих». — Новый завет. Послание апостола Иакова 2:18.

рая узкая черная икона. Подняв икону наверх, они промыли ее, и им открылось изображение Божьей Матери, восседающей на троне с благословляющим Богомладенцем на коленях. Она была одета в красную порфиру, на голове была корона, а в руках скипетр и держава, то есть имела все знаки верховной царской земной власти. Лик Божьей Матери был необычайно строг, суров, и взгляд Ее очей, полных слез, властен. Евдокия со слезами радости упала на колени перед образом Богородицы и попросила о. Николая отслужить благодарственный молебен с акафистом. Что и было сделано.

Это все произошло 2 (15) марта, как потом оказалось в день отречения Государя Николая Александровича от престола. Весть о чудесном явлении иконы быстро разнеслась по всей России. Ее стали возить по храмам, заводам и фабрикам, и всюду перед ней являлись чудеса исцеления от физических и душевных недугов.

Икону привезли и в Марфо-Мариинскую обитель, где настоятельницей была будущая преподобомученица великая княгиня Елизавета Федоровна.

Все верующие, кто знал исключительную силу веры и молитву царя-мученика Николая II и его особое благоговейное почитание Божьей Матери, не сомневались, что это он умолил Царицу Небесную взять на Себя верховную царскую власть над народом, отвергшим своего царя-помазанника.

Читатель, возможно, не будучи верующим или даже религиозным, не может отказать в логике всему тогда произошедшему, связанному с этим чудесным явлением иконы, которая обрела имя Божьей Матери «Державной». Православный же человек искренне верил, что Божья Матерь действительно, отвечая на молитвы не только царя, но и других озабоченных судьбой России людей, взяла бразды правления страной в Свои руки. Ибо Истина была утеряна на земле, а разве, не зная Истины, можно управлять?

Всякий вдумчивый человек не преминет задаться вопросом — почему же люди ждали от этого правления только хорошего и приятного, только всего «сладко-пасхального»:— «Ну, теперь наступит, наконец, Царство Божие на земле!» — и никто не мог и в мыслях допустить, что этот

период правления Божьей Матери будет, воистину, праведным и справедливым по-небесному, когда ни рождение, ни положение, «никакие стены» и никакие дела не смогут стать преградой для него, когда, как сказал один священник, ни один земной царь не смог бы вынести всего того, что выпало быть на нашей земле? Ведь то, что человеку кажется злом, для Неба может быть благом, подобно тому: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой»^{}.*

ГЛАВА 31

«Инфекция и карантин»

Михаил Григорьевич Заянчицкий расхаживал по своему университетскому кабинету, периодически растирая озябшие кисти рук. Несмотря на холодную, уже позднеоктябрьскую погоду семнадцатого года, здания университета не отапливали и окна не готовили к зиме.

Всем было не до того — и студенты, систематически пропускавшие занятия, и многие преподаватели, и работники из числа обслуживающего персонала бегали по бесконечным сходкам, митингам, демонстрациям и заседаниям комитетов. Казалось, вся жизнь теперь заключалась только в этом.

Вот и сегодня на лекцию Заянчицкого пришел только один студент. Они посидели минут пятнадцать в холодном лекционном зале, и он отпустил дисциплинированного молодого человека — не читать же лекцию ему одному. К тому же, это было на руку и самому Михаилу Григорьевичу, так как он должен был сегодня выступать в московском отделе ЦК партии кадетов.

И, вообще, все, что происходило в последний год, нравилось Заянчицкому. Сутулый от длительной работы за письменным столом, он при одной мысли о событиях распрямлялся и,

^{*} Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы» // Роман в четырех частях с эпилогом // Собрание сочинений в 15-ти томах. — Л., "Наука", 1991. Том 9-10.

то и дело довольно покашливая, похлопывал себя по бедрам, что водилось за ним только в молодые годы.

Да ведь было от чего радоваться Михаилу Григорьевичу. Начиная с января, в Петрограде все более и более стала нарастать стачечная борьба рабочих, волна которой перебросилась и на Москву. И лозунг "Хлеба!" быстро стал меняться на явно революционные: "Долой войну!", "Долой самодержавие!"

«А когда через пару дней на сторону восставших стали переходить военные и пришло известие, что Николай отрекся, а Михаил не принял престола, переложив решение о государственном устройстве на будущее Учредительное собрание, то можно было сказать — свершилось!— думал доцент, и глаза его искрились и излучали тепло.— Вот оно! Сколько же мы ждали этого? Теперь избавимся от всего этого «старья», что душило, не давало жить, тормозило развитие. Ну, держись, Россия!..» — Он довольно, как бы ободряя сам себя, погладил клинообразную бородку, кашлянул в кулак и снова стал энергично растирать мерзнущие руки.

Цель его единомышленников-кадетов — сделать из России парламентскую республику. Однако в программе прямо об этом не говорилось, там было написано: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией». Пора уже было переписывать эту статью программы, приводить ее в соответствие с истинными устремлениями партийцев. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стоять руководитель, избираемый на определенный срок народным же представительством, управляющий через посредство ответственного перед ним министерства. А экономику необходимо сделать свободной рыночной с беспрепятственным движением капиталов, со свободной куплей и продажей всего, включая землю и природные ресурсы. Какова будет цена этого, их по большей части не интересовало, главное — результат, ибо такая цель, по их мнению, оправдывает все средства. Для достижения ее, конечно же, необходима полная свобода, полная демократия. Они считали, что народ, получивший такие блага, к которым он стремился века, грудью встанет на защиту Отечества, что неминуемо приве-

дет к победе над Германией. А рынок тем временем все быстро исправит и поправит. И не правы тут всякие царские генералы с офицерами, которые говорят, что невозможно победить в войне без строгой дисциплины, при такой демократии, царящей не только в тылу, но даже на передовой фронта. А тут еще крайние левые, так называемые большевики,— это же надо, слово-то какое придумали! — утверждают, что все это пустое, что только они сразу прекратят войну, наведут порядок и исполнят все чаяния народа. Да разве могут рабочие и мужики управлять заводами и фабриками, крупными сельскими хозяйствами, и тем более государством? И против рынка и капитала они, это же ясно. Жуть что такое! Как они собираются строить экономику и государство? Бред какой-то!..

«Эти социалисты, вообще, во многом повредили делу, создав свой Совет, вторую власть. Лишь бы только палки в колеса ставить! Вот расплодился на нашу голову!..— Заянчицкий в раздражении пнул ногой стул.— Хорошо еще, что у них все же более правые взгляды по сравнению с большевиками. И на Учредительное собрание они делают ставку — надеются добиться большинства, ха-ха-ха! Посему для них нет смысла в свержении Временного правительства. И все же пакостят они сильно. Вот хотя бы эсеры со своей общенародной собственностью на землю, или меньшевики со своими влиятельными профсоюзами и всеми прочими социал-демократическими штучками...»

Но, несмотря на все неприятности: неудачи Временного правительства в попытках решения национальных проблем и стабилизации внутренней обстановки, провал летнего наступления на фронте, массовые требования передачи всей власти Советам, продовольственный кризис, надвигающаяся угроза остановки фабрик и заводов, Михаила Григорьевича и его коллег-кадетов не покидало чувство, что выходом из всего этого будет всеобщее принятие единственно возможного, на их взгляд, либерального пути, как естественного и тем более свойственного свобододолюбивому народу. Однако рассуждать со стороны, наверное, легче. А там, в правительстве виднее, поэтому и были приняты некоторые жесткие меры в отношении левых, как то — подавление демонстраций силой оружия, закрытие левой прессы, введение смертной казни на фронте, отсрочка выборов в Учредительное

собрание и другие. Ну и что ж? Одно другому не противоречит — метод кнута и пряника еще никому не мешал.

«А то, что большевички приняли решение о восстании, а правые активизировались в плане установления военной диктатуры,— думал доцент,— так это все крайние точки зрения и действия, которые по принципу качелей приведут к средней позиции, а уж средние их, кадетов, в российской действительности никого и нет. Так что все просто замечательно!» — и он в эйфории от благих предчувствий размашисто зашагал по кабинету.

Красивые старинные напольные часы пробили одиннадцать. Заянчицкий стал собираться на собрание. Сегодня на повестке для дискуссий было несколько вопросов — экономическая политика на данном этапе развития, недовольство мелких и средних предпринимателей, рост безработицы и цен, нехватка предметов первой необходимости, распределение сахара, введение карточной системы на продукты питания и самовольный захват помещичьей земли крестьянами. А в конце предполагалось обсуждение нескольких книг известных кадетских мыслителей о будущем общества, идущего по либеральному пути.

«Опять же правые с их мятежом. Неудавшийся диктатор Корнилов потерпел поражение, правые сошли с арены, и кадеты на время лишились своего спокойного, «обжитого» центра. Равновесие нарушилось, «качели» занесло влево, и теперь важно, чтобы они не застряли в этом положении. Тогда есть опасность и крайне правой отмашки, где «качели» тоже могут застрять,— размышлял Михаил Григорьевич.— Но не будет этого! Народ начал в феврале с требования полной свободы. И рабочие, и солдаты-мужики так радовались ей. Вот суть! Поэтому-то мы и верим, что наш путь — самый правильный и все утрясется!» — Он надел пальто с меховой подкладкой, меховую шапку — на улице дул пронизывающий ветер — и вышел из кабинета.

Но ветер не мог смутить нашего доцента-реформатора, как не могли смутить его и большевики, ставшие этой осенью столь популярными среди народа. Для него и большевики, и бездарный Керенский были подобны временным погодным явлениям, таким же, как и этот ветер, бивший в лицо мелкой дождевой пылью и метущий по тротуару и мостовой желтые листья — такие красивые, живущие своей особенной,

как казалось, неповторимой октябрьской жизнью, но уже мертвые, а через месяц — и просто неприглядный гнилой прах.

Однажды вечером 17-го, под легкое постукивание о стекла окон на втором этаже уже практически голых веток берез, Павел Иванович Соловьев со своей супругой Полиной Ивановной пили чай. Рядом лежали прочитанные накануне газеты.

— Не переживай так, Паша, дорогой!— в отсутствие детей и посторонних они называли друг друга Паша и Поля. Ну, что изменится от твоих переживаний?— Только здоровью повредишь...

— Как же не переживать, Поля? Как же все это безобразие спокойно воспринимать можно? Довели страну — такую страну!— «до ручки», что называется. Продуктов не хватает, постоянные забастовки, экономика развалена, продолжает литься кровь в бездарно ведущейся войне, земельный вопрос не решен, обострились межнациональные отношения, и это, несмотря на то, что они добились своего — свергли царя-батюшку.

— И проблем не убавилось, а только прибавилось...

— Совершенно верно! Создается впечатление, будто некие силы специально все это затеяли, чтобы порушить все и погубить Россию...

— Брось, Паша! Свое головотяпство и есть причина всему.

— Не скажи, Поля. Вспомни, десятилетиями шла дискредитация власти, церкви и народных традиций, в том числе и в художественных произведениях. Конечно, и власть имущие совершали ошибки, и среди них хватало бездарностей, как, например, Николай наш Второй. И церковные, что и говорить, часто не соответствовали. Этому, безусловно, способствовало министерское положение церкви. Не секрет и то, что многие высшие сановники и священнослужители были настроены прозападно.

— Да, это так. Вот они и пытаются сейчас из России сделать западную копию. И все это во время войны!

— Лучшего внутреннего врага и не придумаешь, Поля! А народ не обманешь, поэтому народ не приемлет политику Временного правительства. Скажем прямо — если в феврале они были едины, то сейчас полностью противоположны.

— Да, это о многом говорит...

— Вот и я о том же! Погибла Россия наша, Полюшка, погибла безвозвратно!.. Кто спасет ее, матушку, если и Господь отвернулся от нее за грехи наши? Корнилов попытался — не смог. Кадеты и прочие иже с ними? — Так они и ввергли нас в это дерьмо! Социалисты, начиная с эсеров всех мастей, этих самых социал-дерьмократов, черт бы их побрал, и кончая большевиками, они что ли спасут? Разрушат до основания, как поется у них в песнях, а потом тот, кто был никем, станет всем. То есть те, кто ничего не мог, растащат все и поделят между собой, а потом, когда все, что можно, будет проедено и пропито, придут крепкие хозяева из Британии, Германии, Франции и прочая и возьмут богатства наши в свои цепкие руки. Уж они-то установят тот порядок, который им нужен. И нам применение найдут — понятно какое...

— Что будем делать, Паша, уезжать, пока не поздно?

— Кроме этого пути, другого пока что не вижу... Впрочем еще поживем, посмотрим...

— На чудо надеешься?

— На него только теперь и остается надеяться, Полюшка!

Не только одни наши герои из Патрусевска думали о чуде. Ожиданием его, читатель, была пронизана вся атмосфера тех дней. Видимо такой настрой свойственен всем смутным временам. Ведь смута во многом замешивается на обещаниях чуда, поддерживается его ожиданием и заканчивается при полном разочаровании обманутых в своих надеждах.

Вот и Николай Иннокентьевич, многого наслушавшись за день в писательских и студенческих кругах Петрограда, придя домой, из вежливости после ужина посидел немного со своими домочадцами — супругой Екатериной Владимировной и детьми: Дмитрием и Еленой, восьми и шести лет, — и ушел к себе.

Закрыв дверь кабинета, он подошел к окну. В семье, как и у многих сейчас, царила нервозность. Да и как могло быть иначе, если везде: в стране, в городе, во всех учреждениях и на предприятиях была неразбериха и непонятный ажиотаж, доходящая до абсурда вседозволенность и полное наплеватьство на работу; если постоянно сменяющие друг друга и сотрясающие воздух лозунги призывали к немислимым, на взгляд

любого здорового человека, целям. И все это на фоне постоянно-го ухудшения уровня жизни по сравнению с тем, что был еще год тому назад, и что тогда казалось — хуже не придумаешь.

«Что это, — думал Земсков, — как не болезнь, как не эпидемия, как не чума?!»

Позавчера поделился Николай Иннокентьевич своими мыслями со знакомым профессором медицины Петром Николаевичем Кузьминым. Тот очень заинтересовался такой аналогией и развил идею Земскова дальше.

— Если представить общество человеком, то наблюдаемое сейчас состояние — самая что ни на есть настоящая инфекционная болезнь, сопровождающаяся помутнением и раздвоением сознания — шизофренией с маниакальным бредом.

— Тогда правильным будет, если следовать нашему с вами, Петр Николаевич, определению, изолировать «больного» от всех внешних воздействий, то есть в данной ситуации любым путем прекратить войну. А затем ввести «карантин» и лечить от всей этой заразы, ибо цель любой инфекции — гибель и разложение организма, превращение его в добычу, в кормушку носителей этого заболевания.

— Да, да, Николай Иннокентьевич, все правильно! Вместо конструктивного обмена мнениями между различными силами для принятия выверенного решения, который единственно был возможен только под сильной монаршей властью, им захотелось борьбы и насильного навязывания своей «правоты». Поэтому если общество своими силами справиться с «инфекцией» не может, если «лечение» в обычных условиях не помогает, то необходим «карантин».

— Если продолжить нашу мысль, Петр Николаевич, то последней попыткой России справиться со страшной болезнью, поразившей ее, излечиться своими силами, было наступление Корнилова.

— Да, вы правы. А кто же тогда, по вашему мнению, те «врачи», которые предлагают стране и народу лечение в условиях карантина?

— А вот сейчас вы будете очень удивлены по поводу того, что я вам скажу. Эти врачи — большевики!

— ???

— Да, да, именно они! Только сейчас это мало кто осознает. Более того, видят в них самое страшное зло, какое толь-

ко может быть. Но пройдет время, может быть, много времени, и вначале немногие, а потом все больше людей, будут это понимать.

— Николай Иннокентьевич, вы меня очень сильно удивили! Вы на самом деле серьезно считаете, что Лев Троцкий, Ленин и уже с ними сыграют такую роль?..

— Ну, что вы? Троцкий — точно нет... Ленин — темная лошадка... Но моя интуиция подсказывает, что там, за ними, есть силы, конкретные люди, которые, прикрываясь определенной идеологией и риторикой, способны сделать и сделают все для ликвидации этой опасности, для исцеления нашей страны, нашего народа от этой чумы! И то, что они на своем съезде в августе семнадцатого приняли решение о вооруженном восстании с целью завоевания власти, является подтверждением правоты моих слов. Свержение власти «микробов» и диктатура — это и есть карантин!

ГЛАВА 32

Рубикон перейден

Итак, решено — сделано, и вот семья Куриловых уже в Шереметьево. Но на самом деле это не совсем так. Оформление документов, продажа квартиры и имущества — это тоже Рубикон. Кроме того было много забот, разных хлопот и суеты, но все уже позади, и вот они сидят в ресторане международного аэропорта «Шереметьево».

У детей было много впечатлений и, соответственно, вопросов. Здесь им многое было в новинку: и сама Москва — они впервые были в таком большом городе, — и метро, и аэровокзал, и ресторан. Так что головами вертели исправно.

— Смотрите, чтобы головы у вас не отвернулись и не закатились куда-нибудь, — шутил Андрей, — а то скоро в самолет садиться, некогда будет искать.

Время до отлета пролетело незаметно. В свой час наши «американцы» направились с вещами на таможню. И тут начались приключения. Андрей с Юлей, думали, что хоть в международном аэропорту служащие будут помогать преодо-

левать всяческие формальности и препоны. Но не тут-то было, они вели себя так, будто их главной задачей было испортить настроение пассажирам. На то, что можно было решить за считанные минуты, ушли десятки минут. Куриловы не дергались, не «качали права», но все же опасались, что могут опоздать на самолет. Хорошо еще, что сердобольные пассажиры на контроле пропустили их с детьми без очереди. Так что поднялись они на борт за несколько минут до отлета.

До Нью-Йорка летели почти одиннадцать часов. Здесь у Володи с Юрой впечатлений было еще больше. Самолет вытеснил все виденное до этого, а от иллюминаторов, особенно в первые часы полета, оторвать их было просто невозможно...

Куриловы провели в аэропорту Кеннеди — до пересадки на свой рейс в С-то — четыре часа, привели себя в порядок, поели. Атмосфера, царящая везде, поразила Андрея и Юлю, даже ошарашила их: спокойствие, никакой нервозности и суеты, улыбки, извинения, приветливость, вокруг уют и чистота — ну, полная, вплоть до «не наше это!», противоположность Шереметьево. Настроение у Куриловых было приподнятое, невзирая на усталость от перелета и многочасовой сдвиг по времени.

Но вот и их рейс. Как только наши путешественники устроились в креслах в салоне самолета, так и задремали, сон взял над ними свои права. Дети вначале было крепились, все пытались вновь прильнуть к иллюминаторам, но, несколько раз «кнув носом в стекло», тоже уселись поудобнее и «захрапели»...

Одноименный с городом аэропорт «С-то», куда они прилетели, был красивым и немногочисленным. Зная заранее, что нужно идти по табличкам со словом "baggage", они добрались, наконец, до "карусели", где происходила встреча пассажиров со своей кладью, и нашли свои чемоданы и сумки. Что немало удивило Андрея и Юлю, документы на выходе никто не потребовал.

Куриловых, пока они ехали к своим патрусевским знакомым, перебравшимся в Америку гораздо раньше и пригласив-

шим их пожить у себя до разрешения вопроса с жильем, город поразил своей красотой и удобством. Особенно они восхищались дорогами, которые нельзя было сравнить даже с московскими, — скоростные магистрали имели съезды в каждом районе. Дети, у которых шеи уже достаточно натренировались, с любопытством глазели по сторонам, но проявлялись по-разному. Старший, Володя, вел себя более сдержанно, а Юрка вертелся как егоза.

— А почему тут нет небоскребов? — спрашивал он.

— Они есть, но поменьше и в другом районе. Во-о-н, видишь в той стороне, — Андрей показал рукой в сторону ярко блестящих своими окнами в лучах заходящего солнца дальних высоток.

— Да, красивый город, — присоединилась Юля, — правы Влад с Мариной, и, что ценно, нешумный, чистый и ухоженный.

— А воздух какой чистый и свежий! — добавил Курилов.

Степановские радостно встретили гостей и, памятуя о длительном перелете через океан и пол-Америку, разместили их в большой чистой и уютной гостевой, имевшей выход к отдельному туалету и ванной комнате, пригласив выйти через пару часов к ужину.

Следуя совету хозяев, Куриловы пожили с неделю, не занимаясь делами, чтобы адаптироваться к полусуточной разнице во времени — ложась спать и вставая каждый день на полтора-два часа позже. Не шутка, здесь еще утро в разгаре, а в Патрусевске уже поздний вечер.

С понедельника же следующей недели Андрей с Юлей занялись насущными делами: ездили оформлять SSN, записались на курсы английского, узнавали насчет работы, квартиры и ссуды на покупку дома. А пока суть да дело вечера посвятили культурной программе: посетили театр, пивной клуб, барбекю*.

* Барбекю́ (англ. barbecue, фр. barbecue, сокр. BBQ) — способ приготовления продуктов питания (чаще всего мяса, сосисок) на жаре тлеющих углей (изначально), горящего газа или электронагревателя, а также название самого блюда; оборудования, используемого для этого; досуговое мероприятие с приготовлением продуктов питания таким способом; особый соус, применяемый при приготовлении мяса таким способом. Термин традиционно распространён в США и близок к традиционному для России шашлыку.

Первые впечатления Курилова об американцах — спокойные и доброжелательные, даже непривычно как-то без эмоциональности, пиханий-толканий в транспорте, извинений, насупленных лиц и скрытой агрессивности.

Получив по почте SSN**, то бишь выписку с номером, Андрей с Юлей занялись вопросом аренды квартиры и открытия счета в банке. Они остановились на трех вариантах, и в итоге выбрали маленькую, двухспальную (две спальни с ванной и туалетом при каждой, не считая всех других положенных комнат: гостиной, детской игровой и кухни), полностью меблированной и технически оснащенной, на 85м² квартирку с бассейном за 750\$ в месяц. Подписали договор на полгода и внесли предоплату.

— Это пока, на первых порах, в силу отсутствия работы, из экономии,— сказал Курилов.— А в дальнейшем, конечно, Володе и Юре нужно по отдельной комнате. Да и не квартира нужна, а дом, с землей и всем прочим.

Параллельно Андрей занимался и машиной. Без нее в стране делать нечего. Нет, прожить можно, катаясь на общественном транспорте, но резко падает и престиж, и оперативность в делах. А нужно создать здесь свое дело, чтобы семья ни в чем не нуждалась — ведь он не юрист или врач. Поэтому, имея для этой цели 3000\$, он приобрел Тойоту 1996 года выпуска.

— А почему бы нам не взять кредит, а, Андрей?— спросила Юля.

— Мы можем получить сейчас только страховой кредит. Но в банках, где этот сервис есть, требуют права□ или гринкарту. А ни того и ни другого я пока не получил.

— Мне кажется, тебе сейчас нужно оставить все и заняться правами, так как без счета в банке мы можем прожить не более двух-трех недель.

Одновременно, изучая язык, Андрей штудировал правила дорожного движения и удивлялся. Запрещающих знаков было

** Social Security number — номер социального обеспечения — уникальный девятизначный номер, присваиваемый агентством социального обеспечения (Social Security Administration). https://ru.wikipedia.org/wiki/номер_социального_обеспечения

«с кот наплакал»: ограничение скорости, въезд запрещен, поворот налево запрещен, разворот запрещен...— и все! Сами правила занимали всего пять страниц, остальное содержание — советы по вождению в условиях тумана, гололеда, дождя, рекомендации на случай, когда спустило колесо или отказали тормоза и так далее. И все направленно на обеспечение безопасности на дороге, а не на наказание водителя, как в России.

Однако, когда Курилов приехал сдавать экзамен, у него стали требовать идентификатор личности. С трудом — сработала смекалка — договорился, что подойдет нотариально заверенный перевод свидетельства о рождении, которое он предусмотрительно подготовил в Патрусевске еще до отъезда. Андрей зашел в деловой центр, где ему сделали цветную копию.

Когда он приехал к нотариусу, чтобы заверить документ по-американски, его удивление продолжилось, ибо он услышал: «Поскольку вы со своей бумагой приехали, сделаем бесплатно».

График экзаменов по теории и вождению оказался удобным. Тест он сдал на следующий день, а вождение — через неделю. Получив на руки временное удостоверение — оригинал вышлют по почте,— Курилов почувствовал себя американцем.

Но еще лучше он почувствовал себя, когда через несколько дней открыл счет в банке, а через неделю получил карточки.

Как-то гуляли Куриловы с детьми по почти пустой от пешеходов улице — горожане, практически все,— на машинах.

— Пап, а кто это с бумажкой на шее стоит?— спросил Володя, показывая пальцем на стоящих на перекрестке людей с плакатами на шее.

— Это нищие,— ответил Андрей, немало удивленный таким явлением здесь, но ранее уже проинформированный на этот счет.

Нищие стояли культурно, ожидая, когда кто-либо затормозит на красный свет и подаст мелочь. Все было так, как и рассказывали друзья,— если наши российские нищие стараются произвести внешнее впечатление, то американские «дают» на обстоятельства жизни: потеря работы, голодные дети, не на что купить лекарства и так далее.

— А почему они улыбаются?— не унимался сын.

— И правда, у них у всех радостные лица!— в свою оче-

редь удивилась Юля.

— Просто угрюмых и мрачных здесь не любят. Вот так!— ответил Андрей.

Пройдя несколько кварталов, Куриловы увидели мебель, стоящую на тротуаре у дверей дома. Приблизившись, они рассмотрели ярлычки с ценами.

Открылась дверь и из дома вышел мужчина. Он подошел и спросил:

— Хотите что-то приобрести?

— Вы продаете?

Видя удивление на лицах Куриловых, и догадавшись, что они приезжие, мужчина пояснил:

— Мы переезжаем в другой город, а у нас в стране заведено — все имущество при этом должно влезть в машину. Все же остальное продается. Видите, хорошие вещи: мебель, электроника, бытовая техника продаются дешево. Такие распродажи у нас не редкость, возле дома все выставляется по смешным ценам, люди ездят, выбирают, даже торгуются при этом, и покупают.

Кроме этого Куриловы убедились, что в городе есть магазины "Second Hand". Вообще, люди, даже далеко не бедные, не стесняются покупать подержанные вещи.

На следующий день Андрей получил чековые книжки из банка и дебитную (чековую) карточку, получил подтверждение и номера своей Грин карты.

Заверив у нотариуса переводы документов, дипломы, рекомендательные письма, стал искать свое дело.

Таким образом, на все про все у него ушло всего три недели со дня приезда. В итоге — квартира, машина, права, компьютер, счета в 2-х банках, можно рассчитывать по карточкам, выписывать счета, получать наличные, номер гринкарты получил,— а это значит, что уже на легальном положении,— и так далее.

Следующим этапом — в будущем — должно быть получение гражданства. Вся процедура — просто выполнение определенных последовательных действий, которые могут занять от нескольких месяцев и более. Из разговоров с соотечественниками выяснилось — кто-то стал гражданином через 5

лет, кто-то выдержал и больший срок, а есть и такие, кто не получил вовсе. От этих мыслей Курилову стало скучно, и он широко зевнул.

ГЛАВА 33

ЧЕЛОВЕК «ВТОРОГО СОРТА»?

Курилов, и в России занимавшийся предпринимательством, приехал в Америку не на работу устраиваться. Да и кем он мог работать здесь?— рабочим на стройке или продавцом, техником в цехе или компании, в Макдональдсе, прислужой в отеле или рабочим в апартаменте — мелкий ремонт делать и красить, таскать, катать и переворачивать, травку стричь или сантехнику чинить, диспетчером на телефоне или водителем-дальнобойщиком «баранку» крутить? Все это его, естественно, не устраивало. А в деловом плане,— кто его здесь ждал? Вот прошло уже две недели, но ничего не клеилось...

Юля, изначально скептически настроенная в отношении переезда, уже начала заметно нервничать и намекать:

— Не вернуться ли нам с детьми домой?

— А дома что?— отвечал Андрей.— Квартира продана, деньги израсходованы.

— Тут вот пишут,— Юля протянула газету,— что после эмиграции из России в США разводятся около 70% пар,— на ее глаза стали наворачиваться слезы.

— Все нормально будет, малыш...— промолвил Курилов, а у самого кошки заскребли в душе.

Можно было, конечно, и в менеджеры в какой-нибудь крупной компании выбиться. Но на это могло уйти много времени. К тому же уже на первых шагах общения с американцами Андрей был шокирован тем, что ему, несмотря,— как он думал,— на неплохое знание языка, это достаточно трудно дается. Уверенность быстро рассеивалась. Курилов понял, что для работы менеджером и администратором нужен такой уровень, чтобы понимать абсолютно все и говорить,— пусть и с акцентом,— но так, чтобы сказанное правильно понималось собеседником. Никто не будет учить языку, под-

страиваться под твоё знание или, вернее, незнание его. Если не понимаешь, это твои вопросы, но деловой разговор на этом заканчивается. А чтобы достичь хорошего уровня, нужно несколько месяцев постоянного общения в американской компании, куда ему не устроиться по определению. И даже потратив годы, деньги, силы на овладение языком и устройство хоть куда-нибудь, но только в коллективную языковую среду, быть до конца жизни человеком второго сорта Андрей не хотел.

Потому Курилов и искал собственное дело, которое приносило бы достаточный доход в семейный бюджет. В штате, где они остановились, были два десятка более-менее успешных предпринимателей среди почти сотни тысяч русскоязычных соотечественников. И он поставил себе цель — быть среди них!

Но, чтобы дело «крутилось», нужно платить людям зарплату. Кредит же для этого, не получишь без хорошей истории клиента банка. А где её взять человеку, если он недавно переехал?

И вот однажды, читая газету, Андрей наткнулся на объявление о продаже подержанного автомобиля. Объявление как объявление, он в другое время и не среагировал бы на него — машина ведь у него уже есть. Но в той же газете была помещена фотография большой автомобильной свалки, находившейся недалеко от их города. Что-то щелкнуло в сознании, и Курилов, отложив газету, задумался. Однако думай не думай, а без необходимой информации ничего не придумаешь.

— О чем мечтаешь? — спросила подошедшая жена.

— Идея! А почему бы мне не заняться авторемонтом? И голова помнит, да и руки не забыли.

— Да ты что, милый, здесь уже давно все схвачено!

— Я не о том, — Андрей показал Юле фотографию свалки. — Видишь сколько вполне нормальных машин?

— Это по фото ты определил, что они нормальные?

— Не совсем. Просто я уже достаточно понял психологию американцев. Ты же видишь, сколько вполне приличной мебели выставляется у домов, и сколько чуть поношенной, а порой и новой, одежды сдается в «Сэконд-хэнды»?

— Ну и?

— Нужно съездить на свалку и посмотреть. Если я понял все правильно, то, может быть, удастся что-нибудь организовать.

— В смысле?

— В смысле ремонта и продажи, Юля, включайся!..

— Нужно все хорошенько разузнать.

— Чем я и хочу заняться.

Лето было в самом разгаре, но нужно было думать об осени, вернее, об устройстве ребят. Оказалось, что в Америке детские сады («пред-школы», по-английски — preschool) — только для детей до пяти лет. По достижении этого возраста ребенок обязан посещать специальную группу — нулевой класс («kindergarten») при школе. Это что-то вроде старшей группы российского детского сада, но относится уже к образовательному учреждению. Здесь дети занимаются 3-6 часов в день. А первый класс школы — это аналог подготовительной группы сада в России, там учатся дети, достигшие шести лет.

Юля первым делом озаботилась устройством Юры в нулевой, а затем и Володи — в третий класс. Им повезло, школа находилась недалеко от дома, где они арендовали квартиру.

Решив этот вопрос, Юля стала входить в роль американской домохозяйки. Поразмыслив, она решила убираться в доме ежедневно, понемногу, то тут, то там, таким образом подерживая чистоту и порядок постоянно, чем каждый месяц совершать изматывающие генеральные уборки, как то было в Патрусевске. И час времени в течение дня уделять уходу за собой и своей внешностью. Этому способствовало свободное время, которого у нее теперь было в избытке. Лишь позже Юля узнала, что именно так поступают все неработающие американки.

Вначале она, по старой привычке, рядилась в старый халат. Но несколько раз, выйдя на улицу, чтобы вынести мусор, ловила презрительно-пренебрежительные взгляды весьма прилично одетых соседок. Как потом выяснилось, в том же виде они хозяйничали дома.

И еще Юля заметила одну деталь. Соседки первым делом драили все раковины в квартире и следили за тем, чтобы не

было грязной и неубранной посуды. Это как бы подтягивает на должный уровень весь порядок в доме и саму хозяйку. На родине замотанная работой, беготней по магазинам, готовкой еды и прочими «обязанностями» женщина добирается до кухонной раковины не каждый день.

Поддавшись моде, Юля как-то завела даже специальную тетрадку, в которую стала записывать список ежедневных дел, важные телефоны, зоны уборки, необходимые покупки и важные мысли. Но потом азарт «новобранки» иссяк, и каждому списку нашлось подобающее место, соответственно, в календаре и памяти мобильного телефона, в собственной памяти и дневнике (который не вела, кстати, с юности, хотя тяготела к этому занятию всегда).

Что дало Юле обилие свободного времени?— Возможность быть красивой и радостной; наполнять все вокруг себя любовью, вкладывать ее во все: в мужа, в детей, в пищу, в каждый уголок дома; быть хозяйственной, поддерживать дома порядок, постоянно держать в уме, чего сейчас не хватает дома, все ли необходимое есть у детей и мужа, при этом, где можно сэкономить и уложиться в семейный бюджет; по-настоящему, не наскаками из-за нехватки времени и не кое-как из-за усталости, не навязывая и не поучая, через внимание и любовь воспитывать детей, учить их своим примером, ведь от этого зависит, насколько ребенку будет проще в жизни. У Юлии появилось время подготовиться и интеллектуально, и психологически, чтобы успокоить мужа в сложные для него моменты, помочь ему словом, советом или просто доброжелательным молчанием, поговорить с ним по душам, своей интуицией помочь найти выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. И каждый день чему-то учиться и развиваться самой.

...Курилов всегда ко всему подходил системно. И на этот раз он, съездив на автосвалку и убедившись, что там большинство автомашин можно — было бы желание — хорошо восстановить, стал собирать информацию по этому вопросу.

Оказалось, в США в этом году всего было 250 миллионов автомобилей, а продано — 11 миллионов новых. Такое количество машин вело к множеству аварий, а из-за этого — к большому количеству свалок, которые здесь делятся на два

типа: полного обслуживания и самообслуживания. На первых все просто — говоришь, что нужно, и по базе данных компьютера тебе смотрят, есть интересующее машины в наличии или нет. Если есть, платишь и — вперед. В интернете существует поисковая система для таких свалок, можешь, даже не выходя из дома, найти все, что нужно.

На свалках самообслуживания все делаешь сам, своими руками. Там нет никакой базы данных, зато все очень дешево.

Выяснилось, что большинство подержанных автомобилей, при достаточно низкой цене по сравнению с новыми, весьма неплохи, и спрос на них стабилен, что приносит тем, кто занимается их восстановлением и продажей, небольшую, но стабильную прибыль. Но здесь есть и «подводные камни», например, можно, что называется, «нарваться» на машину с криминальным прошлым — пойдешь, определишь на свалке, кто ее туда выбросил.

И еще, нужно хорошо знать устройство и особенности эксплуатации автомобилей всех марок, — мало ли какой попадется.

Андрей поинтересовался, откуда же появляются машины на свалках? Оказывается, что свалки покупают их. Второй источник — страховые компании. Когда цена ремонта приближается к оценочной стоимости автомобиля, его списывают, а владельцу возмещается эта самая стоимость. Хотя владелец может и выкупить свою битую машину у страховой компании, если в ней не пострадали какие-либо ценные детали.

Выяснив все эти вопросы, в ближайшее же воскресное утро Курилов отправился на свалку. Выехав на кольцевую дорогу, он проверил по спидометру скорость — действовало ограничение — 55 миль (90 км) в час. Ничего интересного на шоссе не произошло, да и Боже упаси от происшествий, и через сорок минут он был уже на месте.

На вывеске текст — и по-английски, и по-испански. Машины стояли под открытым небом и были рассортированы на американские, импортные и джипы. Уплатив на входе символический доллар — чтобы просто так не лазили — Андрей вошел на территорию.

Он заинтересовался: а если хочется заглянуть под днище автомобиля, как быть, ведь кругом не асфальт, а голая земля,

и домкратом ничего не сделаешь? Ему объяснили — есть специальные машины, поднимут авто, положишь под него шины, и потом лежи и смотри сколько нужно.

И еще интересные детали: оплата здесь только наличкой, никаких возвратов, кредитов и обменов. И табличка висит: «Бесплатная поездка в полицейской машине! — Если вы что-нибудь украдете. С уважением, ваш полицейский участок». Юмористы!

Конечно, рассчитывать на большую прибыль от такого дела не приходилось, так как все битые автомобили регистрируются в специальном каталоге, и это означает, что даже после восстановления на дилерской станции такая машина будет иметь "черную" биографию и, как следствие, низкую продажную цену. Но ведь и цена покупки ее на свалке самообслуживания — вообще копейки. Так что, даже с учетом ремонта, получится прибыль.

Узнал Курилов и о недостатках. Так американцы относятся к своим автомобилям примерно так же, как мы — к мусорным урнам. Бензин — какой попало, масло — самое дешевое, а если спросить американца о межсервисных интервалах, он только недоуменно пожмет плечами. Да и ездоки из них такие — давят на педаль, пока машина едет, а потом вызывают эвакуатор. И еще одна беда — на редкость загаженный салон: окурки, пятна от соуса и йогурта, мусор, грязь.

У автосалонов и мастерских свой расчет: восстановление своими силами обойдется дешевле, чем на дилерской станции техобслуживания. И поэтому, купив авто на аукционе, затем запчастей на свалке, можно отремонтировать его и с выгодой продать.

На аукционах же, как узнал Курилов, «изучать» машину — завести ее, прослушать работу мотора и поездить — не дают.

Юля, когда услышала об этом, сказала:

— Вот наглость, предлагают автомобиль неизвестно откуда, да еще и состояние оценить запрещают. Получается, люди должны кота в мешке покупать, так что ли? Нет, явно мошенничают!

— Не горячись, мы в Америке, здесь массового мошенничества быть не может. А аукцион, Юля, можно понять, — возразил ей Андрей, — если каждый захочет изучить понравившу-

ся машину и выбрать что-то получше, то все может затянуться и надолго с возможной путаницей и скандалами.

— И в итоге?

— Приходишь на стоянку для того, чтобы поглядеть на реальный автомобиль, до сих пор виденный только на фото. Гарантий, конечно, никаких, но, как можно понять из американской действительности и психологии, обманывать, как правило, никто не будет.

— Докажи!

— Могу только косвенно — огромный объем реализации подержанных авто через аукционы. Просто русскому человеку нынешней, как говорится, формации принять принцип «Поверь и рискни!» трудно. Поначалу это плохо работает.

ГЛАВА 34

Ностальгия

Прошел год. День за днем, шаг за шагом Курилов наладил свое «американское» дело, которое худо-бедно приносило семье достаточный для жизни доход. Юля была довольна, дети учились и имели все для домашних игр и развлечений вне дома, быт был полностью автоматизирован. Что еще нужно женщине? Все бы хорошо, да только, то ли склад души у Андрея был такой, то ли жизнь его теперешняя не писывалась в «формулу русского человека»*, но кошки по сердцу скребли — навалилась на него тоска-кручина.

Нет, он не сидел сиднем. В свободное время достаточно поездил по Америке, посмотрел страну, познакомился с людьми, благо язык знал уже неплохо. И все время его не оставляло чувство — «Не мое, не мое это!». Большое значение в настроении сыграло то, что, несмотря на общительность американцев, по душам так и не смог ни с кем поговорить — не

* «Я вывел формулу русского человека. Вот она: русским человеком может быть только тот, у кого чего-нибудь нет, но не так нет, чтобы обязательно было, а нет — и хрен с ним» (Н.С. Михалков).

принято у них так себя вести. Не понравилась и заматериализованность, и низкие духовность с культурой американцев.

В прошлом, 99-м году бомбили Югославию. Курилов беседовал с людьми на эту, волнующую его до сих пор тему. Тех, кто был за бомбежки, в Америке он не встретил, сколько ни заводил разговоров на эту тему. Кто-то был против, подавляющее же большинство испытывало полное безразличие. Андрей понял тогда одну важную для себя вещь — у американцев на первом месте деньги. Понял Курилов — не его эта страна.

Настроение же, как ни скрывай его, тем более в семье, будет неминуемо передаваться домочадцам. И однажды жена не выдержала:

— Андрюш, что случилось? Ты последнее время на себя стал не похож. Все же вроде тип-топ, то бишь наладилось?

— Вот-вот, именно, тип-топ, мг... — пробурчал тот.

— Ну что не так?

Промолчал Курилов в тот раз, и в другие разы отделялся то молчанием, то междометиями, а то шуткой, правда, невеселой. Но как-то потянуло его на откровенность:

— Эх, Юлька, женушка моя дорогая! Поймешь ты меня, или нет, но чужое мне все здесь: и менталитет их, и ценности.

— Ну, ты даешь? Что уж теперь — будем после драки кулаками махать? Раньше думать надо было, информацию собирать, общаться. А теперь... Дети адаптировались, учатся... Ну, что у нас плохо? Все ведь наладилось, а будет еще лучше. Что у тебя вдруг так?

— Да не вдруг, по капельке все накапливалось.

— А поподробнее?

— Поподробнее? Ну, слушай. Ты заметила, какие тут продукты? — Безвкусные, как опилки, нет никакого удовольствия от пищи. Молоко ведь неделями не портиться! А почему знаешь? Потому что полно консервантов.

— Да есть такое дело, я заметила. Но ведь везде есть свои недостатки в продуктах. В России они — свои, здесь — иные. Тебе, Андрюш, не нравится что-то другое...

— Да, ты права. Понимаешь, эти неестественные отношения между людьми, искусственные улыбки, от которых уже просто тошнит! Один наш, русский, рассказывал, как однажды, колле-

ги по работе, улыбаясь, очень доброжелательно пожелали ему хороших выходных — уикенда, по-здешнему, — а как только он приехал домой, тут же получил по факсу извещение об увольнении. А за что, он и до сих пор не знает. — Мало улыбался, наверное. Что можешь сказать на это?

— Ну что сказать? Я же не знаю всех подробностей.

— Подробности... А вот еще один знакомый рассказывал, да я и сам сталкивался с этим не раз, как все «стучат» друг на друга. Просто у них такая этика поведения. Однажды он опоздал на работу, и понадеялся, что его, как в России водится, «прикроют». Но не тут-то было, напротив, его «заложил» ближайший коллега по работе.

— Ужас!

— Вот, поняла. А я как-то слышал по телику, как ведущий одного ток-шоу учил, как продвинуться по службе. Он на полном серьезе советовал, вот, буквально дословно: "Если кто-то взял с работы домой ручку — сообщите начальству". "Узнайте хобби вашего начальника и увлекитесь тем же". "Если же кто-то плохо отозвался о начальнике — тут же расскажите ему".

— Но тебе-то что до этого — ты же не в организации какой-то работаешь, а сам по себе?

— Ты знаешь, Юля, я бы не хотел, чтобы мои дети... — Наши дети!

— Да, извини, чтобы наши дети стали такими, даже если они и будут жить в социальном раю! Я бы не хотел видеть их такими же невежественными, как американцы. Ты представляешь, выпускники школы даже собственное имя пишут с ошибкой. Люди не знают элементарной географии. Одна женщина спросила в разговоре со мной: "Африка — это в Египте?.."

— Ха-ха-ха!

— Вот тебе и «ха-ха»!.. А насчет воспитания детей, здесь, вообще, ой, как запущено! Да ты и сама знаешь — с подружками-то американскими толкуешь? Родители постоянно норовят отделаться от своих отпрысков — по утрам им «затыкают рты» мюсли и хлопьями с молоком, а вечером — обильной едой из магазина. Но главное — это компьютерные игры. Лишь бы только дети не приставали и не мешали родителям

потреблять свои удовольствия. Поэтому чада еще в подростковом возрасте отдаляются от них, а совершеннолетние порой навсегда. В старости американцы обычно живут в домах для престарелых, и только в День Благодарения и Рождество дети приезжают к ним.

— Андрей, но мы же можем воспитать своих детей по-другому?

— Да, естественно, мы не будем все это повторять, но от среды-то мы их ничем не отгородим, она все равно — не мытьем так катаньем — сделает из них «своих»: ни к кому не привязывающихся, ни с кем тесно не дружащих, думающих только о карьере и — всегда улыбающихся при этом.

— Холодно от этого всего, согласна.

— И еще. Вот ты говоришь о детях, что они адаптировались, учатся... А я боюсь за их мозги. Ведь Америка из прежней страны здоровой конкуренции превратилась в инкубатор: так разбогатела и зажралась, что просто покупает мозги за границей. А сами американцы стали похожи на овощи, лежащие на грядке. И получается, что здешняя жизнь — рай для слабых, инвалидов, убогих, ничем не примечательных людей. Они обязательно выживут, не помрут от голода, и медицинскую страховку получают, и какую-нибудь работу найдут. А вот сильным в такой стране тяжело. Им необходимо преодоление и борьба, которых здесь теперь и в помине нет, а без этого и жизнь для них не жизнь. Они или уедут, или погибнут как личности, превратившись в жевателей резинки и попкорна. Я очень не хочу, тобы наши сыновья в будущем превратились в довольных и толстых, бесхарактерных и бесполох дебилов. А с другой стороны, в каждом городе есть районы, в которых боятся появляться даже полицейские. И, смотри, сколько «стрелков» появилось? Заметь, не засланных террористов, а своих. И на улице какой-нибудь развязный может покалечить человека, а то и убить. А откуда это идет? — Да из школы! Детям не разрешают трогать друг друга, по-ребячески драться. А мальчишки должны бороться, дергать девчонок за косички, находить выход природной агрессии. Вот она копится, копится и созревает до криминала. Потом люди удивляются, откуда, без видимой причины, расстрелы одноклассников, военнослужащих и сослуживцев. Так что

можно опасаться и за жизнь наших детей...

— Андрей, ты пугаешь меня! Зачем ты это все мне рассказываешь? Я волнуюсь, мне страшно стало. Зачем?!

— Ты сейчас похожа на страусиху — зарыла голову в песок и ничего не видит и не слышит. А только высунула, увидела страшное — и затряслась.

— Тебе бы только посмеяться надо мной!

— Юль, но ведь от того, буду я говорить об этом или молчать, ничего не изменится.

— Да, это так. Вспомнила, одна подруга, из наших, рассказывала: с переломом руки два часа сидела в очереди в клинике. Была жуткая боль, не могла рукой пошевелить, просила сделать обезболивание. И лишь после того как муж устроил скандал, ей, наконец, сделали укол, но снова вернули в очередь. А все потому, что служащий страховой компании ошибочно решил, что травма недостаточно серьезная, чтобы ей оказывали помощь. Так работает вся американская медицина: слово страховой компании — закон, иногда она даже указывает врачам, что им делать, кого и как лечить.

— «Наши»! Многие из них, Юля, выискивают что-нибудь плохое о России и радуются, если находят, так как это как бы доказывает им, что они правильно сделали, переехав сюда, даже если жить им не сладко... В психологии — я читал — это называется сверхкомпенсацией, кажется, когда из-за того, что не удастся вписаться в окружающую действительность, чувствуя какую-то свою неполноценность, человек старается разными способами преодолеть это состояние. Кто-то, напрягая усилия, старается все же адаптироваться, сохраняя свои привычки и убеждения; кто-то приспосабливается к установкам окружающих людей или стремится достигнуть чего-то в другой области. А есть и такие, кто уклоняется, уходит в алкоголь и наркотики. Хуже — полный пессимизм, цинизм, а еще хуже озлобление. Но в любом случае человек, не отягощенный духовностью, — а таких сейчас большинство, — чувствует себя лучше, когда другому плохо. Если же таковых нет, то их придумывают. Или, например, так: «Мне здесь плохо, ничего не получается, а в России все еще хуже!» — говорит человек. Я же, Юль, просто хочу вернуться на родину, мне там в любом случае лучше, и понял это, пожив здесь.

— И все-таки, Андрей, я против возвращения в Россию! — пропуская мимо ушей психологические изыски Андрея, сказала Юля.

— А я все более и более созреваю в пользу возвращения!

— Ты это серьезно?

— Даже более чем! Пусть бизнес будет не таким легким и хорошим, но лучше жить в родной, привычной с рождения среде, где каждый корешок, каждая травинка своя, родная, не говоря уже о всех наших человеческих корнях и корешках.

— Ой, Андрей, что же с нами будет?

— Хочешь, оставайся с детьми тут. А я больше не могу, понимаешь?! Не могу без снега, без возможности просто ходить по улицам — американские города к этому просто не приспособлены! — без настоящих друзей, веселой компании, разрывающегося от дружеских звонков телефона. Ты знаешь, даже российское телевидение, которое здесь все ругают, в сто раз интереснее американского! И несмотря на хорошо складывающееся дело, у меня ощущение виртуальной реальности, жизни понарошку, как на трансфере, вроде не живу, а черновик пишу, и строго по инструкции... Вроде люди, а на самом деле кругом — биороботы.

Были мысли у Курилова уехать в Европу. Там и цивилизация, и по культуре с историей они ближе нам, русским, да и спокойнее у них. Но и скука, конечно, несусветная — все разложено по полочкам, с той только разницей, что на севере — ни чувств, ни эмоций, а на юге, наоборот, их избыток, как рассказывали русские американцы, часто бывавшие в европейских странах по роду работы и подолгу жившие там.

Не смог Андрей пересилить себя, ностальгия взяла верх над всеми соображениями. Собрал он семью, снялся с места и увез их обратно в Россию, в Патрусевск, в родные душе и уму места.

Вернувшись, Курилов с энергией взялся за дела — взял кредит, организовал небольшую строительную фирму и одно временно защитил диссертацию — стал кандидатом экономических наук.

Так в трудах и заботах провел он последний год XX-го века.

Результат получился неплохой — фирма работала, и можно было бы отдохнуть, так как устал он за этот год основательно.

Как-то Андрей встретил друга, Абаса Мамедова — чисто-кровного, но обрусевшего, азербайджанца, который давно, с самого окончания института, проживал в Патрушевске и много раз приглашал на отдых в Нахичевань, на свою родину. Но то отпуска не совпадали, то жены покупали путевки в разные места, а тут и отъезд, и год проживания в Америке. Да и как-то не хотелось Андрею с Юлей проводить отпуск в ближнем зарубежье, тем более в непонятной для них Нахичевани. Но после приезда из Америки их отношение ко многим вещам изменилось. И Курилов, устроив себе две свободные от дел недели, согласился поехать, уговорив также еще одного друга, Костю Федотова. Жена осталась дома, так как нужно было готовить младшенького в школу.

ГЛАВА 35

Новая встреча Григория и Ивана

В Москве уже совсем не было слышно выстрелов и раздиравших душу криков и стонов. Бои, с однодневным перемирием продолжавшиеся до 3-го ноября (16-го по н. ст.), закончились победой большевиков. Так и не дождавшись помощи от войск с фронта, Комитет общественной безопасности сложил оружие. В этой бойне, где, с одной стороны, сражались никогда не державшие в руках оружия совсем юные красногвардейцы и по большей части не понимающие ради кого и чего они идут убивать и умирать опытные солдаты-фронтовики, а с другой,— самоотверженно сражавшиеся, исполняющие, как им внушили, свой «воинский долг», молоденькие юнкера, за эти десять дней пало в боях несколько сотен человек. Двести сорок погибших со стороны большевиков были захоронены 10—17 ноября на Красной площади в двух братских могилах, положив начало Некрополю у Кремлевской стены.

Все улеглось, и город постепенно приходил в себя, зализыва-

вая раны улиц и площадей, поминая своих сыновей,— ведь будучи первопрестольной, по праву считал таковыми и безусых подмастерьев, и крестьян, поневоле надевших шинели, и еще вчерашних гимназистов, готовившихся стать офицерами,— и еще не зная, и не думая даже о готовящейся ему роли, вновь стать главной столицей большой взбудораженной страны.

Люди, как кто мог, выживали, приноровливаясь к новому и, как всегда, надеясь на лучшее. Вот и Иван Степанов поехал в Патрушевскую губернию записаться продовольствием — в связи с недавними событиями в Москве было тяжело с этим,— что-то продать и что-то прикупить для продажи по возвращении, а заодно и своих проведать.

Общение с родней — длительное и хлебосольное, насколько это было возможно по тем временам, подходило к концу — когда все уже переговорено, выпито и съедено и возникает чувство: «А не пора ли по домам?» Тут и гости начинают спешно вспоминать неотложные дела, и хозяева суетливо озабочиваются разными бытовыми необходимостями. И только когда пришедшие решительно поднимаются на выход, вновь вспыхивает небывалое гостеприимство принимающей и благодарность отбывающей стороны. Здесь главное не поддаваться этому прощальному обаянию и не решить на этой волне продлить пребывание, ибо это вызовет нервозность — хорошо еще внутреннюю — у хозяев, и в ответ — подозрение у гостей в их неискренности.

Читатель, надеемся, простит нам это лирическое отступление, тем более что ни со стороны Ивана, ни со стороны его родни ничего подобного не было. Не покидало их только чувство некоторой неопределенности, что витала в воздухе и не только в Патрушевске, но, наверное, по эту пору и надо всей Россией.

Иван, находясь в Патрушевске, не мог не проведать своего давнего друга-приятеля Григория Курилова, который проживал в сем славном городе. И они, встретившись и вспомнив давние времена, решили посидеть в трактире, выпить пива, благо в Москве с ним тогда были проблемы, как, впрочем, и со многим другим.

— Виделись-то совсем недавно, а сколько всего произошло

за эти месяцы?!— Иван отпил вкусную золотистую жидкость и медленно поставил кружку на стол.

— Не говори, Вань! Только что, вроде, царь-батюшка властвовал, потом Временное, а уж ни тех, ни ентих нет, а заместо их — большевики.

— Помнишь наш давний — года четыре, кажись, тому назад — разговор про попущения Божьи?

— Помню, как не помнить.

— Ну, так вот, все, как мы говорили, и сбылось!

— Ты хочешь сказать, Вань, что большевики — наказание Божье за то, что прошлые правители не так делали, как надо бы?

— Кому наказание?

— Ну, им...

— Это другой вопрос. Им да, но не нам!

— Ты думаешь, нам лучше будет при большевиках?

Григорий допил свое пиво и заказал еще себе и Ивану.

— Но ведь если бы царь-батюшка правил бы как след, вовремя, как мы тогда говорили, делал бы все для народа, для нас, для общества, а не спал, крепко бы держал в руке местных правителей, как и все царство-то свое, так и не надо было бы никаких революций ентих и большевиков с ними?— произнес он.

— Да, енто так, все верно.

— И если б и Временное правительство делало как нужно... А то власть ослабили до, прости, некуда — вольница полная: кто во что горазд,— и делать для народа ничего не делали. Мало того, скажу по секрету,— ходят в столицах слухи — продать Рассею хотели и нас со всеми потрохами!

— Кому же?

— Как кому? Мировому империализму — вот кому! Капиталистам заграничным богатая наша Рассея, как кость в горле, ежели богатеет, да и мы с нею живем-поживаем безбедно. Им нужна Рассея, чтоб ихним землям богатство приносила,— земля наша и все, что в ней, труд наш — все им. Во как!

— А теперь что? Думаешь, они утихомятятся? Може, теперь-то как раз и спуску-то нам не дадут? А?

— Не, большевики — люди сурьезные. Они крепко берутся.

Все для народа — мир, земля, заводы... Что ишо надобно? А, Гриш?

— Я думаю так. Управляли нами помещики и капиталисты, что под царем ходили. Потом — они же, но без царя. А теперича большевики заместо их. Уж больно похоже на то, как один гад съедает другую гадину. Не ты же править будешь и не я?

— Не в том дело! Править, так или иначе, кому-то надо — тут не попишешь. Я понимаю — не наши будут править, так чужие. Дело в другом.

— В чем, же?

— А в том, ради кого править. Ради себя, своей семьи, своего общества — таких же богатеев?

— Так сам же говоришь, если б правили как надо, то и...

— Если бы, да кабы... Так не правили ж как надо! Кашу заварили, а расхлебывай другие. Вот и пришлось...

— Ну и ради кого править-то надо?

— Как ради кого? Ради народа, ради нас с тобой, ради детей наших. В Рассее нашей народ привык жить обществами, потому, ежели им, то бишь всему народу, хорошо жить будет, то и каждому, будь-то мужик, рабочий, тылигент аль поп — всем добрая жизнь будет. Вот большевики-то и хотят такую советску власть устроить, чтоб так было.

— Скажи, и ты веришь, что так будет?

— Верю, Гришка! Думаю, не сразу — тяжело ишо будет, много всего поразрушено. Но будет, не сумлевайся, власть-то родная, народная, советская!

— Твои бы слова, да в Боговы уши, Ванька! — Божия Матерь, да будет с нами! — громко произнес Григорий.

На эти слова, сидевший за соседним столиком похожий на странника мужчина поднял голову и, глядя в сторону собеседников, сказал:

— Каждый повинен в том, что творится вокруг. Потому самое важное дело — любить и прощать, любить и прощать. Чем больше человек так будут делать, тем больше любви будет в мире, слезами праведников отмолятся грехи людские, и жизнь станет другою.

Все, сидящие в трактире, повернули лица в сторону говорившего. Это был бородатый человек со спадающими на ли

цо длинными русыми нечесаными прядями волос. Легкая улыбка светилась на его лице, взгляд немного прищуренных черных глубоко посаженных глаз был внимателен и ясен. На нем был старый темно-коричневый запыленный тулуп, мешковатые черные штаны, сильно обтрепавшиеся внизу и лапти. На стуле рядом с ним лежала серая котомка и старая смушковая* шапка, а рядом стоял деревянный посох с отполированной от длительного употребления ручкой. На несколько минут наступила полная тишина, ибо никто не мог ничего возразить этому человеку...

За окном уже стало темнеть. Люди спешили по своим делам, заходили и в трактир, заполняя его теплое, уютное, с иконами в углу, пространство. Как они относились ко всему происходящему?— трудно было сказать. Скорее всего, по-разному. Каждому по-своему мыслилось и его личное будущее, и будущее страны. Но мало кто думал, будучи маленькими клеточками — и сами-то больные — большого больного организма, что к нему, к этому самому организму и к ним, клеточкам уже применено самое насущное, востребованное и действенное лечение, первым этапом которого должен стать карантин, как это и бывает, когда произошло заражение страшной инфекционной болезнью, грозящей гибелью самому организму и всем окружающим. Но все дело в том, что инфекция, глубоко поразившая тело, начинает управлять мозгом — мыслями, чувствами и поведением.

В науке известны опыты, когда в тело крысы искусственно пересаживали личинку паразита, обычно живущего в теле кошки. Когда эта личинка, развившись, становилась паразитом и откладывала яйца, поведение такой крысы резко начинало меняться. Дело доходило даже до того, что из предложенных в опыте коробок, поставленных недалеко друг от друга, крыса игнорировала коробки без запаха и те, что были пропитаны запахом крысы, мыши и сыра,— каждая своим,—

* Смушковый — смушка, и, ж. Шкурка новорожденного ягнёнка некоторых ценных пород. (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд. — М., 1997.)

и в качестве норки выбирала коробку с запахом кошки. То есть «кошкин» паразит, живущий в данный момент в крысе, стремился попасть в кошку, потому управлял действиями крысы, побуждая ее попасть в лапы ее злейшего врага.

...Потому и лечение прописано, и карантин назначен, но необходимо бывает провести еще большую психологическую работу, чтобы пораженный организм вместе со всеми его клеточками не противился сему лечению, не стремился убежать от карантина, от самого нужного ему лечения из рук назначенного Богом «врача-инфекциониста».

ГЛАВА 36

Один день Курилова без автомашины

Сегодня у Курилова сломалась машина. Вечером, когда он ставил ее в гараж, все было нормально. А утром что-то застучало, закрипело... Короче говоря, оставил он ее — береженого и Бог бережет — и поехал на работу в общественном транспорте, чего не делал уже давно — лет пять почитай.

На остановке было много людей. В утренний час пик это закономерно, но раньше, проезжая на машине мимо, он не видел такого столпотворения. Все правильно — накануне городское автохозяйство — Андрей, хоть убей, не мог вспомнить, как оно называется, — ввиду то ли нерентабельности, то ли банкротства сняло с маршрутов сразу тридцать автобусов.

Курилов вошел в толпу. Давненько он не находился в таком плотном окружении людей. Известно, что социальное расстояние между незнакомыми людьми, на котором они чувствуют себя комфортно, составляет где-то примерно метра полтора. Дискомфорт был налицо. Люди нервно оглядывали друг друга, подергивали в сторону головами, то и дело пытались, поднимаясь на цыпочки или выглядывая из-за спины друг друга, рассмотреть — не идет ли автобус, троллейбус или автолайн нужного маршрута, а самые нетерпеливые протискивались к бордюру и выскакивали на проезжую часть. Так постепенно толпа занимала все большую часть мостовой, и транспорт был вынужден останавливаться уже в двух метрах от тротуара.

В отдалении по этой же линии бордюра стояло несколько

такси, возле которых скучали таксисты, все как один породные мужчины с животами и благородной сединой — кто-то в соломенной шляпе от припекающего солнца, а один даже с зонтом. Таксисты и люди из толпы существовали как бы в разных мирах, не замечая друг друга.

Когда к остановке подходил транспорт, начиналось «бронзовское движение». Однако внимательный взгляд различал три типа поведения людей. Те, кого устраивал маршрут, со всех ног устремлялись к месту предполагаемого открывания дверей, а другие либо стояли как вкопанные, не желая даже пошевелиться, либо, наиболее чувствительные, стремились отойти, неминуемо сталкиваясь с теми, кто двигался в противоположном направлении.

И вот, наконец, транспорт останавливался, двери открывались, и из них начинали выходить пассажиры. Делать им это было непросто, так как приходилось буквально продираться через узкие проходы стоящих обок дверей и даже по центру людей, стремящихся, напротив, войти. Выходящие были встречены их пристальными взглядами, словно говорившими: «Быстрее, быстрее! Вот идет себе вразвалочку, еле шевелится!» Наконец, последний пассажир, совсем уж неуважительно толкаемый со всех сторон, выходил, и новые пассажиры устремлялись в салон. А там только что свободно вздохнувшие и оправившиеся от давки, далее едущие пассажиры с неудовольствием взглядывали на вновь прибывшее пополнение и локотками чуть отталкивали их от себя.

Одна женщина заметно двинула бедром Андрея — плотно, занимавшего много места, втиснувшегося между двумя рядами стоящих пассажиров. Тот развернулся, чтобы посмотреть, кто это его так, и плечом надавил на девушку, стоявшую с другой стороны.

— Мужчина, не толкайтесь!

Курилов вернулся в исходное положение и замер с виноватым выражением лица.

Но наиболее неудобные условия были у дверей в середине автобуса. Кроме того, что здесь, как и у других выходов, сталкивались интересы только что вошедших и собиравшихся выходить, была еще площадка для колясок с детьми и пассажиров с багажом. А еще у поручней со стороны передней

площадки стояли пожилые, которым не было места на предназначенных для них сиденьях.

Под напором входящих один из пассажиров откинулся назад и остался в этом неудобном положении, не имея возможности разогнуться. «Хватит на меня опираться! Что я вам, стенка?» — воскликнула девица, стоящая за ним, и, собравшись с силушкой, резко толкнула его в спину.

Автобус медленно двигался в пробке, которая растянулась километра на два. Это был один из самых длинных маршрутов — от металлургического комбината до другого конца города за рекой. С работы ехала большая группа гастарбайтеров-среднеазиатов. Часть их стояла в середине салона на площадке у окна, а остальные сидели на передних сиденьях. Курилов отметил про себя, что они почему-то всегда — и в автобусах, и в автолайнах — садятся на передние сиденья и всегда разговаривают. Неожиданно освободилось боковое место рядом с Андреем, и он, оглядевшись и не увидев рядом ни одного пожилого человека или женщины, — двух молоденьких девушек он в расчет брать не стал, — присел, поставив на колени большую и тяжелую сумку. Напротив него стоял мужчина лет сорока и с любопытством разглядывал Курилова. Андрей отвернулся и стал смотреть в окно. Но мужчина продолжал неотрывно взирать на него. Когда Курилов поворачивал голову и в ответ взглядывал на мужчину, тот резко отворачивался, либо начинал рассматривать фигуру Андрея. Как только тот вновь начинал изучать проплывавшие за окном городские пейзажи или смотреть на других пассажиров, мужчина опять фиксировал свой взгляд на лице Курилова. Так продолжалось минут двадцать. Андрею стало не по себе, и он задумался — что же это могло значить? «Если бы человек хотел что-то сказать, вступить в контакт, познакомиться, то продолжал бы смотреть, а не отводил взгляд, — думал он. И вдруг его осенило: — Смотрит ведь, как телевизор. Это — взгляд телезрителя! Человек дома с утра до вечера смотрит в «ящик» и до того привык, что и мир воспринимает большим и объемным экраном. Возник такой комплекс телезрителя», — нашел точное определение он.

В центре города автобус разгрузился, и стало заметно свободнее — многие люди разошлись по своим маршрутам в разные части города. Кондукторша — моложавая женщина

бальзаковского возраста,— держа в одной руке, лежащей на поясной сумочке с деньгами, рулончик с билетами, другой исхитрилась подкрашивать губы помадой, глядясь в зеркальце в той же руке. Делала она это, игриво взглядывая на Курилова, а положив аксессуары в карман и присев на сиденье перед ним, улыбнулась.

Офис Курилова находился через остановку от центра в за-речной части города, и он стал пробираться к выходу. У поручня стоял парень, и Андрей спросил у него — выходит ли? Но парень никак не прореагировал. Андрей снова спросил — никакой реакции в ответ. И только тут Курилов увидел в его ухе маленький наушник, от которого шел тоненький провод, тер-рявшийся в волосах и уходивший за воротник. Он тронул парня за локоть. Тот повернулся, догадавшись, что его о чем-то спрашивают, вытащил наушник из ближнего к Андрею уха и вопросительно посмотрел на него.

— Вы выходите? — снова спросил тот.

— Нет, — ответил парень и тут же вставил наушник в ухо, отрешившись от всего вокруг.

«Да, давненько я не ездил в общественном транспорте, отвык уже»,— подумал Курилов и вышел на следующей остановке.

ГЛАВА 37

Живи, работай и радуйся!

Но не тут-то было...

Закипела, закипела работа в «Неотложке». И не мудрено — качество, быстрота и культура обслуживания — факторы очень важные, скажем, востребованные всегда и, тем паче, в наше время, когда многие занимаются просто рвачеством или, как это принято говорить сейчас, занимаются бизнесом (читай — делают деньги).

Помещение стало тесным для расширившейся «Неотложки», да и площадка у здания маловата для двух машин. Поэтому было решено передислоцироваться. Подыскали помещение на первом этаже недорогого офисного здания — четыре комнаты, с льготным местом для парковки не только

«Скорых», но и личных машин персонала. Так что — живи, работай и радуйся!

Но не тут-то было! В один из дней пришла проверка из Росспецнадзорздрава, попросили, как положено, все документы, в том числе и лицензию. Медведкин с радостью от успеха и радужных перспектив в будущем, все предоставил.

И тут произошло непредвиденное.

— А почему у вас адрес другой? Это ваша лицензия?

— Да, наша... — оторопел Валентин.

— Вы что, переехали?

— Так точно, расширились! — еще не понимая всего «счастья», которое им привалило, восторженно ответил Медведкин.

— Тогда вам необходимо в самые кратчайшие сроки заново получить лицензию.

— Как заново? — возрился на инспектора Валентин.

— Вот так, под продление вы не попадаете, нужно заново!

— Мы же все уже оформляли...

— Не считается. При перемене адреса необходимо все получить заново!

— То есть снова собирать все документы, оплачивать в полном объеме и ждать, не имея права на работу, пока не получим новую?

— Да! А как вы хотели? Порядок такой — без лицензии нельзя.

Медведкин растеряно молчал, пока инспектор писал письменное предупреждение о необходимости получения лицензии заново и запрете деятельности по оказанию медицинских услуг, пока не будет получен новый документ, а также о последствиях, которые могут иметь место, если этот запрет будет нарушен.

«Господи! Да что же это делается?» — воззвал Валентин, хотя до глубины души был атеистом.

Курилова в офисе ждали Драницкий с Медведкиным. Лица их имели озабоченное выражение.

— Что-то случилось? — спросил Курилов.

— Случилось, Андрей Васильевич. Пришли из Росспецнадзорздрава, оказывается, при переезде необходимо заново

оформлять лицензию!

— Почему?!

— Вот так! Заново, Андрей Васильевич, — Драницкий, кисло улыбувшись, опустился на стул рядом со столом Курилова. Присел и Медведкин.

— То есть, нам нужно заново собирать все документы, подавать заявление, ждать положенное время и, главное, снова платить в полном объеме? — а про себя Курилов подумал: «И снова договариваться!..»

— Да!

— Ну, это уже черт знает что такое!

— Более того, пока будем готовить документы, ждать решения и получения лицензии, мы не сможем работать, а также покупать и применять сильнодействующие препараты, то есть не сможем оказывать экстренные медицинские услуги тяжелобольным.

— Бог мой, как же быть?

— Никак, Андрей Васильевич, — Медведкин потерянно смотрел на Курилова.

— Если мы хотя бы на время уйдем с рынка оказания медицинских услуг, то вполне вероятно вместо нас зайдет кто-то более проворный. Но даже не это главное — мы потеряем своих клиентов, которые будут сомневаться в нашей серьезности и надежности. А сомнение — это ржавчина, которая будет «разъедать» дело и далее, перекидываясь на других клиентов. «Что-то здесь не так... — будут думать люди, — то работали, то не работают, то есть у них лекарства, то нет... И это называется платными услугами?» Нет, это не годится, друзья мои!

— Что же вы предлагаете? — спросил Драницкий.

— Работать, как и работали.

— Без лицензии?! — Медведкин поднял голову и пристально посмотрел на Курилова...

Тот утвердительно кивнул головой.

Несмотря на принятое решение работать без лицензии, Курилов понимал — заниматься этим вопросом нужно и как можно быстрее. Поэтому он на следующий же день записался на прием к Михайлову.

Тот встретил гостя широкой улыбкой, как доброго старого знакомого, встал, и с распростертыми руками как бы сделал движение к нему. Жест вовремя заключил указанием обеими руками на стул рядом со своим столом, и сел с той же улыбкой на лице, глядя на Курилова.

— Чем могу быть полезен?

— Геннадий Иванович, работа нашей «Неотложки» пошла хорошо, и нам потребовалось расширение, в связи с чем мы переехали по новому адресу.

— Ну и на здоровье! Там лучше?

— Конечно! Достаточное помещение для четырех бригад, работающих по графику, когда одновременно на дежурстве находятся две бригады...

— Сложная арифметика — не для особо одаренных умов, — засмеялся Михайлов.

— И площадка для машин достаточна...

— Вы счастливы?

— Да, все хорошо.

— А в чем вопрос? Что привело вас ко мне, грешному?

— Понимаете, Геннадий Иванович, пришла проверка от вашего ведомства, и инспектор сказал, что нужно заново оформлять лицензию, в связи с изменением места расположения.

— Ах, батюшки вы мои, вот незадача, — Михайлов сделал скорбное лицо, но глаза его сверкнули, и уголки губ чуть тронула улыбка. — Да, запомнил тут со всеми насущными делами, есть, есть такая инструкция... Ну, что сделаешь? Оформляйте...

Курилов понуро молчал, но не опускал взгляда, ждал, что еще скажет хитрец Михайлов.

— Да, Андрей Васильевич, так, кажется, вас звать, не ошибся я?

— Нет, нет, так...

— Чуть не забыл! Знакомый мой, торгаш, ну, с которым вы дважды сотрудничали, просил передать — очень доволен товарами, которые вы ему поставляли, очень!..

— Спасибо.

— Вы продолжаете с ним?

— Так мы же разово двумя поставками, на очень льготных

условиях — себе в убыток...

— Да, да, да... Себе в убыток... понимаю, понимаю... Разово, да, да...

«Опять хочет получить куш! Сколько же еще? Теперь по каждому случаю, зависящему и не зависящему от нас, и по надуманному поводу (опыта-то, наверное, не занимать) мне придется по себестоимости поставлять им продукты из Болгарии. Понравилось! Ишь ты, з...ца прожорливая, когда же на таких, как ты, управа найдется?» — с горечью думал Курилов, не отрывая глаз от лоснящегося лица Михайлова.

— Я подумаю,— произнес он и встал, намереваясь уйти.

— Подумайте, подумайте,— мягко произнес Михайлов, вновь широко улыбнулся и, уже не вставая, простился кивком головы.

Курилов повернулся и, не оборачиваясь, молча, вышел из кабинета, а про себя подумал:

«Хрен вам с горчицей, чтоб не казалась пицца жизни пресной, вместо продуктов из Болгарии! Только что все деньги вложили в машину «Скорой» со всем необходимым медоборудованием, внесли предоплату за новое помещение и автостоянку одновременно с оплатой-расчетом за старое помещение, вложились в ремонт конторы. Да и зарплаты сотрудникам нужно платить, четыре бригады — это уже не две. Да и с этими всеми делами совсем оставил без внимания другие направления деятельности, доходы упали. Сейчас на доплату болгарам до требуемой цены за продукты и оформление всех необходимых документов для новой лицензии денег все равно нет. А там, как Бог даст»,— решил он.

Прошел месяц в трудах и заботах. Начало октября окрасило окружающие деревья в желто-красные цвета. Стояла теплая солнечная осень — «бабье лето» теперь смещалось порой и на конец октября, предугадать было невозможно, как и многое другое в нашей жизни. Поэтому, когда устанавливалось тепло при солнечной погоде, то провозглашалось столь любимое в народе «бабье лето», привязанное все же пока к сентябрю-октябрю.

Прошел месяц... И нагрянула вторая инспекция из Рос-спецнадзорздрава. «Неотложка» в лице бедного Медведкина получила вновь предупреждение, и ей был выписан штраф.

Но Курилов был непреклонен: «Пока денег на гашение чиновничьего произвола нет, лишь в дальнейшем порешаем все вопросы, так что пусть Михайлов и иже с ним потерпят. Ведь не теряют же они надежды куш от болгарских продуктов получить. Правда, штраф уже неприятно щекотал нервы и был очень некстати на безденежье. Хотя, может быть, этим все и ограничится?»

Конечно, Курилов считал себя далеко не наивным человеком, но для него стал неожиданностью новый приход проверяющих через месяц. На этот раз они не стали долго рассусоливать вокруг да около, а тут же с порога потребовали лицензию. И, не получив ее, враз наложили запрет на деятельность «Неотложки» с угрозой при невыполнении передать дело в прокуратуру.

«Что-то торопятся они. Наверное, срочно деньги на что-то нужны — насели, не слезают!— решил он.— Еще бы месяца три, чтобы раскрутиться. И сделаем еще один транш болгарских продуктов. Протянуть бы еще эти три месяца. А если не пугают, а и в правду в прокуратуру подадут?— но тут же отогнал эти мысли.— Ну не до такой же степени...»

ГЛАВА 38

Добрые и добренькие

— Пап, а что значит быть добрым?— спросил однажды младший, Юра.

— Откуда такой вопрос, сынок?

— Да у нас в школе учитель истории сказал, что основа всех религий — доброта и любовь к людям.

— Ну, как тебе сказать, сынок?— Курилов на минуту задумался.— Вот, скажи, ты бы смог не раздражаться, не злиться, быть терпеливым и сносить все трудности по уходу за мной, когда я, не дай Бог, стану старым и очень больным? Ну, например, не смогу вставать с постели?

— Да, смог бы!— тут же уверенно выпалил Юрка.

— Погодь, не части!..— Курилов улыбнулся.— Представь, ты — занятой человек. Тебе нужно быть там и там, сделать то-то и то-то, а приходится сидеть у постели больного старика,

и еще неизвестно, сколько времени это продлится?

— Папа, ну что ты?!.. Не нужно, ты всегда будешь здоровым!

— Видишь, подсознательно ты боишься этого. Значит, не уверен... А теперь представь, что на моем месте будет чужой человек. Сможешь?

— Гм... — промычал сын, — не знаю...

— Вот!

— А зачем ты мне все это говоришь?

— А затем, что когда ты будешь знать, что есть вот такой идеал любви и доброты, то тебе будет легче быть добрым и в не таких экстремальных ситуациях.

— Пап, мам, — Владимир обратился к обоим, так как Юлия тоже подошла к своим мужчинам, — в нашем десятом «А» у одного ученика брат учится в профлицее, так вот, он рассказывал, что с ним учится парень-сирота из детдома. Короче, одна женщина, у которой он жил и платил за койку деньгами, выделяемыми лицеем ребятам, не имеющим общежития, попросила у него, когда он закончил учебу, одолжить «подъемные», полученные на трудоустройство, якобы для оплаты долга по коммунальным услугам. Когда же парень дал ей деньги, выстала на улицу. То есть взяла с лихвой за свою доброту!

Другая женщина, когда один парень от безысходности, не имея ни денег, ни жилья, ни работы, хотел продать свою почку, отговорила его, взяла к себе и устроила учиться. А те двести-триста рублей, что парень, подрабатывая, отдавал ей ежедневно «на питание», собирала, и, когда он переселился в общежитие, все отдала ему в руки. Вот так-то!

— Да, Володя, разные люди! Вроде бы и первая делала добро, но делала какое-то время, а потом потребовала за него плату и низвергла парня в еще худшие условия, чем у него были до знакомства с ней. Она скорее была не доброй, а, что называется, добренькой. А вот вторая, та — действительно, добрая! — заключила Юлия.

— Совершенно верно, малыш, — улыбнулся Курилов, и обнял ее за плечи.

— А вот еще случай, читала в нашей городской газете. Женщина с переломом ноги лежала дома. Протянула руку,

чтобы от зажигалки зажечь свечу на тумбочке у окна. В это время была очень сухая и жаркая погода. Зажигалка оказалась неисправна, и огонь, буквально струей, вылетел из нее. Вспыхнула занавеска, от нее загорелась штора... Еще несколько минут, и женщина сгорела бы, предварительно задохнувшись угарным газом. По улице в это время шла другая женщина, ничем героическим досель не отличавшаяся. Закрывшись полрой пальто, она открыла дверь частного дома и увидела полуобгоревшее тело, лежавшее на полу. Шагнув в огненное пекло, она за руку выволокла женщину во двор... Вот что заставило ее преодолеть страх, да еще перед огнем, когда и она могла вспыхнуть как факел, так как не было воды, чтобы облить себя, могла погибнуть под вот-вот могущим рухнуть перекрытием? И была она в жизни молчаливой, серьезной и достаточно строгой в обиходе, то есть не добренькой, а вот доброй была и есть, и доказала это своим поступком, когда нужно.

— Да, любить и быть любезным, делать добро и быть добреньким — это совершенно разные вещи,— согласился Андрей.

ГЛАВА 39

Происшествие в воздухе и целебный источник

«Любовь и добро,— подумал Курилов,— насколько они важны в жизни, и не только между людьми, но и между целыми народами...» И вспомнилась ему поездка на отдых в Нахичевань, тогда, сразу же по возвращении из Америки...

Когда они с Костей Федоровым, спортивного вида, сухопарым, ростом под два метра, лысоватым брюнетом в тонком бежевом костюме и солнцезащитных очках, занимавшимся проектными работами в небольшом частном бюро, вошли в зал ожидания Бакинского аэропорта, то сразу увидели Абаса Мамедова, среднего роста, худощавого телосложения мужчину, с черными с проседью волосами, не скрывающими боль-

ших залысин, и тонкими усиками, в летнем светло сером костюме, который нетерпеливо прохаживался по залу. Абас окончил математический факультет Московского государственного университета и уже долгое время работал в патрусевском Приборостроительном Бюро. Сблизили же их троих занятия спортом,— в частности футболом,— и баня. Кроме того у Абаса и Андрея была еще одна страсть — живопись, они коллекционировали картины.

После дружеских объятий друзья сели в машину и направились в гостиницу.

— Как долетели?— спросил Мамедов.

— Шутишь? Ты же знаешь, как я люблю летать...— ответил басом Курилов и поправил на носу затененные очки в золотой оправе. Он снял легкую парусиновую ветровку и остался в белой футболке поверх таких же брюк. Его примеру последовал и Константин, сняв пиджак.

— В общем, терпимо, Абас.

— А полетать еще сегодня придется, ребята! Ведь в Нахичевань теперь можно попасть только по воздуху — Армения не пропускает. Что творится? Столько лет жили в мире и дружбе, и на тебе!

— Комментарий, как говорится, излишни...— вздохнул Константин.

— Да, не будем о неприятном... Вот прилетим домой и покажу вам родные места, я ведь на Острове все знаю, до последнего камушка,— с улыбкой и с достоинством ответил Мамедов, проворно крутя баранку на повороте.

Баку был уже совсем не тот город, что несколько десятков лет тому назад, когда Курилов приезжал в командировку. Он с интересом смотрел по сторонам, с удовлетворением отмечая новое и то, как оно гармонично вписывалось здесь в старое. Федоров ни разу не был в Баку, и Андрей с удовольствием показывал достопримечательности из окна машины.

— А вы знаете, дорогие, как переводится на русский язык Нахичевань?— загадочно спросил Абас.

— Нет. А как?

— Страна Ноя...

— Правда?— удивился Курилов.

— Так еще жившие там древние мидийцы верили, что Ноев

ковчег причалил именно возле теперешней Нахичевани. Там Ной якобы и основал свое поселение. И жители города всерьез считают себя прямыми потомками Ноя... Вот так-то! — улыбнулся Мамедов.

...Выспавшись и плотно позавтракав в гостиничном ресторане, друзья отправились в аэропорт, чтобы лететь в Нахичевань.

Нахичеванскую область азербайджанцы называют Островом. Это оттого, что попасть в нее из-за Карабахского конфликта вот уже в течение пятнадцати лет можно только по воздуху. Стоимость билета зависит от того, кто ты — азербайджанец или иностранец. Россиян, и это приятно, здесь считают своими, поэтому билет для них, как и для местных, стоит примерно в шесть раз дешевле. В аэропорту проблем никаких не возникло и, пройдя регистрацию, друзья оказались в самолете. Картина внутри самолета «приятно» удивила Андрея и Константина. Все было очень похоже на поездку в переполненном общественном транспорте. В салоне разрешалось стоять, повиснув на принесенных с собой самодельных ручках. Девушки, как это водится в подобных условиях на земле, сидели на коленях у своих парней. Люди, в большинстве своем, видимо, привыкшие к подобным условиям, в ожидании взлета дремали. Когда прозвучала команда "Пристегнуть ремни!", все стоящие дружно сели на пол. Иностранцев можно было легко вычислить по выражению лица. Их в самолете оказалось трое. Увидев происходящее, они дружно бросились к выходу. Однако было поздно — люк уже закрыли и трап убрали. Иностранцы были на грани нервного срыва. О том, что они испытывали в течение всего полета, можно было только догадываться. Россияне, более привычные к разным жизненным коллизиям и экстремальным ситуациям, чувствовали себя увереннее.

Полет проходил нормально. Облачности не наблюдалось, и местность была видна, как на ладони. Внизу проплывали городки и аулы, горы и рощи, речки и озера. Это была территория Азербайджана, по которой разбросано множество историко-культурных и природных достопримечательностей. И Абас, хорошо знакомый с ними и их расположением в стране, увлеченно и с удовольствием рассказывал друзьям о тех, над

которыми они пролетали. Так незаметно самолет пересек Азербайджан и Карабах, и теперь летел над Арменией. Земля Армении тоже была прекрасна. Вот друзья увлеклись одним земным пейзажем и прильнули к иллюминатору.

И в этот момент что-то произошло с самолетом. Они ощутили резкий толчок и почувствовали, как самолет постепенно кренится влево. Винт с левой стороны крутился все медленнее, вот уже стали видны его лопасти и, наконец, он остановился совсем. А самолет все более кренился на бок.

— Граждане пассажиры!— прозвучало в динамиках.— Соблюдайте спокойствие! Произошла авария левого двигателя, и мы будем совершать аварийную посадку. Соблюдайте спокойствие!

Но в салоне началась паника. Сидевшие возле иллюминаторов, те, кто был покрепче, прильнули к стеклам. Те же, кто послабее, закрыли глаза и откинулись на спинки, стараясь, наоборот, не глядеть вниз. Многим стало плохо. Слышался плач маленьких детей, причитания женщин, стоны, кто-то молился. Ранее стоявшие все сели на пол и по их ногам и рукам кто-то в истерике пытался прорваться к пилотской кабине. Другие пытались пробиться к потерявшим сознание людям, чтобы предложить им лекарства. На иностранцев страшно было смотреть. Они сползли с кресел на пол, лица их были бледнее бумаги, губы плотно сжаты, а из глаз вот-вот должны были брызнуть слезы. Воздух в салоне был спертым, и остро пахло валерианой. Стюардесса робко пыталась успокоить людей и навести порядок, но это ей мало удавалось.

Самолет выровнялся за счет того, что летчики сильно кренили его с помощью рулей вправо.

— До Острова на такой скорости тянуть еще полчаса, если все будет нормально.

— Ой-ой!..— запричитала пожилая соседка.

— А почему мы не можем сесть здесь, в Армении?— спросил Андрей.

— Сесть-то можем, да вот взлететь вряд ли...— усмехнулся Абас.

— Шутники!.. Как не стыдно,— истерично крикнула молодая женщина сзади и заплакала.— У меня двое маленьких детей, мне их еще поднимать нужно! Как они без меня?!..

— Ты еще можешь шутить в такой ситуации,— то ли спросил, то ли сказал утвердительно Федоров.

— А что остается делать?

— Так почему летчики не хотят садиться?

— Потому, что азербайджанцы — летчики и пассажиры автоматически станут пленными, а самолет станет трофеем армянской стороны.

— Ты уверен?

— Я не то, что уверен, а знаю. Впрочем, азербайджанская сторона поступила бы точно также.

— Будь проклята эта война!..— сквозь зубы сказал седовласый мужчина впереди.

— Когда же это прекратится?— спросил Курилов. — Трудно сказать. Здесь нужна обоюдная воля. А после такой сверхсильной вспышки ненависти, какая была, этого трудно добиться,— ответил Мамедов.

— И это соседи...

— Да.

— А если не дотянем, Абас?— задал риторический вопрос Константин.

— Думаю, что, в крайнем случае, сядут в Армении...

Паника в салоне продолжалась. Иностранцы на ломанном русском требовали у стюардессы почему-то один парашют и махали в воздухе пачкой евро. У одного пожилого мужчины стало плохо с сердцем. Его супруга, сама еле державшаяся, пыталась домашними средствами что-то сделать...

— Не сдадимся на милость врагу! Дотянем до своих!— кричала небольшая группа видимо националистически настроенных молодых азербайджанцев.

А самолет тянул и тянул из последних сил, словно сам старался дотянуть до границы.

— Боже мой! Ведь я хорошо помню, как дружно жили армяне и азербайджанцы, и представители всех других национальностей в те, советские, годы в Баку,— вспоминал Курилов.— Тогда ежегодно происходили фестивали искусств Азербайджана в Армении и наоборот. И как радушно хозяева встречали гостей. И дружили-то ведь семьями! А сколько было смешанных браков! Ну, было кое-что на бытовом уровне, но не до такой степени. Куда все подевалось?

— Да, вдруг исчезло все, как по мановению волшебной палочки... — подтвердил Абас.

— Исходя из того, что сейчас происходит в мире, ясно, чья эта «палочка»... — нахмурился Федоров.

— Будем верить, что все восстановится, иначе и быть не может!— твердо заявил Мамедов.

Самолет завибрировал всей своей конструкцией, словно говоря: «Еще немного и я развалю-ю-ю-юсь! Садитесь, садитесь-е-е-есь! Главное — это жи-и-и-из-з-нь! Ну, хоть на какой-нибудь-у-удь нейтральной полосе-е-е-е, но уже нужно се-е-е-есть, сил моих больше не-е-е-ет!»

А до нейтральной полосы, то есть до границы, тянуть было еще минут десять. Самолет начал терять высоту.

— Мы садимся?!— закричали вокруг.

— Да, мы садимся,— ответила стюардесса, которая все время находилась в салоне с пассажирами.

— Она сказала неправду,— прошептал на ухо Андрею Абас.— Видимо еще одна неприятность.

— А, может быть летчики решили снизиться, чтобы сесть там, где получится, если не дотянут до границы?

— Может ты и прав.

А самолет все снижался и снижался. Где-то на высоте нескольких сот метров он выровнял траекторию и шел уже параллельно земле. В салоне изредка раздавались негромкие вздохи и стоны.

— Вот там уже граница! — показал Мамедов.

Друзья стали всматриваться в направлении, которое он указал, и в это время наступила полнейшая тишина. В другое время она была бы приятна, особенно после двух авиаперелетов менее чем за сутки. Но в воздухе такая тишина была неестественной и зловещей.

— Топливо кончилось,— прошептал Абас.

Видимо люди поняли, что означает отсутствие гула и вибрации. Поэтому тишина в салоне взорвалась новой паникой...

Самолет планировал над землей. Летчики пытались дотянуть до границы и одновременно выбирали место для более или менее благоприятной посадки, пусть хоть и на армянской территории. Люди прильнули к иллюминаторам, словно могли своей волей, своим желанием помочь самолету дотянуть

до границы.

Но он не дотянул. Летчики выпустили шасси, стюардесса дала команду пристегнуть ремни. Все, кто это не мог сделать, сели на пол. Через некоторое время резкие толчки дали понять пассажирам, что шасси самолета коснулись земли, и он покатился по местности. Самолет остановился метрах в двухстах от границы. Летчики быстро открыли люк и спустили висячую лестницу. Русским и иностранцам было предложено остаться в самолете, а азербайджанцы быстро выбрались наружу. Когда они оказались на земле, то поняли, что сделали это вовремя. К ним со всех ног, наперерез, вдоль границы, видимо, с погранпоста, бежали армянские военные и стреляли в воздух. Азербайджанцы, а вместе с ними и Абас (мало ли что взбредет в голову пограничникам, несмотря на его российский паспорт) с друзьями, бежали к границе. Сильные подхватили под руки слабых, детей несли на руках или плечах. Этот бег наперегонки мог бы стать юмористической историей, если бы нашим недавним воздухоплавателям не грозила плен в течение нескольких лет с длительным ожиданием обмена по очереди. И это не потому, что армянские военные такие плохие, а азербайджанцы такие хорошие. Сумасшествие, обуявшее две страны и до того дружно живущие по соседству народы, состояло в том, что с армянами могло произойти точно такое же, если бы они вот так же оказались на территории Азербайджана.

Желание спастись оказалось в итоге сильнее желания поймать. Все пересекли границу кроме одного мужчины, который неудачно подвернул ногу и упал. Его раньше успели подхватить под руки армянские пограничники.

К этому времени с поста подбежали и азербайджанские военные. Из самолета вышли оставшиеся пассажиры и наблюдали за происходящим. А с обеих сторон границы стояли две группы людей и ожесточенно бранились, угрожая друг другу жестами и оружием. В потоке злобы проскакивали азербайджанские и армянские ругательства, но в основном перепалка велась на общем для них языке. Отстаивая друг перед другом, как могли в данной ситуации, свои истинно национальные, как им казалось, интересы, они использовали *русский язык*.

А над ними, над тем, что происходило, и над всем вокруг

высилась огромная величественная синяя гора Арарат. И на фоне ее вся эта брань, такая значимая для ее участников, казалась мелкой и досадливой несуразностью, словно «коза» в носу у ребенка или досадливая муха в летнюю жару, которую можно просто прихлопнуть, и на этом вся досада закончится, да просто лень пошевелиться...

Курилов отошел в сторону и увидел мальчишку, подростка, стоявшего неподалеку.

— Эй, приятель, ты знаешь, кто такой Ной?

— Он не понимает по-русски,— заметив недоуменное лицо мальчика, сказал Абас, подошедший с Константином к Андрею..

— Вот так дела!— удивился Федоров.

— И много таких детей, не знающих по-русски?— заинтересовался Курилов.

— Много... В городе поменьше, там все-таки чаще общаются с русскими. А вот в аулах по-русски понимают только мужчины старше тридцати лет, да и то лишь служившие еще в Советской Армии.

— Понятно...— проговорил Андрей и, повернувшись ко все еще продолжающим браниться, сказал,— помнится ты еще в Патрушевске рассказывал о каком-то святом источнике. Почему-то вспомнилось...

— А-а... Да, есть у нас святой источник Эль Булаг. Ты не зря вспомнил... По преданию, когда пришла страшная болезнь, Ной ударил своим посохом, и из земли стала сочиться вода, которая оказалась целебной. Люди пили ее и защищались от эпидемии.

— Вот и от этой бы эпидемии найти источник, да окропить бы его целебной водой этих безумных!— сказал Константин.— Здоровое национальное чувство и безумный национализм — совершенно разные вещи.

— Да, Костя!— воскликнул Мамедов, отворачиваясь от поля брани и увлекая друзей за собой подальше от этого места.

В отдалении виднелся аул, и друзья направились в ту сторону. Ругань за их спиной стихла и пассажиры, сопровождаемые пограничниками, также направились к аулу.

— Есть такой источник, друзья!— после некоторого молча-

ния сказал Абас. — Ведь все началось, когда и в Азербайджане, и в Армении большинство людей мысленно отвернулись от России, от русских.

— Ты имеешь в виду, что Россия является для народов Армении и Азербайджана таким целебным источником от этой болезни?— спросил Курилов.

— Да, именно она всегда являлась и является объединяющим фактором. Только Россия может стать тем Ноем, который спасет, стать тем целебным источником, который исцелит народы, живущие с нею в одном геопространстве, от вражды.

— И при этом они могут сохранять сколько угодно своей государственной независимости!— сказал Федоров.

— Да! К этому все идет! Выстраивание экономических связей между фирмами и предприятиями, создание совместных предприятий, экономические связи между частными лицами. Все это вначале отдельно с Россией, а затем и тройственные связи через Россию, и далее — между собой,— продолжал Абас.

— Вплоть до таможенного союза и единого экономического пространства,— подхватил Курилов.

— Да! И вплоть до духовных и культурных связей между отдельными людьми, коллективами и древними и бесценными армянским и азербайджанским народами,— продолжал Мамедов.— Ведь древний — синоним мудрого. А мудрость есть не что иное, как мир и любовь!

ГЛАВА 40

Путешествие с отвлечением на петушинные бои

Вечером друзья вместе с другими пассажирами потерпевшего аварию самолета отдыхали в ауле. Пострадавших принимали хорошо, накормили и оказали необходимую медицинскую помощь. Стоял ясный и теплый летний вечер, и все собралось у чайханы. Пограничники подробно расспрашивали о происшествии в воздухе и об инциденте на земле. Местные

жители, которым тоже все было интересно, окружили гостей и военных, сидящих на лавках, и с интересом слушали. Когда же все было рассказано, они разобрали людей на ночлег.

На следующий день, отдохнув и хорошо выспавшись, друзья отправились на рейсовом автобусе в Нахичевань. Аул, в котором они ночевали, находился недалеко от заповедника Шахбу, рядом с дорогой, некогда соединяющей Азербайджан с Нахичеванью. Из окон полупустого автобуса были видны величавые вершины неприступных гор, бархатистые и узорчатые невысокие скалистые гряды и плоские, почти без растительности, равнины. Несмотря на утро, температура воздуха снаружи уже была около тридцати пяти градусов в тени. Однако благодаря низкой влажности такая температура воспринималась легко.

Чем дальше ехали наши путешественники, тем больше им встречалось растительности. А по всему пути они видели живописные руины, остатки древних городов, башен, крепостей и мавзолеев. Широкое и ровное шоссе вело, казалось бы, к самому Арарату, в сизой дымке мощно возвышающемся впереди. Время за любованием пейзажами пролетело быстро, и вот автобус уже подъезжает к областному центру.

Нахичевань — город в горах. Поэтому видов снежных вершин и кристально чистого воздуха здесь более чем достаточно. Но огромная синяя гора Арарат, буквально висящая над городом, впечатляет более всего.

— Нахичевань, как я уже вам говорил, по преданию — страна Ноя, — обратился к друзьям Абас, когда они вышли из автобуса и направились к его, припаркованной невдалеке машине. — Но если бы библейский праведник увидел сегодняшний город, то был бы поражен.

Машина неспешно катила по улицам города. Андрей и Константин наслаждались кондиционированным воздухом и смотрели по сторонам. Из окон, и впрямь, было видно, как изображения баранов времен язычников, средневековые мечети, персидского стиля дворцы и мавзолеи властителей, драматический театр, построенный в позапрошлом столетии, тесно соседствовали со зданиями сталинских, хрущевских и

брежневских времен, сооружениями современного периода, с пристроенными, стоящими на железных трубах-сваях балконами.

— Да, приличный винегрет...— сказал Курилов и добавил,— но мне нравится.

— Главные культурные достопримечательности у нас — мавзолеи,— продолжал Мамедов.

— Подожди, насчет мавзолеев, Абас,— перебил друга Андрей.— Меня заинтриговало предание о связи этих мест с Ноем.

— Да и меня, признаться, тоже,— присоединился к Курилову Федоров.

— Понял. Вы, как и многие, кто слышит об этом, втайне лелеете, наверное, надежду увидеть хоть кусочек Ноева ковчега. Таких искателей — любителей всего таинственного — в городе хватает, в основном это, конечно, иностранцы — европейцы и американцы.

— А местные жители не интересуются?— продолжал расспрашивать Андрей.

— Хозяева питейных заведений и те, кому нечего делать, могут днями рассказывать туристам о великом праотце. И, как в России говорят, на голубом глазу указывают даже, где ковчег остановился и в какой пещере спрятан.

— Даже так?!

— Ты же знаешь — где спрос, там и предложение.

— Понятно...

— Но в каждой сказке есть доля истины.

— У нас еще говорят, что дыма без огня не бывает!— улыбнулся Константин.

— Да, да!— засмеялся в ответ Абас.— Рассказывают еще и о том, что библейский праведник сотворил в Нахичевани много целебных источников.

Когда машина остановилась у светофора, Курилов через открытое окно снова в шутку спросил у стоящего неподалеку мальчишки:

— Эй, парень, а ты знаешь, кто такой Ной?

Тот молчал.

— Этот тоже не понимает по-русски,— улыбнулся Маме-

дов.

— И даже в столице области молодые люди не знают русского? А много здесь таких, не знающих языка?— спросил Федоров.

— Хватает...

— Ясенько!..

Они ехали по улице с аккуратными, выкрашенными в пастельные тона домиками.

— А как сейчас живется тут?

— Тяжело, Андрей, тяжело...— вздохнул Абас.— Работы мало, нет газа и электричества, зато много свободного времени. И люди занялись традиционными народными промыслами. Но и безделья хватает, а это плохо.

— Это везде плохо, Абас,— согласился и одновременно посочувствовал Константин.

— Да, это так...

Наутро друзья отправились в Карабаглар. Вдыхая через открытые окна машины невысокой влажности чистый горный воздух,— то, что нужно для здоровья Курилова,— они наслаждались красивыми видами горной страны.

По пути путешественники заехали отдохнуть и позавтракать в придорожный аул. Стояло еще раннее утро и, как обычно, младшие женщины в домах вовсю подметали дворы. Остальные женщины топили печи, готовили еду, разду раздували самовары, стирали и занимались с детьми. Мужчины все уже были в центре аула. Две дороги, пересекаясь, образовывали небольшую площадь с магазином, ларьками и чайханой. Здесь жители аула обсуждали различные вопросы, делились как местными, так и теми новостями, что доставляли газеты, радио и телевидение, и между «делом» до самого вечера пили чай и играли в нарды и домино.

— Это все развлечения местных?— спросил Курилов, когда они сидели в чайхане.

— Нет, не все. Есть еще шахматы и бои,— ответил Мамедов.

— Что за бои?

— Петушиные и собачьи.

— О! Я уже хочу посмотреть,— заинтересовался Федоров.

— Интересно...— присоединился к нему Андрей.

— Ну что ж, поговорю с местными...

Через некоторое время они узнали, что как раз сегодня в соседнем ауле должен состояться петушиный бой. Друзья, не долго думая, сели в машину и через двадцать минут уже стояли в кругу зрителей, расположившихся вокруг ровной вытопанной площадки, политой водой, чтобы не было пыли, где важно вышагивали, присматриваясь друг к другу, два петуха — один черно-красный и второй совершенно белый. Но вот подбадриваемые хозяевами петухи бросились друг на друга. Зрелище было малоприятным. Дрались они, используя разные приемы. Вот белый схватил противника клювом за голову, удерживая ее, подпрыгнул и сильно ударил ногами по голове врага. Не прошло и пяти минут, как тот же прием использовал и черно-красный боец. Особо удачные боевые приемы приводили зрителей в неистовство, они кричали — «Молодец!» и шлепали ладонью о ладонь. Иногда петухи били друг друга одновременно, затем отвалившись в стороны, быстро вставали и вновь били до изнеможения. Главной задачей их, видимо, было клювами и когтями вырвать у противника глаза и куски мяса...

Жестокое и кровопролитное зрелище длилось несколько часов и вызывало сильно негативные эмоции. Раззадоренные смертельной схваткой петухов их владельцы, не дожидаясь окончательной победы одной из птиц, вступили в бой между собой. Владелец красно-черного петуха, Рустам, бросился на Махмуда, крича, что тот незаметно дал своему белому «гладиатору» склевать какое-то зернышко, наверняка, допинг. Махмуд кричал в ответ что-то оскорбительное для Рустама, судя по реакции последнего. Но криками и ругательствами дело, к сожалению, не ограничилось. Мужчины вцепились друг в друга, как разъяренные петухи, рвали одежду, наносили удары. Вот уж действительно, с кем поведешься, от того и наберешься.

Зрители же вместо того, чтобы разнять дерущихся рядом с продолжавшими бой петухами, смеялись, подзадоривали мужчин, выкрикивая азартные слова, и громко комментирова-

ли перспективы соперников на победу.

Видно было, что Абасу стало стыдно за своих соплеменников. Он отошел в сторону и, молча, курил, глядя на высившийся над всем этим безобразием Арарат.

Курилов и Федоров, разочарованные и немного возбужденные увиденным, подошли к нему и тоже закурили.

— Вообще-то, данный случай — исключение, обычно петушинные бои проходят культурно, без ругательств и драк... — первым нарушил молчание Абас. — Не напоминает ли вам все это азербайджано-армянский конфликт? — спросил он.

— Очень даже напоминает! — отозвался Андрей.

— Да, хорошая иллюстрация! — сказал Константин. — Так и ультра-националисты с обеих сторон, затеяв драку, подобно этим петухам, спровоцировали народы не только на бытовую вражду, но и на смертоносную современную войну.

— Тем более, что у обоих народов еще была жива память о страшной вражде, которая также была раздута между ними в десятилетия-двадцатые годы и многократно усиленна происшедшей в 1915 году в Турции тотальной резней армян, — добавил Курилов.

— Да, все это так... — согласился Мамедов. — Про отношение азербайджанцев к армянам и наоборот можно долго рассказывать. Противоположную сторону вспомнят в негативном плане чуть ли не в каждом разговоре продолжительностью более десяти минут. Причем, сила злобы поражает. Послушать и азербайджанцев, и армян, так противники — суть дьяволы во плоти, повинные во всех возможных грехах и преступлениях. А то, что сами творили, сколько крови на их собственных руках либо вовсе не обсуждается, либо свои действия безоговорочно оправдываются!..

В это время женщины, прибежавшие на яростные крики, стали разнимать дерущихся мужчин и разгонять зрителей по домам. Делали они это, видимо, не впервой, так как все получалось деловито и быстро. Со стариками подошел и мула. Он тоже что-то говорил, увещевая и взывая, видимо, к покаянию и молитве.

Через некоторое время все успокоилось. На арене все же осталось бездыханное тело красно-черного петуха с разор-

ванным горлом. Видимо, под шум драки между владельцами белый петух добил своего соперника. Судить о его собственном состоянии было нельзя, так как хозяин унес с поля боя.

— То, благодаря кому закончилось все безобразие, тоже очень наглядно,— прокомментировал Абас.

— Да, женщины и священнослужители с обеих сторон — наиболее прагматичная и здоровая часть населения. Но они смогут только развести враждующие народы по домам, не больше...— подхватил Федоров.

— В корне же все отношения могут измениться только через Россию...— добавил Андрей.

— Если только Россия, как мы с вами сегодня, не будет стоять в стороне, не будет зрителем. Мать ведь всегда остается матерью, независимо от того, как ведут себя ее дети и как они относятся к ней!

— Да, Абас, ты прав!— согласились друзья.

ГЛАВА 41

В хороших местах и мысли хорошие

Машина катила по проселочной дороге, ведущей в сторону Карабаглара. Мамедов прекрасно знал дорогу, и потому свободно общался с друзьями. Так за непринужденной беседой они не заметили, как подъехали к одному из самых сокровенных мест Нахичеванской области в районе деревни Юрт-Чу, что между долиной реки Аракс и закавказскими хребтами.

— Смотрите, какие здесь скалы! Они ровные и гладкие, похожие на пирамиды. В этом краю глубоко верят, что это, действительно, пирамиды, и в них покоятся останки сынов Ноя.

— Снова он! Такое впечатление, что все в Нахичеванской области связано с ним...— воскликнул Константин.

— Так ведь — страна Ноя,— засмеялся Абас.

Друзья вышли из машины. Действительно, скалы вокруг очень походили на пирамиды. А над ними, словно наблюдая за всем, стояла бледно-синяя величественная и бесстрастная гора, царившая над всей этой загадочной и до конца не познанной страной.

— Такого Арарата не увидишь больше нигде — ни в Турции, ни в Иране. Там гора все время скрыта в облаках. Здесь же ее ледяная вершина хорошо наблюдается со всех точек.

— Да, зрелище неповторимое! — сказал с восхищением Курилов, когда они снова сели в машину.

— У нас тут есть еще одно замечательное место — это скала Джамга, что переводится на русский как корабль, — сказал Мамедов. — Люди спорят: либо происхождение названия связано с формой скалы, напоминающей корабль, либо это — то самое место, где остановился ковчег Ноя. А по дороге к этой горе находится мавзолей Карабаглар, куда мы с вами и направляемся.

Они тронулись в путь и продолжили любоваться пейзажами и интересными видами. Вот пасется красивая стройная лошадь с белой отметиной на лбу, привязанная к раскидистой иве и мерно жующая сочную зеленую траву. Полюбовались и игрой света, и тени в небольшой дубовой рощице. Их внимание привлек большой, покрытый яркой зеленью холм, над которым висело неимоверной глубины голубое-голубое небо...

— Вот мы и подъезжаем к мавзолею Карабаглар, — сказал Абас.

— Это то строение, что мы видим вдали? — спросил Курилов.

— Да.

Они припарковались и уже через полчаса в сопровождении экскурсовода подошли к мавзолею.

— Многие говорят, что это странного вида сооружение похоже на станцию инопланетян, — начала свой рассказ экскурсовод Зульфия. — Вы не находите? — с улыбкой спросила она.

— Интересное сравнение, — в тон ей отозвался Федоров.

— Некогда в этом месте был крупный город, который располагался на пути из Нахичевани в Ереван. Он утопал в садах и был знаменит многими впечатляющими сооружениями.

— Да, на самом деле, сохранилось все неплохо, — согласился Андрей.

— О, если бы! Так кажется издалека. А подойдем поближе, увидите сами, сколько проблем.

— Однако производит впечатление, — поддержал друга Конс-

тантин.

— Да, здания ансамбля и теперь впечатляют. Хотя, если судить по особенностям стиля и строительной техники, мавзолеей относится к XIV, а минареты — к XII веку.

— Я обратил внимание на облицовку. Умели делать древние мастера, сейчас так уже не смогут... — признал Курилов.

— Вы совершенно правы.

— Да, действительно, очень красиво, — согласился Федоров.

Друзья под руководством Зульфий полюбовались орнаментом и облицовкой, терракотой на бирюзовом фоне и терракотовыми плетениями, когда белый цвет, бирюза, темно-синий фон и золотистые вкрапления создают неповторимое впечатление. Полюбовались склепом, нишами по сторонам центрального квадрата, зеркальным сводом, сталактитовым карнизом, внутренним куполом, минаретами.

Экскурсия закончилась, путешественники поблагодарили Зульфийю за содержательный профессиональный рассказ, попрощались и, немного отдохнув в тени раскидистого дуба, отправились в обратный путь. Он был не совсем обратным, так как Мамедов сделал изрядную дугу, чтобы показать друзьям все прелести райского уголка этого края: отбрасывающие густую тень вековые чинары, источники живительной ключевой воды, красивые фруктовые сады. Все это — на пути к расположенной недалеко деревне Карабаглар, аккуратные домики которой приветствовали наших путешественников, блестя на солнце черепичными крышами и выкрашенными в белоснежный цвет стенами. Местные жители, видимо, бережно относятся к своим жилищам и земле вокруг них — нигде не встретишь мусора или «остатков» пикника.

— Вот и получается, что изоляция Нахичеванской области поспособствовала значительному возрождению национальной культуры и традиций. В аулах стали возрождаться и развиваться вековые ремесла. Это, безусловно, положительное явление. Однако все это должно подкрепляться экономикой, без чего все бесперспективно, — делился с друзьями Абас.

— Полностью согласен! — воскликнул Андрей.

— И возрождение, — продолжал Мамедов, — может смениться деградацией, в том числе и культурной. Такова судьба

тех, кто «варится в собственном соку».

— А разве возможно что-то иное в тотальном вражеском окружении?— развивая тему, спросил Константин

— Правильно на сто процентов, дорогой Костя!— воскликнул Абас.— Поэтому так важно свести на нет эту безобразную, бессмысленную и просто непотребную вражду.

— Экономика сейчас важнее всего для области.

— Да, Андрей! Лучше взаимовыгодно сотрудничать, чем враждовать, согласен.

— И наладить это, я думаю, нужно, прежде всего, между Нахичеванью и Арменией, а далее уже и между Арменией и Азербайджаном,— сказал Курилов.

— Так это понятно!.. Но как? — задался вопросом Федоров.

— Через Россию, вернее через российскую государственную посредническую компанию. Только так можно сейчас тройственно наладить торговлю и производственные связи. А потом постепенно перейти на прямое сотрудничество. И мотивировка прекрасная — напрямую ведь дешевле,— продолжал Андрей.

— Хорошая идея!— поддержал друга Мамедов.— И начать можно с полезных ископаемых. Тут в области есть три важных месторождения травертина кремового цвета, карьеры твердого черного, серого и значительные запасы розово-кремового известняка, декоративные конгломераты и месторождение мрамора.

— Вот! Есть над чем подумать, благо цель-то какая, пусть и в перспективе!— и немного помолчав, Курилов высказал давно жившее в его душе чувство:— Каким все же светлым и замечательным достоянием была дружба между народами в нашем старом добром Советском Союзе!

Друзья обменялись крепкими рукопожатиями и, сев в машину, продолжили свой путь.

ГЛАВА 42

Встреча в Болгарии. Продолжение давнего спора

— Ну что, доигрались, уважаемый Михаил Григорьевич?— съязвил Павел Иванович, обращаясь к бывшему доцен-

ту вместо приветствия.

— Да причем здесь я? Мы, кадеты, всегда хотели, чтобы все произошло культурно, интеллигентно. И к тому же эта революция — вовсе не наша, она отличается от того, что мы хотели, как земля от неба!

— Да, да... Поэтому вы и уехали одним из первых сразу же после разгона Учредительного собрания — с земли прямо на небо, ха-ха!.. Мы уже слышали об этом не раз... Но вы и подобные вам, уважаемый Михаил Григорьевич, разожгли этот самый костер, который и спалил в итоге все! И вот мы здесь, в гостеприимной болгарской В. — и с чем?

— Ну, понятное дело, теперь, Павел Иванович, все будете валить на нас, кадетов! А что касается отъезда, так и сами съехали ведь, ну, не сразу, положим, но и не дожидаясь конца борьбы. С Деникиным же из Новороссийска в феврале 20-го, извините, драпанули, сами рассказывали... А ведь многие — не в пример нам — еще надеялись и на барона, и на адмирала, и до сих пор некоторые ждут, надеются и верят, ха-ха, ха-ха!..

— Вы знаете, я человек мирный и не склонен к резким заявлениям,— продолжал Павел Иванович, как бы не замечая выпада Заянчицкого.— Но теперь говорю: вы и есть поджигатели, породившие еще больших поджигателей — эсеров, которые совершили две революции и подготовили третью, чем благополучно и воспользовались большевички!

Они стояли на площадке у лестницы, ведущей вниз, к длинному и широкому белому песчаному пляжу, расстилавшемуся далеко вдоль ровного берега, переходившему, где кончался песок, в покрытые негустой, уже пожухлой в эту позднюю пору, зеленью горы, с возвышающимися прямо из воды голыми скалистыми уступами.

За спиной, со стороны храма раздался звон колокола. Собеседники обернулись. Пятиглавый храм из светло красного кирпича с сияющими на солнце золотыми куполами и увенчанной таким же куполом не очень высокой колокольней красовался на холме, возвышаясь над окружающими его постройками.

Этот город на берегу моря стал приютом для большей части из тридцати пяти тысяч русских эмигрантов — солдат

и офицеров врангелевской армии, тех, кому удалось эвакуироваться после разгрома, переброшенных из военных лагерей Турции, и штатских беженцев, гонимых ужасами Гражданской войны. Здесь оказались ученые, журналисты, писатели, художники, актеры, режиссеры и люди других специальностей — в общей сложности, около семи тысяч интеллигентов. Первые эмигранты прибыли в В. на известном пароходе «Витязь» 25 декабря 1919 года. Среди них были и наши знакомые — Соловьев и Заянчицкий. Ныне же, в 1922-м году, люди достигали В. разными путями: кто-то из Штеттина, куда были доставлены из Петрограда на двух «философских пароходах» в октябре и ноябре 1922 г., а кто-то так же по морю из Одессы и Новороссийска или поездом через Румынию.

Обустройством беженцев, начиная с первостепенных нужд, занялось Славянское общество и Болгарский Красный Крест. Средства на это выделили также Совет российских послов в Париже, Всероссийский Союз Городов и Всероссийский Земский Союз.

29 января 1920 г. в Софии с активным участием болгарской общественности была создана первая совместная организация — Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет. Он взял на себя заботу о прибывающих беженцах, собирал средства, создавал пункты питания, решал жилищные проблемы и прочее. Руководителем комитета стал известный болгарский русофил и славянофил архимандрит Стефан, будущий болгарский экзарх...

— Павел Иванович, смотрите, а не Земсков ли там стоит? Смотрите, смотрите, вон там!.. — и Заянчицкий показал вниз, в сторону ближайшей пляжной беседки. Он был весьма рад переключить разговор на другую тему — достали его правые, и он никогда бы не подошел к такому человеку, как Павел Иванович, без риска оказаться в центре ругани и даже драки, если бы они не были родственниками. — Наверное, прибыл пароходом?

— Похоже, он... — Павел Иванович, сняв шляпу, поднял руку с ней высоко над головой и стал махать, пытаясь привлечь внимание Земскова.

Наконец, Николай Иннокентьевич заметил их и, протиски-

ваясь сквозь толпу, стал подходить. Заянчицкий, чувствуя себя в меньшинстве и не желая вновь вступать в схватку, — а она, он чувствовал, была неминуемой, — сделал попытку удалиться.

— Простите, Павел Иванович, я вспомнил — мне нужно...

— Да бросьте, что вам нужно? Что нам вообще сейчас нужно? Одному Богу это известно, — говорил он, слегка удерживая за руку Заянчицкого. — Оставайтесь, может быть, Николай Иннокентьевич знает, куда лучше податься в Европе? Ведь нас, как понимаете, нигде не ждут.

— Рад видеть! — коротко и по-простому поздоровался Земсков.

— Пароходом прибыли, Николай Иннокентьевич?

— Нет, поездом из Штеттина до Софии, а оттуда сюда также местным поездом.

— А, так вы на «философском пароходе» из России?

— Да, 16 ноября на пароходе «Preussen» из Петрограда. Всего на двух пароходах, в том числе Oberbürgermeister Накеп, нас, «пассажиров», сто шестьдесят человек было. Ну, а сюда, в В., почему? — Понимаете, здоровье подкачало. Врач в Штеттине сказал, что мне показан средиземноморский или черноморский климат. А тут с оказией в Германии был поручик Николаев...

— А, да, да...

— Он рассказал про вас, ну, я и решил направиться сюда, в В., к родственникам.

— А семья здесь, с вами? — спросил Соловьев.

— Конечно, Екатерина Владимировна и Дима с Леной сейчас на квартире.

— Мы вот с Михаилом Григорьевичем хотим посоветоваться с вами, куда податься в Европе, не пропадать же в этой дыре! Тем более что моим Пете и Володе уже двадцать два и девятнадцать соответственно, им бы образование получать, да где там со всей этой кутерьмой. Владимир даже гимназию не закончил. Полина Ивановна тоже переживает.

— Мой Кирилл успел университетский курс закончить, а Николай нет, и Лидочка свои Высшие женские курсы — то же не успела. Им нужно завершить образование, а старшему

бы хорошую работу найти... Ваши-то как?

— Мои еще малы, по сравнению с вашими. Дмитрию — тринадцать, а Елене — одиннадцать. В Петрограде они учились, но этот год — пока определимся и обустроимся более-менее — для учебы потерян.

— Так куда вы думаете ехать?— вернулся к своему вопросу Павел Иванович.

— Думаю так. Хоть мне и полезен местный климат, но подлечусь немного и в конце следующего лета — в Париж.

— Почему именно туда?— почти одновременно спросили Заянчицкий и Соловьев.

— Там больше возможностей для нас и детей.

— Наверное, и мы с вами,— проговорил Михаил Григорьевич.

Родственники немного помолчали.

— Объясните нам, Николай Иннокентьевич, чему мы обязаны появлению в русской истории такого феномена, как «философские пароходы»?— «взял быка за рога», видимо, давно желавший задать этот вопрос Соловьев.

— Что бы там ни говорили, но подлинная причина одна — неуверенность большевистского руководства в крепости своей власти. Ведь после введения НЭПа, сменившего, как известно, военный коммунизм, и разрешения в сфере экономики, пусть и не полностью, но рыночных отношений и частной собственности, появилось желание и свободы слова, и общественных свобод, и общественно-политических движений... А накануне начались массовые забастовки профес- соров и преподавателей.

— Понятно... А мы вот тут спорим, Николай Иннокентьевич, о роли кадетов.

— Мг... мг...— полуотвернувшись, прореагировал Михаил Григорьевич.

— Бросьте друзья! Опять вы за свое?

— А вы что же, Николай Иннокентьевич, переменили свои взгляды и кадетом, либо, не дай Бог, эсером заделались?— воскликнул Соловьев.

— Нервы, нервы, Павел Иванович... Ну кто мог подумать, что они у вас так сдадут? Вы же всегда были спокойным и уравновешенным?

— Будешь тут спокойным и уравновешенным при таком разво-

вороте событий! Мы же с вами не на даче у Михаила Григорьевича, не у меня, бывшего статского советника, в кабинете и не у вас в питерской квартире беседуем, правильно?

— Что пенять на то, что случилось и искать виновных? Придет время и история всех и все расставит по местам. Когда организм охвачен смертельной болезнью, не тратят время на поиски причин и виноватых, а применяют все средства, чтобы победить болезнь.

— Правильно Николай Иннокентьевич! Нужно раздавить эту гидру большевизма, как заразу!— обрадовался, что нашел единомышленника, Заянчицкий.

— Нет, уважаемый Михаил Григорьевич, вы меня неправильно поняли. Зараза, инфекция, коль уж зашла речь, а меня можно не так понять,— это как раз ваши единомышленники и, вообще, все, кто разжигал это бесовство на протяжении более чем полувека. Есть мнение и оно довольно основательное, что русская революция началась в 1825 году. Вот она — болезнь! Но, как я уже сказал, не об этом сейчас речь,— и, видя, как скукожился Заянчицкий, слыша эти слова и принимая их лично в свой адрес, Земсков добавил.— Но еще раз — история рассудит и вынесет свой вердикт. А слова одного из лидеров эсеровских,— как бишь его?— нет, не помню... ну, так и Бог с ним!— о том, что большевистский переворот есть самая удачная форма контрреволюции — верны, как никогда. Лечение организма от страшной инфекции путем введения карантина уже началось. И большевики — я это ясно понял, господа,— именно те «санитарные врачи», которые его, этот самый карантин, осуществят.

— Николай Иннокентьевич, креста на вас нет! Побойтесь Бога! Что вы такое говорите? Большевики — Троцкий с Камeneвым и Зиновьевым что ли — врачи для России?! Да такая мысль никому и в горячем сне придти не может!— возмутился Павел Иванович.

— Ну почему?... Россия наша,— хоть и не совсем Восток,— но, тем не менее, дело тонкое...

— Я от вас ждал любых обвинений в свой адрес, но подобного заявления и подумать не мог услышать!— распрямив до того сутулую спину, с саркастической усмешкой сказал Заянчицкий.

С моря подул восточный ветер. Он принес с собой свежий запах, какой можно почувствовать лишь вблизи от кромки воды или во время шторма. Солнце поднялось высоко и находилось в зените.

— Господа! Болезнь, которая поразила Россию, страшная. Бог свидетель, она грозит распадом тела страны и гибелью ее души. Снизу доверху все заражены ею. Как в человеческом организме при смертельной инфекции, когда клетки — носители заразы, — попадая в сердце, органы, нервные центры и мозг, разрушают тамошние клетки и обрекают тем самым все тело на гибель, так и в случае страны, которая также является своеобразным организмом, по сути, происходят те же процессы. И, как в случае с пораженным страшной болезнью организмом, единственно верным решением является изоляция его, то есть карантин, то же самое необходимо и стране. В условиях такого карантина в «зараженной стране» все «перебаливают» — проявляются в жизни — в соответствии с той «инфекцией», которую они в себе несут, перебаливают, кто как может. И придет время, когда в соответствии с этими проявлениями, «организм», то есть страна, решит, какие «клетки» ему нужны, а какие нет. Процесс исцеления долг и сложен, — задумчиво проговорил Земсков, глядя куда-то вдаль, поверх голов своих собеседников.

— Так что же вы, если так все понимаете, сами-то не остались «перебаливать», а, извините, высказывались, за что и были депортированы?

— Одной половиной сознания понимаешь — тут бы и молчать, как говорится, в тряпочку, — но другая половина приучена к свободе волеизъявления, то есть к свободе языка, господа, вот и... А большевики знают свое дело крепко и не догадываются о том, о чем я догадываюсь. Поэтому я, скрепя сердце и с болью в душе, здесь.

— Да, нет, Николай Иннокентьевич, ничего уже хорошего в России не будет, гибнет она окончательно, и никто ей уже не поможет... — потерянно проговорил Павел Иванович.

— Ну что вы, господа, в самом деле, опомнитесь! Большевики кончатся через год, от силы два. А если не кончатся сами, европейские державы им в этом помогут, а заодно и Россию цивилизуют! — патетически, выставив вперед грудь,

заявил Михаил Григорьевич.

— Мг, помогут, цивилизуют... Захватят и сделают сырьевым придатком. Вот их цель!— как только вы этого не понимаете? А карантин тем хорош, что он не только внутри все под контролем держит, но и извне враждебное организму не пропускает, пока тот не выздоровеет, не встанет на ноги, не станет дееспособным и самодостаточным.

— И откуда вы такой умный? И это все, откуда у вас?

— Слушайте, Павел Иванович, и думайте, потом может пригодиться. И вы, Михаил Григорьевич. Кто знает, все в жизни меняется, и парадигмы тоже...

ГЛАВА 43

Книга. Начало противостояния

В одной из мансард на парижском Монмартре, далеко за полночь, под ярко горящей всеми лампочками люстрой склонился над столом седовласый мужчина. Это был наш старый знакомый, Николай Иннокентьевич Земсков.

Он дописал лист, медленно положил его под стопку таких же листов, большим белым параллелепипедом возвышавшуюся над письменным столом, и, как бы вернувшись в действительность, оглядел комнату. До сих пор не мог привыкнуть к ее скромной — стол, два стула, кресло, небольшой книжный шкаф, камин, рядом с которым была дверь в спальню, где сейчас спала жена, — в отличие от прежней, петербургской, обстановке. А с другой стороны, ничего не отвлекало, все помогало сосредоточиться на работе, которой он отдавал сейчас все свое свободное время. И вот труд нескольких лет жизни, начатый еще в Петрограде, где он в последние годы перед революцией преподавал на кафедре русской истории историко-филологического факультета, был почти завершен. Он чувствовал опустошенность в душе, как при надвигающемся неминуемом расставании с верным, хорошим другом — и понимаешь, что надолго, если не навсегда, очень не хочешь этого, но ничего уж поделать нельзя. И его тянуло вновь окунуться в страницы исписанные аккуратным каллиграфическим почерком, — окунуться в века, которыми они дышали, и, может быть, най-

ти в тех временах нечто, еще никем до тебя нынешнего не найденное, даже тобой прежним.

Не вставая, Николай Иннокентьевич сладко потянулся, откинулся на спинку массивного дубового стула, гармонично сочетавшегося с таким же столом, но затем все же встал и подошел к окну. Стоял ненастный осенний вечер одна тысяча девятьсот двадцать четвертого. Вот уже почти два года как они с женой, Екатериной Владимировной, после той знаменитой высылки в 1922-м году из России на «философском» пароходе, среди других преподавателей вузов и гуманитариев, и непродолжительного пребывания в болгарской В. обосновались в Париже и жили, прямо скажем, скудно, на гроши от его уроков. Ведь в свое время, когда началась война, они, вняв призыву государя, как и большинство соотечественников, имевших средства в зарубежных банках, перевели их в банки российские. А в 17-м, между двумя революциями, не сделали наоборот, как другие. Вот и остались теперь без средств к существованию, когда на собственном опыте познаешь, каков он конфликт сознания и подсознания. Как у того вегетарианца, который мечтал о полном отказе человечества от мяса, а его самого по ночам преследовал один и тот же сон — как он смачно вкушает сочную баранью ногу... Но, тем не менее, жить по обиде нельзя, и Николай Иннокентьевич был рад тому, что имел возможность заниматься любимым трудом. Земсков, устало выдыхая, провел узкими, длинными, неровными пальцами по бледному лицу.

Вернувшись к столу, он пододвинул рукопись к себе и наугад открыл ее.

Перед ним предстал Иерусалим в то жаркое лето, буквально висевшее над древним городом в день Пятидесятницы. Тогда не было еще ни Восточно-Римской империи, которая по-гречески называлась Константинополя, а среди западноевропейцев — Византия, ни христиан в городе Рима, ни тем более Римского папы, а Христианская Церковь уже была. И зародилась она именно в тот день, в Пятидесятницу, в тройных рамках: еврейского народа, греческой культуры и Римского Государства. И это была Церковь, в которой изначально «...нет ни Еллина, ни Иудея, ... варвара, Скифа, раба, свободного, но все

и во всем Христос».*

Лист за листом переворачивал Николай Иннокентьевич рукопись. Перед глазами его проходили образы мучеников, начиная от первого, от архидиакона Стефана, побитого камнями еще в Иерусалиме. И так два с половиной века по всей территории Римской империи — гонения и казни, гонения и казни... До самого 313 года, когда миланский эдикт дал христианам свободу.

Земсков окунулся в рукопись и стал читать:

«Когда же Христианство получило статус государственной религии, евангельский путь спасения обретает величайшее значение, становится внутренним содержанием всей жизни Империи. Со временем произошла перестройка всех планов, уровней и подуровней, всех граней жизни языческой цивилизации в христианскую. Произошло великое соединение идеи о спасении со свежей энергией новообращенных, произошло зачатие нового человечества. И, ставя веху начала новой жизни, равноапостольный император Константин устраивает новую столицу, Второй Рим на Востоке Империи. Так начался новый цикл римской государственности...

И далее, на протяжении своей истории Византия обращает в Православную веру, а заодно воспитывает и культурно просвещает многие народы, в том числе славян, и среди них русских, давая им самое правильное, истинное Знание о Боге, о мире и о спасении как цели жизни...»

Земсков оторвался от чтения. Он мог и не глядеть в текст, ибо наизусть знал его содержание, мог воспроизвести почти слово в слово любую главу — память у него была исключительной. Он задумчиво поглядел вдаль, как бы сквозь стену.

«...Обращенные к небу золотыми куполами храмы Византии олицетворяли собою единство с Империей, воистину, Христианской крепостью на земле, твердыней Православия,

* Новый Завет. Послание Апостола Павла к Колоссянам, гл. 3, ст. 10-11.

охраняющей Величайшую Культуру, от которой с VIII в. пошло дальнейшее развитие арабской, а начиная с X в., и русской культуры. Даже такие основы жизни Европы и Американских Штатов, как "правовой порядок", "правовое государство", заимствованы из двух византийских сводов: Codex Theodosianus* и Codex Justinianus**, практически единственных источников римского права в наши дни. Не говоря уже о древнеафинской демократии, о которой в малых германских государствах, возникших на развалинах римской империи, узнали из текстов древних греческих философов, сохранившихся в Византии. Таким образом, получается, что Византия — мать всей современной человеческой цивилизации...»

Мысли Николая Иннокентьевича из далекого не сразу вернулись в настоящее, а задержались на событиях недавнего прошлого. И он ясно осознал, что, несмотря на эмигрантские хлопоты и прочие, предшествующие им, дела, много думал о том, где же корни многовековой вражды и борьбы Византии и Западной Европы. Однако в суете разве может прийти в голову что-либо законченное, логически оформленное? Но думы эти, все же, не были фантазиями, поэтическими образами, оторванными от реальной, пусть и давней, исторической действительности.

В России до семнадцатого года: «Господи, неужели это навсегда ушло!» — проблем с материалами по истории Византии не было, целая наука была — византология. Тогда он с головой окунулся в нее. Помешали революционные события и связанная с ними очередная смута и неразбериха во всем. Это прервало работу Земскова, а переезд в Париж и вовсе

* Кодекс Феодосия (лат. Codex Theodosianus) — первое официальное собрание законов Римской империи.

** Кодекс Юстиниана (лат. Codex Justinianus). Одна из 4 ч. обширного свода гражданского права, включавшая законы Римской империи со времен правления Адриана (117-138) до 534. Разработанный по предписанию императора Юстиниана I (527-565) и названный его именем, этот документ был создан из пересмотренных с учетом новых исторических условий норм римского права и стал важнейшим достижением юридической мысли раннего Средневековья. Многие положения К. Ю. легли в основу позднейшего законодательства ряда европейских стран, а через систему испанского права распространились и на большую часть Латинской Америки.

лишил его легкого доступа к подлинным источникам. Тем не менее, постепенно, вначале в мыслях, а потом и на бумаге, по мере изучения фактов, накопленных им ранее, перед Земсковым нарисовалась четкая в своей логической последовательности картина.

Западная Европа, видел Николай Иннокентьевич, началась с двух, казалось бы, местного значения событий: с провозглашения Папы Римского главой отколовшейся церкви и последовавшего затем провозглашения германского франкского короля Карла римским аристократом, а затем и римским императором. Но эти действия были «местечковые» и нелегитимны, так как шли вразрез с волей действительного Римского императора — императора Византии и с Единой Церковью.

«...Всячески заискивая перед императорами Восточной Римской империи, Карл в течение долгого времени добивался признания и соответственного обращения — «брат». Однако признания самой западной франкской империи и ее императора так и не состоялось. Вот в чем корень раскола между тогдашним Востоком и Западом в 1054-м году и причина лжекрестового похода против Константинополя в 1204-м...» — писал Николай Иннокентьевич.

Земсков и сейчас, зная многое, не мог взять в толк, зачем и с какими целями части нужно было отделяться от Единой Церкви и Единого Государства? Зачем было малым вотчинам, возникшим после завоевания германцами западных земель империи и провозгласившими себя христианскими государствами, вместо объединения с мощной, высококультурной и высокодуховной метрополией, образовывать новую империю? Зачем, для чего нужно было отделяться от единой матери-Церкви, что она им сделала плохого? И ничего, кроме реализации идеи заведомого противостояния неких сил (извечное «разделяй и властвуй»?) единой Православной Церкви и ее мощному оплоту — Византии, в голову не приходило. Николай Иннокентьевич открыл то место в рукописи, где говорилось об этом.

«...И Западом все было поставлено «с ног на голову». Если

вначале будет доказано, что Византийская Империя неправильна, неверна и, вообще, "раскольничья", что вскоре, как таковая, она и вовсе исчезнет с лица земли, то Германская Римская империя есть правопреемница Рима, и единственно верная, правильная и своя для тех, неких, разделяющих и властвующих, то целое, да еще и с центром в самом Риме, от которого якобы откололась, как часть, Византия,— думал Земсков.— Вот этот-то замысел, плод извращенного (если не сказать сатанинского) мышления и был положен в основу всей политики Запада в отношении Православной Константинопольской Державы. Но, вот парадокс, чем дальше, тем все больше и больше требовалось доказывать, что она не существует. А поскольку сделать это, в силу исторической реальности, было никак не возможно, то возникало все нарастающее неистребимое желание уничтожить то, что требовалось доказать несуществующим...» Земсков отвлекся, встал, разминая мышцы, сделал несколько упражнений. Затем выключил верхнее освещение, и снова сел, откинувшись на спинку стула, включил настольную лампу под красным абажуром и с книгой подвинулся к яркому пятну света, создаваемому ею на столе.

«...И вот после раскола Запад уже с великим воодушевлением ведет во имя Христа крестовые войны за освобождение Гроба Господня. Однако очень скоро рыцари-крестоносцы, несмотря на свой начальный энтузиазм, забыв религиозные цели своих походов, все более и более начинают думать о своих личных, земных интересах, относясь нетерпимо уже и к власти своих королей и военных предводителей, ставя перед собой цели обретения собст собственной власти и обогащения, и ведут себя крайне недоброжелательно, требовательно и дерзко — грабежи, насилия, высокомерные требования,— устраивают геноцид над покоренными народами: славянами, греками, африканцами, арабами...»

ГЛАВА 44

Книга. Истинные цели и различия

По каким-то неведомым ассоциациям мысли Земскова вновь перекинулись в его прошлую петроградскую жизнь. Да, хорошо там было — большая, просторная квартира, любимая работа — преподавание и писательский труд...

«И лишился всего в один час,— подумал он,— почти побиблейски... Но ведь не место красит, как известно, человека». Почему-то подумалось и о пресловутых «доме, сыне и дереве». Он потянулся на стуле так, что тот заскрипел, и откинулся на спинку, задумчиво глядя перед собой.

«Так... «Сына» я родил: детей у нас двое: Дмитрий и Елена. Правда, они сейчас не с нами, а в русской школе-интернате недалеко под Парижем — нам с женой сейчас просто не поднять их своими силами. И дом, какой-никакой, будем считать, есть (тот, что был, ведь не я разрушил). А деревом можно считать книгу, которую пишу... Да, книга — дерево. Интересное выражение есть — «Растекаясь мыслью по дереву». Вот и я растекаюсь мыслью по истории Византии, а завершить, прийти к выводу окончательному, собственно цели написания книги, пока не могу...

Многие почему-то считают, что к истории Византии не нужно больше возвращаться, так как она пала и исчезла с лица земли,— продолжал размышлять Земсков. — Но это, по меньшей мере, парадокс! В таком случае не нужно больше говорить о Древней Греции как о матери демократии, и о Древнем Риме как отце республики!.. И о многом-многом другом. Однако же говорят и пишут...»

За окном раздался шум проезжающего автомобиля. «Кто-то на такси припозднился,— подумал Земсков и подошел к окну.— Да, знаменитые парижские такси, на которых теперь работают многие русские... А осенью 1914- го, когда возникла угроза захвата немцами, более тысячи такси за ночь перебросили к проходившему по берегу реки Марна фронту около шести тысяч солдат, что спасло Париж от падения...

Было еще темно, только в редких-редких окнах домов напротив тускло горел свет, видимо, кому-то, как и ему, не

спалось в эту ночь. На небе, затянутом плотными тучами, не видно ни единой звездочки. Ветер раскачивал фонарь, и все видимое пространство, сплошь занятое темными силуэтами домов и деревьев, то освещаемых, то вновь уходящих в тень, расплавленное мыслями воображение заполняло образами крестоносцев в доспехах и на конях, въезжающих в горящий Константинополь...

«Да, тогда первый крестовый поход конца XI века заставил латинский Запад вплотную общаться с византийским Востоком. И при близком общении,— подумал Земсков, представляя себя сейчас как бы византийцем, глядящим из окна на колонну конных латинян,— два мира, две цивилизации были поражены — насколько глубоко различия между ними. Константинополь был одним из самых восхитительных городов, и византийская жизнь отличалась изысканно утонченной роскошью, изяществом манер, вкусом к литературе и искусствам, этикетом. Западные же крестоносцы производили впечатление людей неотесанных, довольно плохо воспитанных, непрошенных и неприятных гостей. Грубо самодовольные, самолюбивые, вымогающие деньги, неспособные понять хоть что-нибудь в утонченной культуре и потому чувствующие себя уязвленными, латиняне, вместо того чтобы смягчить свою резкость, стали, напротив, «как воры и разбойники...»

Николай Иннокентьевич вновь вернулся к столу и окунулся в бумаги. «Почему же такая высококультурная и высокодуховная страна исчезла с лица земли?— думал он, перелистывая рукопись.— Неужели все дело только в отколовшихся заблудившихся западных христианах и в их государствах, над которыми все более и более возвышалась изначально раскольничья церковь, и, в конце концов, полностью отмежевавшихся от Византии и Матери Церкви? Неужели только из-за их варварски грубого стремления завладеть тем, что для них было недостижимо?— размышлял Земсков, и перед ним открывалась картина соперничества двух цивилизаций, длившегося веками: — Можно было предположить, что со временем исчезнет или хотя бы ослабитесь глубокое различие между ними и отношения станут лучшими. Однако все происходило с точностью до наоборот, соперничество все более обострялось. Кроме того, после первого же похода все во-

сточное побережье Средиземного моря, все большие города Византии покрылись чрезвычайно активными венецианскими и генуэзскими учреждениями, занимавшимися коммерческой и торговой деятельностью, которая пришла на смену религиозному энтузиазму первых походов. Чтобы управлять этими новыми территориями и лучше эксплуатировать их, образовались могущественные общества, ассоциации, политические и торговые одновременно».

И Земсков снова и снова утверждался в мысли о постоянных, целенаправленных и неуклонных действиях против Византии. Признаками их, как отмечал Николай Иннокентьевич, были: тотальное неприятие Православия и всяческое, вплоть до полного искоренения, противопоставление ему католицизма, особая агрессивность мусульманского мира, появившегося на территориях патриархального христианства, и словно поставившего своей целью поглощение империи, коммерческая активность в противовес духовности и многое другое. Потому-то императоры, прежде всего, и заботились о монархии, опасаясь, что начнется натиск на Константинополь. И действительно, у латинян зреет мысль — силой покончить с Греческой империей. Дело благополучно дошло до планирования в середине XII века похода уже не против неверных (то есть мусульман), а против Византии (христиане на христиан! — впервые в истории). К старой злобе прибавилось искушение — латиняне не могли больше противиться представлению о слабости империи. Кончилось все тем, что в 1204 году — через восемь веков после разгрома Старого Рима — в "Новый Рим" вторглись далекие потомки тех самых варваров — крестоносцы. Они взяли Константинополь и разрушили престол Империи. А папа молчал, и весь западный христианский мир одобрял их действия. В результате погибли произведения античных живописцев и скульпторов, вандалов не остановило даже изваяние Святой Девы Марии. В пепел превратились богатейшие книгохранилища, произведения старых философов и писателей, религиозные тексты, иллюстрированные Евангелия. Византийская столица уже никогда не смогла вернуться к своему первоначальному облику, оправиться от таких последствий...

Земсков оперся локтями о стол и опустил голову в ладони... Когда он поднял ее, было раннее утро — за окном забрезжил

серый рассвет. Подойдя к окну, Николай Иннокентьевич увидел вверх, в небе, над крышами домов, метущиеся обрывки облаков. Внизу все было спокойно, по неподвижным кронам деревьев ветра не чувствовалось. «Видно, будет непогода», — решил он. Земсков чувствовал усталость, но что-то не отпускало его в сон, что-то побуждало мыслить и искать ответа на мучивший вопрос.

«Вот если взять человека, то он на жизненном пути не обходится без испытаний, — думал он. — И чем духовнее становится, тем они сильнее. Взять, к примеру, святых. Не так ли и государство, и народ, принявшие истинную веру? Как же без испытаний понять, насколько глубоко укоренилось мировоззрение, чем готовы пожертвовать ради него? А раз так, то есть и силы испытующие. И только ли извне они действуют?..»

Будучи человеком осторожным, неторопливым в принятии решений, Николай Иннокентьевич не хотел, да и не мог, первую же догадку сделать серьезным выводом. «Все быстрое от лукавого», — подумалось.

«На протяжении уже почти тысячелетия, — продолжал размышлять Земсков, — существуют два совершенно различных представления о Византии, одно — западное: мрачный и злоеущий миф, а другое — историческая реальность. И вот эта самая реальность говорит о том, что Царьград в религиозных вопросах был весьма тактичен по сравнению с западным подходом с его кровопролитными религиозными войнами. Удивительный либерализм православных был разительным отличен от жестких позиций западных христиан. Так Патриархия разрешала самостоятельность поместным славянским Церквям. И не было ни одной попытки придать греческому статус монопольного языка. Напротив, в IX веке святые Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность. В традиционно умеренной Империи Ромеев не было даже близких параллелей со "Святой инквизицией", отправившей на пытки и казни сотни тысяч людей. Не было и такого, чтобы представитель культуры был ксенофобом, как, к примеру, Петрарка в Италии, который призывал генуэзцев и вообще Запад поскорее "выкорчевать", истребить Византию!.. В Византии же этого невозможно было даже представить».

Скрипнула дверь, и тут же раздался сонный женский голос: — Николаша, ты спать сегодня будешь? — это жена обеспо-

коилась.

— Да, да, Катенька, сейчас, сейчас... — одновременно успокаивая ее и отговариваясь, проговорил он.

— Проснулась, а тебя рядом нет... Страшно как-то стало.

— Что ты, милая, я здесь, рядом с тобой. Вот немного еще поработаю...

— Совсем ты себя не жалеешь, уж которую ночь все думаешь и думаешь, — Екатерина Владимировна подошла, обняла его за плечи, постояла немного, вздохнув, добавила: — А меня как бы и вовсе нет для тебя, — и вернулась в спальню, оставив приоткрытой дверь.

«Разве у женщин кто-то, кроме мужей, еще бывает виноват в том, что им плохо?... Однако после всех событий последних лет нервы у нее совсем сдали. Да и мудрено ли?»

Земсков посидел немного, окунувшись в воспоминания, потом провел рукой по лицу, словно смахивая с себя неприятное, встал и стал медленно ходить по комнате, возвращая своим мыслям мерный ход.

«О чем я думал перед тем, как Катя зашла? Так... так... А, вот — в Византии такой ксенофобии невозможно было вообразить. И характерна в этой связи судьба иудеев, — подумал Николай Иннокентьевич. — В западноевропейских странах в XII—XVI веках было уничтожено, согласно сведениям "Еврейской энциклопедии", примерно 400 тысяч приверженцев иудейской веры — 40 % тогдашнего мирового иудейства... И многие уцелевшие в те времена находили убежище в Византии, где, несмотря на все конфликты христиан и иудеев, подобного "геноцида" никогда не было...»

Через открытую заслонку камина были слышны все возрастающие всхлипы и завывания ветра. Земсков закрыл заслонку и, заложив руки за спину, стал ходить по комнате взад и вперед. Он интуитивно чувствовал, что там, где были его мысли в эту ночь и во многие предшествовавшие ей дни и ночи, кроется разгадка очень многих вещей, в том числе и трагедии его Родины, его России. Но найти решение он пока не мог... Николай Иннокентьевич прошел к столу, сел, открыл рукопись в ее третьей части и, пролистав несколько страниц, прочел:

«...В Византии единство церкви и государства определялось глубинным влиянием Православия на умы и души людей. А на Западе церковь существовала как теократическое го-

сударство, как государство Первосвященника.

Кроме этого, западное неприятие Византии основывалось и на том, что она была евразийской по сути. Даже самые "гуманистические", по тогдашним понятиям, идеологи Запада не были свободны от ксенофобии. Взять, к примеру, Венецию, куда пираты-купцы свозили из Причерноморья множество рабов-половцев, жителей Кавказа и русских. Многие из них были христианами. Так вот, тот же Петрарка, греков именновавший "малодушными гречишками", писал о привезенных в рабство, как о полуживотных. В Византии же никто не усматривал в людях из Азии и Восточной Европы "недочеловеков", и христианин, независимо от происхождения, мог достичь в Империи любого поста и признания. Так император Лев III Великий (VIII век) был сирийцем, Роман I Лакапин (X век) — армянином, а патриарх Константинопольский Филофей (XIV век) — евреем. Византийцы называли себя "Империей ромеев". А Византия — не более как ученая кличка, введенная в обиход западными, а по их примеру, и российскими либеральными идеологами примерно через сто лет после гибели империи как бранное слово. Отсюда и производные термины — "византизм" (или "византинизм") и "византийство..."»

А за пределами тихого и уютного жилища сильные порывы ветра уже сопровождались ударами струй дождя в стекла окон. Земсков, выглянувший на улицу, увидел стихию из смеси мятущихся в воздухе капель дождя и поднятых с земли пыли, мусора, оборванных листьев и сломанных веток. Некоторое время Николай Иннокентьевич стоял, изумленный невиданным по силе природным явлением. Потом, очнувшись, он проверил задвижки и, последний раз бросив взгляд на происходившее за окном, задернул шторы.

ГЛАВА 45

Книга. Падение и позор — только ли следствие внешних причин?

Перед Николаем Иннокентьевичем нарисовалась историческая картина павшей Византии. Вот уже на развалинах мо-

нархии Константина учреждена латинская империя, которая жестоко билась по патриотическим чувствам ромеев — ведь старый глубокий антагонизм никуда не делся, а ненадежное государство латинян только усиливало его.

Новый император мог, несмотря на враждебность и отращивание греков, по воле католической церкви назначить православного патриарха из числа западных епископов, учредить на земле ромеев латинские монастыри, и даже мечтал подчинить Риму восточную церковь. И такие попытки продолжались в течение двух столетий...

Земсков очень остро чувствовал — словно сам был византийцем, — как они страдали от вытеснения из самых важных сфер жизнедеятельности, от жестокой эксплуатации, как тяжело было православному священнику исполнять свои религиозные обязанности, так как католические вожди, думали только о том, как бы, воспользовавшись затруднениями и бедствиями ромеев, заставить Православную церковь вступить в союз с Римом, подчинить ее папству, и делали для этого все возможное: пускали в ход и подкуп, и щедрые посулы, обещали кардинальские шапки влиятельным православным священникам, а в отношении колеблющихся использовали влияние итальянских «гуманистов»...

Перед мысленным взором Николая Иннокентьевича предстал и позор Византии 1369 года, когда в Риме ее император Иоанн V принял католичество.

Земсков встал и стал расхаживать взад и вперед по комнате. Мысли его склонялись к тому, что все происходившее после принятия императором католичества, очень живо напоминало времена не столь далекие российские. Ведь тогда в Византии значительно обострились и без того имевшие место распри между действительно православными и латинофилами. Ядро последних составляла придворная знать, часть феодалов, часть высшего духовенства и значительная часть интеллигенции. Последние императоры из дома Палеологов поддерживали их, а порой и возглавляли. Они во всем ориентировались на Запад, возлагали на него все свои надежды, надеялись, что Запад защитит Византию от угрозы турецкого нашествия, которая с каждым годом становилась все сильнее. А Запад и перед этой и для него самой угрозой не отказался от разрушения Византии, от превращения ее в свою вотчину. И это при всем том, что он не имел достаточных сил и единст-

ва для отпора туркам. Поэтому объективно позиция латинофилов вела на путь измены и, хотя они всячески от этого отмахивались, составляла единый фронт с имевшими место быть и в немалом количестве (это в православном-то государстве, да с величайшими угрозами с двух сторон!) туркофилами.

В православную же партию входила значительная часть высшего духовенства и большинство среднего, в ней было немало и богословов. Основной же ее опорой было монашество. Эта партия непримиримо выступала против сближения с Западом и церковной унии. Среди богословов первое место принадлежало знаменитому Марку Евгенику, митрополиту Эфесскому. Его сподвижником, а позднее преемником в качестве вождя православных был Георгий Схоларий, ставший позднее первым греческим патриархом в Константинополе во время владычества турок.

Священники и монахи проповедовали среди населения, большинство которого поддерживало православных, ибо было полно ненависти к латинянам из-за эксплуатации ромеев и подавления их самобытной культуры. Купечество и ремесленники страдали от засилья итальянцев, которые фактически вытеснили их из всех выгодных направлений деятельности и торговли с Левантом и Причерноморьем.

Но все-таки сил православной партии было недостаточно, и она не смогла сплотить народ для защиты от турок.

Николай Иннокентьевич присел к столу и, полистав последнюю часть рукописи, нашел место, где повествовалось о конце Византии.

«...И вот согласие на унию было достигнуто. В вопросах догматических и литургических Рим заставил ромеев признать католическое вероучение во всех основных пунктах и быстро добился от них согласия по всем спорным в течение пятисот лет вопросам. В народе многих архиепископов и епископов обвиняли в том, что на Ферраро-Флорентийском соборе они были подкуплены «врагами истинной веры». В послании афонских монахов русскому великому князю Василию II прямо говорилось, что император и византийское духовенство «какову мерзость въсхотеша очима своима увидети свою благочестивую веру

продате на злате студным латинам...»^{*}.

Вот такие были тогда дела...

Буря за окном не стихала. В комнату чрез завешенное шторами окно проникали лишь метующиеся тени и были слышны не-утихающие завывания ветра. Николай Иннокентьевич, устало откинувшись на спинку стула, закрыл глаза.

«Почему, почему Византия погибла? Ведь она была оплотом Православия и большинство народа твердо стояло за веру и Отечество. Где причины?!» — напряженно думал он.

По часам, стоявшим на камине, было уже утро. Усталость навалилась на Земскова, и он задремал. Сколько так просидел в забытии, не помнил. Но, когда очнулся от навалившейся дремы, стояла полная тишина, ветер стих и из окна пробивался солнечный свет.

И воображение вновь унесло Николая Иннокентьевича в те далекие времена, в день великого позора и начала окончательного крушения Империи, когда 6 июля 1439 г. в кафедральном соборе Флоренции состоялось торжественное заключение унии между католической и православной церквами. Греки в праздничных одеяниях во главе с императором подходили к папе, преклоняли колена и целовали ему руку.

Земсков полистал рукопись и прочел о том, что впоследствии

«...Возвратившихся в Константинополь народ встретил оскорблениями. Их открыто обвиняли в том, что они продали церковь и родину. И когда царь хотел исполнить договор, то возмущенный народ изгнал патриарха, бывшего другом Риму, и устроил мятеж под сводами Святой Софии...

А Запад, даже перед лицом угрожавших турок, по-прежнему думал не о защите Византии, а о ее покорении. И, в итоге, не сумев этого сделать, в нарушение договора отдал ее во власть туркам. Поэтому получается, что главную роль в падении Константинополя сыграли западные силы — католическая церковь и Венецианская с Генуэзской республики,— чьи

^{*} *Послание прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суетумудрии Западной по случаю Флорентийского собора. — «Летопись занятий археографической комиссии за 1864 г.» СПб., 1865. Приложения, стр. 29.*

действия против Византии, сопровождавшиеся грабежом и насилием, продолжались веками. Не меньшую роль сыграли прозападные настроения, во многом охватившие представителей государственной власти, феодальную знать, часть духовенства, в том числе и высшего, и, конечно, как всегда, значительную часть интеллигенции. Все это вместе взятое ослабило, обескровило Византию, сделало ее бессильной перед огромными, численно превосходящими ее турецкими ордами и решило исход решающей битвы. Империя была раздавлена беспощадными жерновами Запада и Востока, будучи изнутри изъеденной «ржавчиной» духовной измены, прямым предательством и своекорыстием, поставленным выше общих интересов...»

Николай Иннокентьевич прошелся по комнате, подошел к окну, раздвинув шторы, открыл его настежь и глубоко вдохнул свежий утренний воздух. На чистом голубом небе светило яркое солнце. Ничто, казалось бы, не напоминало о недавней буре. Но когда он посмотрел вниз, то увидел мостовую, усеянную досками, какими-то обломками, тряпками, видимо, когда-то бывшими бельем, обрывками бумаги, листьями и ветками. Был повален столб линии электропередачи, стоявший как раз рядом с его зданием, и довольно высокий дуб, росший напротив. А вот молодой каштан рядом с дубом остался цел и невредим.

В доме наискосок открылось окно, и солнечный луч, отразившись от стекла, брызнул прямо в глаза. Николай Иннокентьевич зажмурился...

«От одного ли борения с Западом погибла Византия?— подумал Земсков.— Безусловно, агрессия в военном, духовном и экономическом плане была мощной. Но ведь если мы стоим на христианских позициях, то должны согласиться с тем, что сказано в Священном Писании: "Ни один волос не упадет с головы человека без соизволения на то Всевышнего". А уж тем более, если дело касается целого народа и государства. Можно, конечно, особенно сейчас, когда Россия рухнула под очередным западным напором в лице Германии и Австро-Венгрии, отмести все негативное, что писалось и пишется об Империи ромеев. Но не получается ли в таком случае, что «вся-*

* Новый Завет. Святое благовествование от Матф., 3:18.

кая сосна своему бору шумит»? Не получается ли, что защищаясь, мы прегрешаем против истины? Конечно, верна и поговорка: «Будь бела как снег и чиста как лед, и все равно людская клевета тебя очернит».

Но ведь были же бесконечные междоусобицы и дворцовые перевороты. Были же те, кто предпочитал союз с турками прекращению вражды, кто предпочитал ценою измены спасти свою, хоть какую, но власть. И понятно, что не могли объединиться латинофилы и греки-ортодоксы. Но не секрет и то, что в империи, среди тех и других, расцвели махровым цветом пороки и коррупция. Чиновники научились «добирать» недостающие, по их мнению, доходы из карманов просителей. Заграничные товары бесконтрольно продавались иностранцами. Пошлина в казну практически не платилась — мзда шла в карманы чиновников. Это привело к разорению собственных ремесленников и производителей. Были и ханжи, считающие себя совершенными христианами и ревнителями веры. А были и такие, кто во время военной опасности вдруг объявляли, что хотят постричься в монахи. Много стояло уже не на добролюбии и благочестии. Внешне все было правильно, а внутри у многих — пустота и духовная расслабленность. «Сами друг перед другом величаются, а другого чтоб унижить ни во что не вменяют... хитрейшие обманы делают... с кичливой надменностью ... грех да соблазн и вере поношение...»** Это истинному последователю веры — таковые еще оставались — видеть было оскорбительно.

«Да, орудиями испытующих, а по мере непрохождения испытаний, и разрушающих сил становятся и павшие», — подумал Николай Иннокентьевич.

Земсков быстрым шагом подошел к камину, взял лежащую на кресле рукопись и, сев за стол, быстро стал писать на чистом листе окончание, ибо вдруг понял — еще не в деталях, может быть, не до конца, не совсем ясно, но по сути — что могло спасти Империю Ромеев, несмотря на все то, что было по отношению к ней извне и с ней внутри:

** Н.С. Лесков. Запечатленный ангел. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2: Повести и рассказы.— М.: Литература, Мир книги, 2005.- 464 с.— (Золотая серия. Русская литература). С. 87.

«Нужно быть сильным и вовне, и изнутри государством. Но даже при превосходстве в вере, знаниях, культуре и цивилизации необходимо сохранять доброжелательность и уважение ко всем окружающим странам и народам, тем более, исповедуя Православную веру. Показывать даже врагам своим пример любви и вести себя так, как учит Писание. Прощать и благословлять, учить и воспитывать, прежде и более всего, нужно тех, кто далее от истины и любви. Их нужно просвещать. При этом, не теряя собственной духовности, собственного сокрушенного перед Богом, смиренного сердца и любви к человеку, не отворяя двери своей души гордыне, ханжеству и фарисейству, не ставя личное выше общего, особенно в минуты опасности для страны и народа, создавая прочные духовные преграды греху и пороку. Как сказано: «С преподобным преподобен будешь, с неповинным неповинен будешь, с избранным избран будешь, а со строптивым развратишься»*. И еще, не закостеновать в своем величии, а учиться у всех, в том числе и у «варваров», и меняться. Сохраняя веру, традиции и силу, совершенствоваться, постоянно находиться в развитии, чутко реагируя на зовы времени, чтобы не отстать, не окаменеть и не переломиться, как тот «закостеневший» в своем величии и глядящий свысока и с презрением на окружающие деревца старый дуб, ставший жестким и переломившийся под порывами бури. В то время как молодой, еще «легкомысленный» и по-варварски «самонадеянный» каштан устоял...»

Утомленный работой, но довольный, Земсков аккуратно положил рукопись в ящик стола. Полный радужных надежд он прошел в спальню и, стараясь не разбудить жену, лег в постель. Бессонная ночь и напряжение мысли дали о себе знать, и Николай Иннокентьевич сразу же, как только голова его коснулась подушки, забылся глубоким беспробудным сном.

* Священное Писание. Псалтирь, гл. 17, ст. 26— 27.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 46

И в одночасье стал подследственным

Многие беды с людьми происходят из-за их личной безалаберности, преступного отношения к жизни, людям и делу. Но нередко они случаются с человеком независимо от него, как говорится, по причинам объективным. А иногда и по чиновничьему произволу. Как эта история, о которой будет рассказано ниже.

Случилось же вот что. В один прекрасный день получил Курилов письмо из Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, в котором было написано: «Уведомляю о том, что в отношении Вас, Курилова Андрея Васильевича, как генерального директора ООО «Патэспром» возбуждено уголовное дело №... по признакам преступления, предусмотренного статьей ...» И началась для Курилова с этого дня «веселая» жизнь.

Вот уже и судья С-кого района установил, что «10 января 2007 года СО УФСКН РФ по Патрусевской области было возбуждено уголовное дело №... в отношении неустановленных лиц по статье... по факту незаконного приобретения, хранения в целях сбыта и незаконного сбыта сильнодействующих веществ в крупном размере».

Приехали соответствующие специалисты и в помещениях «Неотложки» провели обыск, или на милицейском (теперь полицейском) языке — «оперативно-розыскное мероприятие», «обследование помещений, зданий, участков местности и транспортных средств», составили по всей форме протокол и изъяли все сильнодействующие лекарства, которые хранились на тот момент в помещении «Неотложки».

И на словах, и в протоколе свои действия они мотивировали тем, что оборот данных веществ ограничен статьей «О лицензировании отдельных видов деятельности и положением о лицензировании фармакологической деятельности», а работники «Неотложки» «не имея законных оснований, зани-

мались хранением с целью сбыта и сбытом сильнодействующих и ядовитых веществ».

И суд, как водится, по ходатайству старшего следователя Степанкова постановил произвести обыск в доме Курилова. В ходе обыска, естественно, ничего не было найдено, так как никакие подобные вещества у него не хранились...

Вот и стал Андрей в одночасье подследственным, то бишь, практически преступником, несмотря на благое дело, которое он организовал, несмотря на устремления и мысли свои. Такая вот печальная история приключилась с нашим героем.

Курилов отвлекся от чтения — уже в который раз! — этих документов. На него нахлынули воспоминания. Вспомнилось, как пришла идея создания платной «Скорой».

В тот день Андрею было очень плохо. Сердце беспокоило с утра. Сказалось сильное нервное напряжение предыдущих дней. А тут еще, как назло, срыв поставок строительных материалов из-за халатности сотрудника. Взрыв эмоций, острая боль в груди, и темная пелена закрывшая все вокруг...

Когда он очнулся, рядом были жена, секретарша и люди в белом — работники бригады «03». Они пощупали пульс, измерили давление и снова сели возле Андрея.

— Вы не уйдете?— спросила Юлия.

— Нет, мы должны убедиться, что лекарство подействовало, и кризис прошел.

— Спасибо вам огромное!

— Не за что! Мы все же клятву Гиппократы давали,— ответил за всех троих врач.

— Вот бы все давали такую клятву — «Не навреди!» — не выдержала Юлия.

— Да, тогда многое было бы по-другому,— подал голос Курилов.

Медики молча посмотрели на супругов и снова занялись делом...

Тогда, поправившись, Андрей и решил создать платную «Скорую», чтобы помочь медикам зарабатывать на жизнь, чтобы они, отработав смену в «03», шли дежурить в «Неотложку», ибо многие нуждались в деньгах... Позже, как мы уже знаем, появились соображения и о полезности этого дела

вообще...

Звук открывающейся двери прервал воспоминания и заставил Курилова вернуться к действительности. В кабинет вошла жена.

— Ты что, малыш?— привычно обратился к ней Андрей.

— Вот, принесла тебе фрукты, поешь, тебе это сейчас необходимо,— сказала она и достала из пакета апельсины.— Есть ли какие новости, Андрей?

— Новости? Хоть отбавляй... Вот, гляди!— и он передал севшей рядом Юле прозрачную папку с вложенными в нее бумагами.

Юлия вытащила листы из папки и стала читать.

— «Обвинительное заключение по обвинению Курилова А.В. в совершении преступлений, предусмотренных...» так-так... «обвиняется: Курилов Андрей Васильевич, дата рождения... образование... судимости не имеет... на учете у врача-нарколога... не состоит...» А вот!.. «в том, что он... совершал осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, при следующих обстоятельствах...» О, Господи!.. Что тут еще?... «...Он же... совершил финансовые операции и другие сделки с денежными средствами, приобретенными лицом в результате совершения им преступлений, а равно использование указанных средств, для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, в крупном размере, лицом с использованием своего служебного положения...» Нет, ты представляешь?

— Я представляю, и очень хорошо, во что это может вылиться!

— «...Доказательствами, подтверждающими обвинение, являются показания свидетелей...» — продолжала читать Юля.— Так, далее следуют показания...

— И твои, малыш...

— Ну, а что я могла сделать, вообще ничего не говорить, как Зоя Космодемьянская? Я и сказала, что как заместитель генерального директора, в силу своих обязанностей, знала о

том, что не было специального разрешения!

— Ты все правильно сказала! Я шучу...

— Ну и шуточки у тебя, Курилов!..

— А вот Николашкин все на меня свалил...

— Геннадий Никитович?!

— Да, да... Он самый!

— И что он показал?

— Что «Неотложка» создавалась в чисто коммерческих интересах, то есть для извлечения прибыли.

— Так и сказал?

— Да, и это запротоколировано. Вот, я тебе зачитаю, слушай!— Курилов взял папку, открыл и стал читать.— «Деятельность «Патрусевской неотложки» находилась под постоянным контролем Курилова А.В., так как он боялся, что часть денег может быть попросту украдена. При смене места расположения «Патрусевской неотложки» проверяющий от Росспецнадзорздрава официально заявил, что необходимо заново оформлять лицензию. Однако Курилов А.В., вняв предложению главврача Драницкого В.А., принял решение работать без лицензии...» Ну, как тебе?

— Действительно, все на тебя перекладывает!— возмутилась жена.— А дальше?

— Так, дальше... «В Росспецнадзорздрав было направленно соответствующее письмо о продлении, но был получен отказ, так как в случае смены места расположения организации лицензию нужно получать заново. Он, Николашкин Г.Н., как врач «Патрусевской неотложки» неоднократно говорил об этом Курилову А.В. Но Курилов А.В., дав указание медицинскую деятельность не приостанавливать, а продолжать делать выезды и зарабатывать деньги, так как деятельность «Патрусевской неотложки» приносила хорошую прибыль, свое решение не менял...»

— Ты смотри, и про прибыль не забыл сказать! А то, какую ты ему платил зарплату, он не сказал?

— Нет, об этом не сказал...— улыбнулся Андрей.— Дальше. «Он как врач знал, что идет в разрез с лицензионным законодательством, о чем все время напоминал Курилову, на что тот ему отвечал, что это его, Курилова, проблемы. Они являлись наемными работниками, поэтому послушаться Кури-

лова А.В. не могли... Исходя из личности и характера Курилова А.В., он может предположить, что ему было глубоко безразлично наличие разрешительной документации на деятельность «Патрусевской неотложки», но в то же время его интересовала прибыль, приносимая данным медицинским подразделением». Как тебе, это нравится?

— Действительно, каждое слово — обвинение тебя!

— Он все время хотел быть главным врачом и не мог простить мне, что я взял на это место Драницкого.

— Андрей, конечно, и твоя вина здесь есть...

— В чем? В том, что бюрократы придумали еще один способ «выгребания» немалых денег, а у нас их на тот момент катастрофически не хватало? В этом я виноват?! Что нужно было на несколько месяцев, пока собрали бы необходимую сумму, приостановить работу «Скорой»? И это при том, что люди звонят, заказывают, волнуются! Кто тогда поверит нашим объявлениям, кто станет заказывать «Скорую», которая на несколько месяцев может исчезнуть?!— разволновался Курилов.

— Не нервничай!.. Просто я не подумала...

— Ничего... Но Николашкин-то хорош! И это человек, которому я доверял, как самому себе!

— Да уж...

— А Медведкин что?

— Ну, что Медведкин? Валентин Александрович — менеджер и человек полностью подчиненный главврачу... А вот с Виталием Анатольевичем поинтереснее будет...

— С Драницким?

— Ну, да! Это же он, как ты помнишь, по моему поручению организовал нашу «Неотложку».

— Ну, как же, конечно, помню!

— Он рассказал все, как на духу, раскрыл все наши хитрости. Как будто забыл или не знал, что если бы мы работали полностью открыто, то весь наш доход ушел бы только на взятки чиновникам?

— Здесь что-то другое...

— Вот-вот, и я о том же! Послушай, что он говорит, цитирую из протокола: «Сильнодействующие вещества приобретались в аптеках города по рецептам, выписанными врачами

на несуществующих лиц. Какими именно врачами он не помнит, кроме одного, Дохнова В.Л.» Понимаешь?

— Да!

— Все на него свалил!

— Слушай дальше, как он меня подставляет. «Сам Курилов А.В. знал о том, что эти вещества применяются при оказании скорой медицинской помощи. Он знал, что они подлежат строгому учету и к ним применяются определенные требования законодательства для хранения, так как ему предоставлялся весь перечень требований к получению и хранению этих веществ. Для того, чтобы скрыть от правоохранительных органов (заметь!) применение сильнодействующих веществ при отчете перед бухгалтерией и самим Куриловым А.В., сильнодействующие вещества представлялись другими лекарственными средствами, не являющимися сильнодействующими. Кроме того, и в картах вызова они так указывались. Обо всем этом Курилов А.В. хорошо знал, но, преследуя цели извлечения прибыли (обрати внимание!), ничего не предпринимал. Хотя применение можно было осуществлять и легально (вот какие мы с тобой, оказывается злодеи!). Таким образом, указанные лекарственные средства приобретались незаконно, хранились в нарушение всех приказов и инструкций. Все денежные потоки контролировались лично Куриловым А.В., и без него невозможно было осуществить никакую операцию».

— И такому человеку, Курилов, ты доверил дело?!

— Хороший врач, великолепный организатор и знакомы мы уже сколько лет...

— Знакомы? Вот и оказалось, что не знакомы. Ты чрезмерно доверчив, Андрей!

— Возможно... А возможно, что Драницкий — очень честный человек. Помнишь, он как-то сказал, что невозможно абсолютно честно заниматься бизнесом среди этих «лис» и «волков»!..

— Может быть, согласна, но с людьми нужно быть поразительнее.

— А, может, ты сама займешься этим, малыш?

— Чем этим?

— Подбором людей?

— Опять шутишь, Курилов?
 — Шучу, шучу... — грустно улыбнулся он. — Сама знаешь, что гораздо приятнее приземляться на мягкую соломку... Да вот если бы еще знать, где и когда упадешь...

ГЛАВА 47

В лоне семьи. Момент истины

Следствие шло полным ходом. Курилов мало бывал дома, так как приходилось много времени проводить в прокуратуре, с адвокатом и на работе — не бросать же все «наобум Лазаря». Дома — ни дети, ни жена — не привыкли к долгому отсутствию отца и жили в эти дни в неопределенной, а потому гнетущей, атмосфере, ибо нет ничего более тяжелого, чем ожидание неизвестно чего. Частенько вечерами они собирались в общей комнате. Не сиделось за компьютерными игрушками Юре, да и Владимир перестал заниматься, приходил после лекций домой и слонялся из угла в угол, пока мать и брат отсутствовали.

Юра был как раз в том возрасте, когда у его сверстников желание свободы превышает все дозволенные "нормативы". Андрей с Юлей скорее интуитивно понимали это и не защищали его в разных моментах, чувствуя, что Юрке сейчас более всего необходима не опека, а признание себя как самостоятельной личности, со своей позицией, мнением и желаниями. Благодаря этому, несмотря на атмосферу, царившую сейчас дома, он не чувствовал себя растерянным и подавленным.

Семья Куриловых не была авторитарной семьей, в которой больше всего внимания уделяется пусть и внешнему, но подчинению, а стремление к свободе становится для ребенка сверхцелью, когда он многое делает только ради самой возможности продемонстрировать свою свободу. Отсюда и "бунты на корабле". В их же семье были те доверительные отношения, когда даже нестандартные ситуации не мешали совместно обсудить все вопросы и найти все решения.

Владимир же, которому было семнадцать, находился в возрасте наибольшего отчуждения с родителями. И если младший братишка только боролся за свободу, то для него уже пра-

ктически все "взрослые радости" должны были стать доступными. А в этот период такие, едва оперившиеся "птенцы", его ровесники стремятся совершенно отгородить себя от старших, либо не воспринимая советов родителей, либо только имитируя внешнее согласие, сторонясь их, избегая общения.

Но не таков был Володя. А все оттого, что Андрей с Юлей стремились общаться с ним как с равным. Общаться сейчас, а не через пятнадцать лет,— как это часто бывает,— с уже потрепанным жизнью и наученным горьким опытом «ребенком», будучи сами уже немолодыми.

Поэтому ребята собирались вокруг матери не только как сыновья, но и как друзья.

— Мам, папа же невиновен, так? Почему же его обвиняют? Почему судят невиновного?!

— Юр, все дело в конкретных людях!— ответила Юля, не вдаваясь в подробности насчет формальной вины отца,— не поймет.

Раздался звук открываемой ключом двери, и из прихожей послышалось:

— Так, семья в сборе! А я на ужин еще не опоздал?

— Конечно, нет! Во-первых, еще только около девяти, а во-вторых, как же мы без тебя?

Нужно сказать, что по давно заведенному обычаю завтрак и обед каждый член семьи принимал согласно своему расписанию учебы или работы, но ужин — дело святое — был немыслим без кого-либо одного. Вот и сейчас Юля быстро разогрела заранее приготовленное блюдо и накрыла на стол. Мальчики помогали ей, а Андрей в это время заварил в большом фарфоровом чайнике любимый в их семье чай — смесь черного байхового, зеленого и цветочного.

У Курилова, несмотря на всю тяготу последних событий, было, правда грустное, но все же поэтическое настроение — признак наличия «музы»; что он и доказал домочадцам, прочитав:

*Сегодня ты — совсем другая,
Являя скромность и покой.
Ты вся наполнена до края*

*Невыразимой красотой**

— О, самое время читать стихи!

— А почему бы и нет, дорогая моя женщина, — немного шутливо отозвался Андрей.

— Да нет, можно, конечно, но лучше бы теперь подумать о другом...

— Ох, Юля, думай — не думай... Слушай лучше дальше:

*Какой-то внутренней, не внешней —
Глубинным светом, добротой.
Неотразимой, но не грешной —
Невыразимой красотой.
Такая дружбы не остудит,
На порицанье не отдаст,
Не изведет и не осудит,
Не подведет и не предаст...*

— Еще бы ты сомневался!

— А я и не сомневаюсь!

— Мне понравилось! — включился в разговор Владимир. — Почитай, пап, еще что-нибудь.

*...Как ты болтать по телефону
Другая б в жизни не смогла.
В угоду этому фасону
Ждать захотят тебя дела?*

— Точняк! — засмеялся Юрка.

— Ну вот, начал во здравие, а кончил за упокой! — наигранно обиженно сказала жена, но чувствовалось, что внутренне она довольна отсутствием уныния у Андрея в эти тяжелые полные неопределенности дни. — Так, значит, я болтушка?

— Ну что ты? Не то слово — тебя просто не остановить, когда дорвешься до трубки, ха-ха!..

* Здесь и далее стихотворения А. Каретникова

— Вот именно — дорвешься! Дорвешься тут с вами, тремя такими болтунами...

*Ох, жена, тебе б только ругать,
Или ждать меня дома с повинной.
На меня — обвиненья печать,
Чтоб тебе оставаться невинной...*

— Я смотрю, у тебя на все случаи жизни, вирши есть, а?
— Воспеваю тебя во всех ипостасях!
— Папа влюблен в тебя, неужели не видишь?— заулыбался Володя.

— Читай еще!— Юра был склонен к поэзии, это Курилов замечал и ранее. «Яблоко от яблони...» — думал он и внутренне радовался,— может, получится что-нибудь? И не на любительском уровне, как у меня, пишущего от случая к случаю, когда выдается какой-то просвет между делами и заботами, с каждым годом все реже и реже появляющийся».

Юлия с ожиданием посмотрела на мужа и потрепала волосы на голове младшего сына.

*Снег, искрясь, ложится на поляны,
Накрывает шубою своей.
Я сегодня от мороза пьяный,
Я сегодня убегаю от людей...*

— Где же ты мороз-то сегодня нашел? Хотя и подумать о нем приятно — впору голову в холодильник засовывать в такую жару.

— Ну, мам, не перебивай!— Юрка все ждал продолжения стихов.

— Продолжаю:

*Я хочу сегодня быть счастливым.
О хорошем только вспоминать.
Я хочу сегодня быть любимым —
С милыми моими рай создать...
Скоро наша встреча — близко вечер.
Вот и дом, и в небе две звезды.*

*Ты прости, что иногда невесел,
Все заботы, думы да труды.
С милыми моими без унынья
Будем жизнь любить, какая есть.
Пусть очаг домашний не остынет,
И побед дальнейших нам не счесть!*

Юля подошла сзади к сидящему мужу, обняла его за плечи, сомкнув руки на груди, и прижалась щекой к его небритой щеке. «Стихи, конечно, дилетантские, но от сердца... — подумала она. — Господи! Когда же закончится эта напасть, так неожиданно обрушившаяся на нас? Что еще нужно для счастья: муж, дети — сыновья! — дело, полнота сил, энергия? Сколько всего хорошего можно сделать и жить, жить, радоваться жизни! Откуда напоззла эта черная злая туча? Когда закончится несчастье, и закончится ли вообще?» — на сердце ее похолодело от этой последней мысли. Она подошла к сыновьям, стала накладывать им еще еды, стараясь по-женски, по-матерински доставить им радость вкусной едой, вниманием, ласковым прикосновением, улыбкой и словом, — хоть чем-то оградить их от надвигающейся на них, еще почти несмышленных, беды.

— Почитай еще, — попросила она.

Курилов встал, подошел к окну, постоял, немного сутулившись, в задумчивости, вглядываясь в темноту вечернего города. Потом распрямился и, не оборачиваясь, стал читать:

*Что называется третьим Римом?
Ты ли страна моя, ты ли мой щит?
Образ России навеки любимой
Только таким мне всегда предстоит.
Даже сейчас, когда вместо счастливых,
Доброму замыслу вопреки,
Слезы от фактов и страшных, и лживых
Мне заволакивают зрачки.
Вновь обрести бы величье покоя
Гордой стране средь широких равнин.
Выйти пора из времен долгостроя,
Из бесконечных реформ и нуждин.*

Когда он закончил, молчание наполнило комнату, всю квартиру, казалось все и вся вокруг. Эта тишина была такой емкой, такой глубокой, такой значимой, что воспринималась уже и не просто тишиной, а некоей живой субстанцией вдруг возникшей здесь над ними, среди них, в них самих, пронзившей их души, ставшей их частью, объединившей мысли, чувства, сердца со всем окружающим — улицей, городом, страной. словно единая большая душа объяла их всех. И они почувствовали себя как единый организм, единая личность. И эта личность через их сознания озаботилась: «А так ли? А так ли я, и такой ли должна быть? Что же делать, чтобы стать другой?!» Сколько это длилось — миг, минуту, несколько минут? — Они не знали. Это состояние прошло, оцепенение отпустило тела, они по очереди вздохнули, и снова стали каждый собой. Но что-то в них все же изменилось...

ГЛАВА 48

Папка «Морока».

Серьезный разговор с сыновьями

Курилов, невзирая на работу защитника, решил сам ознакомиться с материалами по инкриминируемым «преступлениям». Самым для него доступным и быстрым способом в данной ситуации, когда каждое мгновение на счету, был Интернет. Через поисковик Google он нашел сайт «Зона_закона.Ру» и там — необходимые материалы.

Закрывшись в кабинете, чтобы никто не мешал, Андрей включил легкую спокойную музыку и, налив в стакан минералки из стоявшей на полке бутылки, снова сел за компьютер. Полистав странички открывшегося документа, вчитался:

«Одним из видов преступлений против здоровья населения являются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и сильнодействующих или ядовитых веществ. В наиболее полном объеме уголовно-правовые нормы, посвященные вопросам ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ, были изложены в УК РСФСР 1960 года. Хотя и ранее была

уголовная ответственность за этот вид преступлений. Еще в Уложении о наказаниях в главе «О преступлениях и поступках против постановлений, ограждающих народное здравие» («Это, наверное, еще до революции 1917 года», — подумал Курилов) имелось особое отделение, именуемое «О нарушении правил, установленных для продажи, хранения и употребления веществ ядовитых и сильнодействующих». Расширив основания ответственности (продажа лицам, не имеющим право на покупку ядовитых и сильнодействующих веществ, незаконное их приобретение, нарушения правил приготовления или торговли азотной кислотой), Уголовное Уложение 1903 года («Точно тогдашнее») дифференцировало санкции в зависимости от признаков субъекта преступления, выделив специально три статьи. В одной из них... («Так, не то, не то... Вот!») В третьей предусматривалась ответственность лиц, виновных в хранении для продажи сильнодействующих и ядовитых веществ без лицензии или с нарушением ее условий.

К этой проблеме законодатели обращались и при разработке УК РСФСР 1922 года и 1926 года...»

Андрей пролистнул страничку.

«Недостатком этого закона было то, что он вообще умалчивал о наказуемости соответствующих действий в отношении сильнодействующих и ядовитых веществ. Только в 1974 году была сформулирована норма, согласно которой незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка и сбыт сильнодействующих («Что ж эти крючкотворы любят повторять слова!» — ругнулся он про себя), а также ядовитых веществ, стало преступлением...»

«Так, и чем же грозят эти преступления, какое наказание положено за них?» — Курилов погасил сигарету в пепельнице и стал перелистывать странички файла в поисках соответствующей статьи.

Зазвонил мобильник, на определителе обозначилась фамилия защитника.

— Да, здравствуйте, Игорь Викторович! Слушаю вас... Так, так... Безусловно, встреча нужна. Сейчас посмотрю, какие у меня тут дела, и мы определимся... — Андрей взял лежавший рядом ежедневник, открыл на закладке. — Ну вот, Игорь Вик-

торович, завтра в 11⁰⁰ вас устроит?.. А?.. Хорошо, можно и в два. Договорились! До свидания.

Он снова повернулся к экрану. Нашел-таки необходимую статью и прочитал:

«Статья 228. Незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка или сбыт наркотических или психотропных средств.

1. Незаконное приобретение или хранение без цели сбыта... в крупном размере — наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

Незаконное приобретение или хранение в целях сбыта, изготовление, переработка, перевозка, пересылка или сбыт... — Так, так...—... срок от трех до семи лет с конфискацией имущества (!) и без таковой...»

Курилов оторвал взгляд от экрана компьютера и посмотрел в окно. Ясное солнечное утро предвещало жаркий день. Он вздохнул. «Но ведь они обвиняют в групповом преступлении по сговору... Так, что там дальше?.. Вот, вот...

«...Если деяния совершены а) группой лиц по предварительному сговору, б) неоднократно и в) в крупном размере...— читал Андрей, пропуская общие места и фиксируя внимание только на необходимой информации,— то от пяти до десяти лет с конфискацией и без таковой...»

«А если то же самое, но организованной группой, то есть бандой что ли? — повторил он прочитанное далее про себя,— то от семи до пятнадцати лет с конфискацией, «без таковой» отсутствует».

Далее следовала таблица, в которой были приведены названия веществ, подпадавших под вышеуказанную категорию наркотических или психотропных средств, и их размеры в границах соответствующих верхней планке для определения: «небольшие», «крупные», «особо крупные».

Он скопировал необходимый материал в папку «Морока» и стал читать далее. После всех необходимых определений и их описаний по данной статье следовала статья 234 — «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта». Под эту статью подпадали вещества, не являющиеся наркотическими или психотропными. В отношении их к рассмотрению принимались только крупные количества.

Наказания здесь предусматривались примерно в два раза меньшие и без угрозы конфискации. Курилов также скопировал эту статью с таблицей.

Он прикрыл глаза — потянуло в сон. Андрей несколько раз, сидя на стуле, проваливался в тягучую дрему и, как это бывает, просыпался от того, что голова падала на грудь или откидывалась далеко назад. Бессонная ночь давала о себе знать. Почти до утра они проговорили с Юлей по поводу всех этих последних передраг, вспоминали историю совместной деятельности, а потом переключились на личные воспоминания. Это в свою очередь повлекло за собой бурную интимную близость, как во времена их первых лет жизни. Вот уж воистину — опасность обостряет все чувства!.. Но потом — жизнь берет свое — мысли их вновь вернулись к сегодняшней неутешительной реальности. «Нет, нужно поспать! А то весь день буду клевать носом,— решил Курилов и прилег на диван...

Разбудил его звонкий голос младшего сына. Он только что вернулся из школы и с порога, как обычно, привлекал к себе внимание. Андрей посмотрел на часы — проспал два часа. «Более чем достаточно для дневного сна,— он встал — все равно скоро придет и старший сын, а там и жена должна подойти из солярия.— Наверное, выспалась там под лампой»,— улыбнулся он про себя.

— Пап, а почему к нам милиция тогда приходила с обыском? И что они искали?— вдруг спросил Юрка. Андрей понял, что вопрос этот мучил его и что давно надо было поговорить с ребятами — нет лучшей почвы для слухов и сплетен, чем неведение. На улице, наверное, уже кто-то что-то говорит, и могут такого наговорить! А как объяснить, что сказать?

— Искали то, чего у нас нет...

— Как это? Пап, ну, у нас много чего нет... А что именно?

Пришел старший, Владимир. Это отвлекло на какое-то время Юрку, и дало возможность Курилову подумать — как лучше сказать, как объяснить. И хорошо, что подошел Володя, лучше сразу с двумя поговорить.

А тут сын, подойдя по привычке к компьютеру, увидел там открытый файл с юридического сайта — Андрей забыл закрыть его,— вчитался и удивленно спросил:

— Пап, ты что, занимаешься наркотиками и ядами?

— Конечно, нет, с чего ты взял?

— А зачем статьи изучаешь?

— Пап, так они это искали?— подключился Юрка.

— Понимаете, ребята... Да, они искали *это*. Но вопрос не в том. Они бы никогда ничего не нашли и не найдут, так как *этого* у нас сроду не было и не будет. Вопрос в другом... Как бы это вам лучше сказать?

— Скажи как есть,— Володя посмотрел отцу прямо в глаза.

— Пап, ты что, преступник?— спросил младший.

— Ребята, вы у меня уже большие. Скажите, приходилось сталкиваться когда-нибудь с клеветой?

— Да!— почти одновременно ответили оба.

— Понятно... Мы сталкиваемся с нею с детства. Люди слепы и при поверхностном знакомстве не видят сути другого человека, потому часто принимают на веру информацию о нем. К тому же не порядочные или с преступным сознанием люди используют клевету в своих, выгодных для них, целях.

— Ты хочешь сказать, что вас с мамой оклеветали?

— Скорее всего, это правильно назвать подведением под преступление. Когда его, как такового, нет, но можно создать условия, когда оно вроде бы имеет место. Это, как в футболе,— создание искусственного офсайда.

— И как вы намерены защищаться?— спросил Владимир.

— Намерены. Но только не их методами, мы же не они.

— А как?

— Только юридически, в суде.

— Пап, вас будут судить?!— расширенными от ужаса глазами спросил Юрка.

— Судебные процессы, Юра, бывают разными: над явными преступниками, вина которых доказана следствием; по поводу защиты чести и достоинства; инициированные для пересмотра дела и по другим причинам. А бывают и по ошибочному обвинению и даже по сфабрикованным делам. Но в любом случае истина должна быть установлена. Правда, не всегда это происходит.

— А кто на вас подал в суд? — продолжал допытываться сын.

— На нас не в суд подали, а заявление в прокуратуру, а она

по решению судьи возбудила против нашей фирмы уголовное дело.

— За что?— спросил Владимир.

— Вот это и есть самый главный вопрос. Есть люди, ребята, которые любят хорошо, и даже очень хорошо, жить, но не своим трудом, а извлекая выгоду из своего положения.

— Кто это?— вскинул голову студент.

— Да, есть... Диапазон людей этой категории широк. Сидит вот такой у себя в кабинете, читает нашу «Городище», а там статья: «Дима Харламов сделал себе подарок — купил квартиру почти в центре Москвы за 120 млн. рублей». Или «Он купил победу за 300 тыс. евро», «Фигурант подарил своему продюсеру кольцо за 65 тыс. долларов», Поймаю удачу за хвост». Читает и думает: «А чем я хуже?!»

— У нас в универе проводили соцопрос на предмет: «Кем вы хотите стать?» Результаты потом опубликовали в университетской газете «Болония». Так голоса распределились почти поровну между спортсменами, политиками, депутатами, актерами, банкирами и чиновниками...

— Вот-вот, и я про то же!.. Молодежь в основном стремится к денежным местам!— Туда, где можно либо легко, как говорится на сленге «новых русских», «срубить капусту», либо где платят за то же вложение ума, энергии и времени в сотни, а иногда и тысячи раз больше, чем людям других профессий.

— То есть, ты, пап, хочешь сказать, что кто-то решил погреть на вас руки?

— Не кто-то, Володя, а вполне определенные люди... И они, вместо того, чтобы помочь созданию дела, в нашем случае — дать некоторую отсрочку для накопления средств, необходимых для оформления новой лицензии, все сделали так, чтобы мы оказались преступниками перед законом, когда не согласились давать им возможность бесконечно наживаться за наш счет. И знаете за что?— За право работать!!!

— Кто же они?

— Это для вас не суть важно. Главное то, что вы правильно все понимаете.

— Мы правильно все понимаем!— почти хором ответили сыновья.

Раздался звук открываемой двери.

— А вот и мама пришла, радость нам принесла,— улыбнулся Курилов.

— Да, хорошие мои,— вошла в комнату Юлия, и на лице ее, как всегда, несмотря на все тяготы, светилась лучезарная улыбка.

— Правильно, так и нужно!— в ответ ей засветился Андрей, а вслед за ним, вздохнув, и ребята.

— Что вздыхаете?— засмеялась Юля.— Все будет хорошо, вот увидите!.. А сейчас ужинать! Небось, проголодались тут без меня?

ГЛАВА 49

Самый лучший адвокат

Как и договаривались, Курилов с защитником Мишаниным Виктором Игоревичем, встретились на следующий день. Это был полный, низкого роста и почти лысый мужчина с носом картошкой и пухлыми, немного выпяченными вперед губами. Говорил он мягким грудным голосом, часто сопровождая произносимое выразительной жестикуляцией.

— Ну, что, Виктор Игоревич, решили?

— Что решил?.. Вот составил ходатайство...

— Дайте посмотреть,— Андрей взял протянутые ему листы, сшитые степлером, и вчитался:

«В соответствии с п. 2. ч. 1. ст. 53 УПК РФ...— так, так...— (далее следовало перечисление еще ряда пунктов, частей и статей) прошу приобщить к делу в качестве письменных доказательств следующие документы...» — Так, что здесь еще?— Заверенная ксерокопия обращения гендиректора ООО «Патэс-пром» Курилова А.В. в адрес руководства Росспецнадзорздрава по Патрусевской области, подтверждающего факт заявления в конкретном содержании отчетливой просьбы о переоформлении лицензии в связи с изменением места базирования... так, так, что у нас тут?— Ответ руководства Управления Росспецнадзорздрава по Патрусевской области, выдержки из Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности...»

— Ну, как, Андрей Васильевич?

— С этим все нормально... А что по существу?

— По существу прокуратура, судя по всему, будет требовать срок с конфискацией.

— Что?! За что?!

— Они предъявляют обвинение по ч. 3 ст. 228, как незаконное приобретение и хранение в целях сбыта и т. д. наркотических и психотропных веществ, совершенные группой лиц по предварительному сговору, неоднократно и в крупном размере. А также по ч. 2 ст. 234, как незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в целях сбыта, совершенный группой лиц по предварительному сговору неоднократно и в крупном размере. По первой статье там от пяти до десяти лет, а по второй — от двух до пяти. Плюс еще ч. 2 ст. 171 — незаконное предпринимательство, совершенное группой лиц и сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, которая предусматривает наказание от штрафа в сто тысяч рублей до пяти лет, и ч. 3 ст. 174.1 — легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом, в результате совершения им преступления — от четырех до восьми лет со штрафом до одного миллиона рублей.

— Да, много вы, Виктор Игоревич, мне инкриминировали,— ухмыльнулся Андрей, закуривая и нервно затягиваясь сигаретным дымом.

— Помилуйте, Андрей Васильевич, я-то что? Это все они...

— Ну и что мне светит в итоге?

— Думаю, будут требовать семь-восемь лет общего режима и штраф в полмиллиона рублей с конфискацией.

— А я думаю, меня должны полностью оправдать, даже без штрафа, ну, может быть, там что-то чисто символическое.

— ?!

— Да, да, Виктор Игоревич! Ведь я не виноват — они должны были, если рассуждать здраво, дать отсрочку на оформление лицензии, а не заставлять делать ее чуть ли не в тот же день! Как вы не понимаете?

— Я все понимаю...

— Да нет. Если бы понимали, то не говорили обо всех этих сроках и конфискациях, а сказали мне: «Андрей Васильевич, вы будете оправданы, так как я сделаю то-то и то-то!» А вы

мне рассказываете... Ну, что там у вас еще?

— Вот ходатайство. Я тут выявил нарушение в проведении судебно-экономической экспертизы. О чем и написал в адрес судьи!

— Это уже хоть что-то.

— Я обращаю внимание судьи на то, что производство данной экспертизы следователем было поручено работникам Экспертно-криминалистического управления Департамента специального и криминалистического обеспечения службы по контролю над оборотом наркотиков. То есть, была поручена экспертам, состоящим в штате того же органа, что и следственный отдел, чьим сотрудником и назначена экспертиза. А это, на основании соответствующих пунктов части и статьи УПК РФ, которые указаны в ходатайстве, не разрешено в производстве по уголовному делу!

— Так, так!

— Поэтому я и прошу судью назначить независимую судебно-экономическую экспертизу повторно. И еще одно ходатайство о вызове в суд в качестве свидетеля начальника Управления Росспецнадзорздрава Г.И. Михайлова.

— Виктор Игоревич! Первое ходатайство, что вы мне предоставили, единственный документ, достойный звания защитника, которому я плачу. Второе — само собой разумеющееся, о нем и говорить нечего! А все, что было сказано до того — это переливание из пустого в порожнее, если не сказать хуже, как я считаю, и на что намекал ранее.

— Андрей Васильевич, ну как же?

— У вас договор с собой?

— Какой договор?

— О нашем сотрудничестве.

— Да.

— Давайте сюда. Я хочу расторгнуть наше соглашение.

— Вы хотите взять другого адвоката?

— Самым лучшим адвокатом для себя, чувствую, буду я сам!

— Вот договор,— Мишанин вынул из портфеля папку и, достав из нее договор, протянул Курилову.

— Вот тут написано: «В случае расторжения соглашения по инициативе Доверителя, вознаграждение возврату не подлежит». И еще — «Каждая из сторон вправе в любое время отказаться от

исполнения настоящего соглашения в связи с утратой доверия...» Так что ваша работа мною оплачена. Более никаких вопросов и претензий у меня к вам нет. А у вас?

— Какие претензии? Вы все оплатили. Просто я хотел вам помочь...

— Спасибо, спасибо, Виктор Игоревич, всего вам доброго!

— Удачи вам!

— Взаимно!

Курилов курил уже третью сигарету подряд, нервничая, переживая, не погорячился ли он, сможет ли сам вести свое дело? Но постепенно крепла уверенность в своих силах, в том, что не нужно быть «крючкомвором», чтобы добиться успеха, а достаточно проявить ум, энергию, волю и четко знать, чего ты хочешь. Стремился же Андрей только к одному — полному оправданию себя и сотрудников. «Вот в этом направлении и будем двигаться! А то мне тут сроки и конфискации всякие будут расписывать!..» — он сплюнул в пепельницу вслед последнему погашенному окурку и вышел на балкон.

Как и вчера стояла сильная жара, на небе не было ни единого облака, ни единого дуновения, и деревья стояли как нарисованные. Андрей, опершись на перила, стал задумчиво смотреть поверх крыш, туда, где за железной дорогой, за дальними домами зеленел лес.

«Нужно в выходные обязательно выбраться на природу, давно уже не отдыхал из-за всех этих неприятностей», — подумал он.

ГЛАВА 50

В «Славянском базаре». Своя точка над «і»

В середине августа 1934-го года в Париже вновь встретились наши старые знакомые — Земсков, Соловьев и Заянчицкий.

Николай Иннокентьевич — известный не только в кругах русской эмиграции, но и переведенный уже на многие языки мира писатель, выглядел моложаво и бодро, только седина и морщины на лбу и вокруг глаз выдавали его возраст. Супруга его,

Екатерина Владимировна, приболела немного и осталась дома. Сын, Дмитрий, получивший военное образование, служить не хотел, но и нигде пока не работал. Сегодня, благо погода стояла по-настоящему летняя, теплая и солнечная, он вместе с сестрой Леной и ее однокурсниками-студентами отправились загород.

Павел Иванович, в отличие от Земскова, растолстел, обрюзг, был достаточно неряшливо одет — и не мудрено, ибо ничем не занимался и увлечений никаких не имел. Небольшой доход от уроков, да еще жена Полина Ивановна до сих пор занималась по нужде домашним рукоделием, в чем она с юности была великой мастерицей. На то они и жили. Дети их, Петр и Владимир, тридцати четырех и тридцати одного годов от роду соответственно, уже обзавелись семьями, народили Соловьевым внуков и оба работали: старший — таксистом, младший — техником на заводе.

Михаил Григорьевич, профессор, читал лекции по юриспруденции на Русском юридическом факультете Парижского университета, выступал с докладами в русских организациях, был ухожен, в меру упитан, так же, как и прежде подвижен и эмоционален. Мария Павловна приехала с ним, и сейчас они с Полиной Ивановной отправились по магазинам. Сыновья же, Кирилл и Николай, степенные, второй половины четвертого десятка лет доценты того же университета и Лидия, сестра их, со своими семьями отдыхали, как и всегда, отдельно от родителей.

Земсков, Соловьев и Заянчицкий виделись редко — дела, заботы, да и разные уровни благосостояния по-европейски ставили преграды для более тесного и частого общения. В основном встречались в одном из храмов: кафедральном храме Трех Святителей или главном православном храме Парижа — соборе святого Александра Невского, либо на общих мероприятиях русской эмиграции. Вот и сейчас по окончании литургии в соборе, предварявшей начало Успенского поста, они встретились в русском ресторане «Славянский базар» в пригороде Булонь-Бийанкур (Boulogne-Billancourte), где жили множество эмигрантов из России, работавших на заводах «Рено» и «Ситроен», и где находился особняк князя Юсупова, и по доброй памяти беседовали.

— Ну, что, господа, окончательно погибла наша Россия?— после общего, как в случаях редких встреч знакомых и полагается, обмена информацией о личных событиях и новостями, начал Соловьев.

— С чего вы это взяли, уважаемый Павел Иванович?— вскинул на него густые кустистые брови Земсков.

— А разве не видно, что страна окончательно превратилась в тюрьму?

— Так это же к лучшему, милейший! Смотрите, какими темпами растет военный кулак Германии. Он готовится махать перед носом Великобритании и Франции, как, впрочем, и всего Запада, но в итоге — читайте историю Первой мировой войны — все закончится тем, что обрушится на Россию. Британия свое дело хорошо знает! — И что же вы, мсье Заянчицкий,— с ехидцей спросил Земсков,— видите в этом хорошего?

— Как что? Вы не понимаете? В России все недовольны существующим положением: крестьяне окончательно потеряли землю и волю во время кровавой коллективизации и теперь закабалены этими колхозами; рабочие не только не стали коллективными владельцами заводов и фабрик, как им было обещано, но превратились в полузаклученных; интеллигенция находится — и это еще мягко сказано — в «прокрустовом ложе» идеологии; родившийся было НЭП уже давно «приказал долго жить». Поэтому при первом же мощном ударе «западного кулака» по стране вся эта большевистская химера разрушится, как глиняный горшок!

— Да, бросьте вы, Михаил Григорьевич, никакого удара не будет. Гитлер и Сталин — союзники, им обоим это выгодно, поэтому они и останутся таковыми. Просто Россия превратится в экономический придаток Германии. И ничего хорошего в ней уже не будет. Постепенно диктатура вырождается, и начнется обычное загнивание, гниение и развал всего и вся. Все печально... и будет еще печальнее. Нечего гадать, нужно доживать свой век и... все, — Соловьев с тоской в глазах опустил седую непричесанную голову, выпятил нижнюю губу и уставился неподвижным взглядом в стол.

— Ну, нет, дорогой Павел Иванович, это вы приболели, ей богу! Простите, но «военный кулак», сокрушив режим Стали-

на, откроет для России, о чем мы еще в десятых годах мечтали, путь к цивилизации — единственный, истинно верный путь, и она расцветет! — патетически закончил профессор.

— Слушаю я вас, господа, и удивляюсь. Вы говорите о каких-то надуманных вами, или кем-то там еще, вариантах развития, не имея реальных знаний о происходящем сейчас в стране, о том, чем она и народ во всех его слоях живут, — вступил в беседу Земсков. — Во-первых, никакого длительного союза СССР с Гитлером не будет, разве что вот такой, как сейчас, временный, тактический. Слишком разные цели у нынешних России и Германии. Последняя всегда, еще со времен готского завоевания Европы, стре милась эту самую Европу объединить под своим началом. Россия же думала об укреплении своего большого евразийского государства, о его безопасности независимо от того, кто был у власти. Государственные интересы всегда были, а у нынешнего руководства СССР есть, превыше остального. Хотя были и «горячие головы», всерьез думавшие о совместном с Германией завоевании мира, то бишь о мировой революции, что на деле могло привести только к одному — повсеместной победе финансового капитала.

— А все они, большевики, разве не одно и то же, Николай Иннокентьевич? — печально взглянув на него, спросил Соловьев.

— Что вы, Павел Иванович, далеко нет! Всмотритесь и вдумайтесь — за идеологической риторикой очень многое можно разглядеть, если смотреть непредвзято.

ГЛАВА 51

На отдыхе в Ялте.

Метаморфоза, и ее корни

— Давно не виделись — лет пять уже будет. Как твои? — спросил Иван своего давнего друга Курилова, с которым встретился на отдыхе на пляже в Ялте в июне безоблачного 40-го.

— Да-а-а, время бежит... Мои? Жена на ТОЗ-е трудится мастером, Агрофена, старшая дочь, дома троих детей воспитывает, Антонина — мастер на швейной фабрике, Анна учится в Москве на врача, Федора в этом году в армию призвали, а младшенький Костя — школьник, восьмилетку заканчивает. Ну, а я тоже, как и супруга, мастер на Оружейном. А твои, Иван? Помню, их у тебя пятеро, кроме жены.

— Зина, жена моя, домохозяйкой трудится, я все же теперь начальство, цехом командую,— улыбнулся Степанов.— А дети по-разному: Степан руководит стройкой на Севере, Николай так и не захотел учиться, зато стал хорошим краснодеревщиком, Игнат — командир Красной Армии, а Ольга и Настя — врачи, вместе окончили 1-й Медицинский. — Могли ли мы, Иван, мечтать тогда, до революции, что наши дети станут образованными и достигнут всего этого?

— Конечно, нет, о чем ты говоришь?

— А помнишь, Гриша, разговор наш в семнадцатом? Правы мы были, что наш народ общественный. А товарищ Сталин и до того знал это и гениально предвидел, каким путем нам идти. И когда пришлось на деле в короткие сроки строить социальное равенство и справедливость, то народ и не нужно было учить коллективизму. Крестьянин-общинник был таким из рода в род. Такими же были и есть рабочие, вышедшие в основном из крестьян, у которых и за три поколения во времена капитализма не удалось до конца истребить дух общинности. И армия такая же была, так как состояла из тех же рабочих и крестьян.

— Да, правильно, и колхозы, и стройки индустриализации, и ОСАВИАХИМ, все это — коллективизм. И сами отношения в рабочей среде, на селе, в научных институтах, в армии близки к общинным. И курс этот верен! А то, о чем мы говорили, я хорошо помню. Это все у меня до сих пор на слуху, Ваня.

— Да, такой власти, такого общества, как у нас теперь, нет нигде в мире,— продолжал Степанов.— А что они там, «за бугром», думают о нас — это их дело. Нам важно, что мы сами о себе думаем.

Григорий повернулся на лежаке спиной к солнцу, чтобы тепло загорало равномерно.

— Жаль только, что много высокообразованных людей потеряли за годы революции и гражданской войны... Ведь у каждого своя роль, как в теле у каждого органа и даже клетки. Но свято место пусто не бывает — сколько людей из народа окончили рабфаки и институты и встали на их место.

— Но потеря была большая, и нужно было время, чтобы ее устранить. К тому же, ты понимаешь, количество не заменит качество... — и, немного помолчав, Григорий добавил: — А ведь те немногие, кто остались, смотри, каких успехов добились? Взять хотя бы Циолковского.

Солнце стало палить основательно, и Иван, сделав из газеты широкую пилотку, одел ее на голову.

— Скажи, будет ли война, как думаешь?

— Почем мне знать? — Григорий взял свежую «Правду», лежащую рядом и раскрыл ее.

— А я думаю, что хоть договор с Германией и хорошее дело — какая-никакая отсрочка, — но войны не миновать.

— Какая главная идея Гитлера? — Все для немецкой нации, но за счет других. Поэтому, думаю, что наша страна, богатая ресурсами — слишком лакомый кусок для Германии, чтобы фюрер не хотел проглотить его.

— Товарищ Сталин делает все, чтобы использовать время для подготовки страны к войне, вернее для защиты ее от нападения.

— Защиты в случае нашествия, — поправил Григорий.

— И здесь снова хочу сказать — без колхозов с их строгой дисциплиной, без организованности, коллективизма, основанного на нашем тысячелетнем духе общинном; без индустриализации, то бишь без машин, тракторов и военной техники — мы не сможем, в случае войны, супротив такой махины, как Германия, выстоять.

— Согласен, Иван, без этого и с кулаками-мироедами, которым лучше в тюрьме отсидеть, чем те же годы в армии отслужить, или зерно сгноить, чем дешевле стране продать, — мы далеко не уедем, и под пята Гитлеру точно попадем...

Друзья некоторое время помолчали, прислушиваясь к крикам чаек, к шелесту легкого прибоя, к гудкам далекого парохода. Затем Григорий, вдруг, спросил:

— Ты там, в столице не встречал случайно Николая Иннокентьевича Земского, бывшего моего помещика? Интересно — уехал он или остался? Чует мое сердце, что должен он быть в стране. Не мог такой человек уехать! Может фамилию такую — Земсков — слышал?

— Нет, Григорий, не встречал его, и фамилии не слышал. А почему ты так решил, что не мог он уехать? Ведь семья, обстоятельства, принудилровка?

— Ну да, согласен... Хотелось бы вновь встретиться, поговорить. Что он думает?..

— Григорий, ты сегодня будешь еще купаться?— перебил его Иван, вставая с лежака и покашливая.— Пойдем, окунемся!

— Давай покурим и окунемся. Что-то, и правда, заговорились мы с тобой.

...Выходя из воды, Григорий заметил, как что-то ярко блеснуло на склоне горы. «Крест?— первым делом подумал он, но потом решил — да какой тут крест, откуда, тут и церкви-то нет? Но мысль его зафиксировалась на этом, и почему-то вспомнилась церковь в его родном селе... Вспомнилось и то, как в тридцатом году ее закрыли, сняли колокола, крест и золото с купола, вынесли все иконы и богослужебные принадлежности, и все это увезли в город. Как сказали — на борьбу с голодом.

Мысли эти он озвучивать не стал, но в плане разговора со Степановым и, особенно, затронутой Иваном темы подготовки к войне, ему подумалось: «Когда и сама жизнь-то в опасности, не говоря о доме, хозяйстве, человек все, что у него есть, отдаст за здоровье и безопасность. Так и тут, вера в Бога и церковь — самое дорогое, что есть у народа. Но дороже всего — сам народ, в среде которого, как сказал потом, после реквизиции церковных ценностей, священник отец Никодим, есть много истинно верующих людей,— даже с партбилетами в кармане,— только молчащих об этом».

Кстати о разговорах и молчании. Отвлечемся, дорогой читатель, как мы это иногда любим делать, от наших героев и

их мыслей. Но не совсем, а немного отстранимся и посмотрим на них со стороны. Чуть более двадцати лет мы не делились с ними и отмечаем, как же изменились наши Григорий и Иван. Изменилась их речь, мышление, и все это притом, что «никаких университетов они не кончали». Причиной же такой метаморфозы является, как читатель догадывается, изменение самой жизни в Советской России, в том числе интеллектуализация ее сверху донизу, начиная от всеобщей начальной грамотности до включения в коллективное осознание всего происходящего и своей, в той или иной степени важной, в этом роли.

И это, как и многое другое, люди того поколения относили к человеку, которого сейчас, на большом временном расстоянии, — а, как известно, настоящее видится только на расстоянии, — можно назвать рачительным хозяином, строителем и защитником СССР, создателем такого государства, системы, организации народа, которые одни и могли помочь стране выстоять перед лицом небывалого врага, каким являлась нацистская Германия тех лет — мощный военно-экономический кулак, который создавался и пестовался мировым капиталом, прежде всего, для захвата, порабощения и эксплуатации России, ее природных ресурсов.

ГЛАВА 52

Возвращение. Неожиданная встреча.

...Прошло пять лет после возвращения Земскова в 35-м с семьей на родину. Преподававший в ЛенГУ историю России, он был в научной командировке в Москве и не мог не пойти на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ)* — этот вечный праздник с кипением людских потоков, эмоций, воды в фонтанах, радости бытия и символ обилия и народного богатства. Особенно это чувствовалось тогда, в сороковом.

* Так называлась в те времена ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства.

Он гулял по аллеям, заходил в павильоны, ни к чему особенно не присматриваясь, а просто отдыхая умом и душой. Взгляд его легко скользил по пейзажам, по архитектурным изыскам, по экспонатам и лицам людей. Вдруг его внимание привлек один человек, отдаленно кого-то напомнивший. Это был мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти, седой, стриженный под бокс, чуб был зачесан на правую сторону, высокий, статный, в белой рубашке навыпуск. В руке он держал свернутую газету и в такт ходьбе постукивал ею о ногу.

«На кого же этот человек похож?» — думал Земсков, непроизвольно направляясь в его сторону. Тот, заметив мужчину, пристально глядящего и движущегося к нему, также замедлил ходьбу и стал разглядывать незнакомца... Но вот догадка пронзила его, глаза блеснули, он улыбнулся и решительно повернул в сторону Земскова.

— Николай Иннокентьевич!.. Не может быть!.. Это — вы?! — воскликнул он, протянул было руку, но тут же опустил ее, и стоял, улыбаясь, не зная как себя вести.

Земсков тоже стоял и глядел на мужчину, по-прежнему чувствуя что-то знакомое, но так и не узнавая.

— Да это я — Григорий!

— Григорий Курилов, как же я сразу не догадался?! Конечно, Григорий!

— А я вас тоже сразу не признал. Но узнал все же первый. И не мудрено — вы у нас один были, а нас много.

— Ну да, ну да... Но семья Куриловых выделялась из всех крестьян.

— Интересно чем же?

— Своей основательностью: внешней и внутренней, в работе и быту.

— Да, мы — такие! — улыбнулся Григорий и пригласил Земскова присесть на лавочку.

— Нет, нет, Григорий, по такому случаю я приглашаю! — и сделал жест в сторону ресторана «Золотой колос», где можно было посидеть за летними столиками.

— Где же ты? Как ты? — спросил он, когда они уселись за стол.

— Живу в Патрусевске, работаю на Оружейном, семья, де-

ти — трое дочерей и двое сыновей, внуки... Да что обо мне? Вы как, Николай Иннокентьевич?

Земсков заказал подошедшей официантке бутылку «Мас-сандры» и фрукты.

— Я живу в Ленинграде, преподаю историю, пишу книги... Детей двое — сыну тридцать и дочери двадцать восемь. Дмитрий — командир Красной Армии, а Елена — врач. И внуки тоже подрастают. Хорошее дело — внуки, радости сколько от них! Давай выпьем, Григорий, за встречу и за наших детей.

Они чокнулись бокалами с темно-красным вином, выпили.

— Да, это так... Скажите, а вы так и не уезжали из России после революции?

— К сожалению, уезжал... Но не по своей воле — выслали среди прочих в двадцать втором.

— Хуже нет, когда под одну гребенку...

— Да, это так... Скажи-ка лучше, как ты живешь?

— Все хорошо, Николай Иннокентьевич, и зарабатываю неплохо — хватает на все. Да и все, кого знаю, довольны — хорошая жизнь настала! Только бы войны не было.

— М-да...

— Не сравнить жизнь, что была до революции, сразу после нее и теперь — земля и небо! — Григорию понравилось вино, и он стал рассматривать бутылку. Они снова выпили.

— Да, ты прав, Григорий, народ стал жить гораздо обеспеченнее, и безработных почти не осталось. Вот у тебя дети, какое образование имеют?

— Так одна дочка собирается в этом году на заочное отделение Механического института поступать, другая на врача учиться, а сын, который сейчас в армии служит, пишет, что будет поступать в военное училище. Старшей уже поздновато — трое детей, а самому младшему — еще пятнадцать, пока не определился.

— Замечательно!

Они сидели и разговаривали, но все время Земскова не покидало чувство, что Григорий не договаривает, хочет сказать что-то, рассказать, но не находит слов, как говорят в народе — не умеет сказать.

Они еще долго гуляли по выставке. Но вот подошло время рас-

ставаться — Григорий приехал в Москву по семейным делам, а Земсков торопился до ленинградского поезда попасть в книжный магазин на Арбате. Потому они — бывший барин с бывшим крестьянином, — обменявшись адресами и телефонами, договорились свидеться вновь.

ГЛАВА 53

Тайная тетрадь. Последний сон

Николай Иннокентьевич Земсков, вернувшись в СССР, стал профессором, членом Союза писателей и в свободное от преподавания время работал над очередным романом об эмиграции.

Когда началась война, он не эвакуировался, остался в городе и всю блокаду и послевоенные годы работал там.

Кроме преподавания, научной работы и писательства, было у Земскова и тайное занятие — толстая тетрадь в темно-синей коленкоровой обложке. Когда все дела по подготовке к очередной лекции и семинарским занятиям сделаны, когда написана очередная страница статьи и глава повествования, обычно где-то ближе к полуночи, он доставал из сейфа заветную тетрадку и раскрывал ее на очередной исписанной мелким почерком странице. Иногда, как и сегодня, он просматривал написанное ранее, делал исправления и пометки.

Содержание всех бесед с коллегами, друзьями и знакомыми до революции и в эмиграции о России, все собственные мысли и тогда и сейчас, о ее корнях и причинах истории, судьбе и будущем были здесь. Читателю они хорошо известны, поэтому не будем их повторять. Расскажем лишь о его последних, заключительных соображениях.

На дворе стояла осень 1945 года. Отгремела страшная по своей жестокости и судьбоносности, когда на кон было поставлено, как никогда, все, — само существование России и народа, — война. Избылась блокада — неимоверное испытание физических, душевных и духовных сил тех, кто и в этих условиях оставался человеком. Хотя были и в блокаду люди, жившие припеваючи — кум королю, не обделяя себя ни в чем,

жили за счет других жизней вампирами-упырями.

Все было уже позади, и Николай Иннокентьевич убеждался вновь и вновь в правоте избранного страной, а вернее ее рачительным хозяином, пути. Страшно подумать, что бы было, если перед такой угрозой с Запада страна и народ находились в бесконечных распрях, спорах, дебатах, и еще хуже — рвачестве, буйном расцвете частнособственнических инстинктов и борьбы за власть. И это все — в то время, когда угроза уже была оформлена в лице народа, воодушевленного ему идеями национал-социализма, в лице мощного государства, какое из себя представляла нацистская Германия, готового разорвать и растоптать, пожрать и переварить любого, — будь то народ или человек, — выступающего против, и земли и богатства которого представляют интерес.

Убеждался Земсков и в правоте своего понимания произошедшего в октябре 1917-го как введения «карантина» в целях излечения страны и народа от глубоко внедрившейся за десятилетия до этого страшной, смертельной «инфекционной болезни», поразившей все общество снизу доверху, — переноса на российскую землю западного образа жизни и мышления, западных ценностей; всеобщего глумления над властью, над традициями и корнями; духа потребительства и наживы.

И вот теперь, когда все его прежние мысли были изложены (как, впрочем, и мысли оппонентов), когда он еще и еще раз убедился в правильности своего понимания новейшей истории России — и не теоретически, а в ее реалиях: по состоянию страны, народа, человека; и не с позиций обывателя или космополита, не с позиций националиста или, наоборот, интернационалиста, — с высшей, провидческой, трансцендентной точки зрения*, он имел полнейшее право дать ход своим мыслям о будущем России, как он его понимал, и о том, что сейчас, по его мнению, необходимо делать. Ясно было, что доверить эти мысли, как и всю тетрадь, нельзя никому...

Потому писал Николай Иннокентьевич и «хоронил» тетрадку далеко в сейф, подальше от разных глаз, до поры до времени.

* С точки высшего умозрения, выходящего за пределы опыта (авт.)

Писал же он, что теперь после «карантина», после Великой Победы (есть такое славянское слово «перемо́га», очень хорошо выражающее суть победы в этой войне), после восстановления хозяйства (не экономики, думал Земсков, а хозяйства, во всей его софийной общности), необходимо самым тщательным и наипервейшим образом, но постепенно, с постоянной проверкой по обратным связям, начинать движение в направлении развития всех составляющих этого сверхмудрого хозяйственного механизма. Сюда Николай Иннокентьевич относил, кроме общественного — государством и организациями — владения, развитие и всех форм коллективной собственности: трудовых коллективов, кооперативов, товариществ, общин, наряду с индивидуальной (в том числе и семейной) — без найма работников со стороны, — и ограниченной, то есть такой, чтобы никоим образом не вредила и не губила все иные формы собственности, занимая небольшой в процентном отношении сектор среди коллективных, государственных предприятий и ремесленников-индивидуалов, производящей **реальные товары**, работающей на общественное благосостояние, то есть вносящей в казну соответствующие налоги, частной — но, опять же, коллективной! — собственности партнеров и акционеров (без контрольного пакета акций). В софийном (премудром, всемудром) хозяйстве все необходимо и важно, поэтому Николай Иннокентьевич писал и о развитой форме народного представительства, начиная от трудовых коллективов и товариществ жильцов, местного самоуправления и до самого верхнего уровня в форме законотворческих собраний и совещательных палат. Здесь была предусмотрена хозяйственная забота и о культуре во всех ее проявлениях, и о науке — достойные гонорары и оплата труда на всех уровнях, вплоть до самых верхних ступеней признания за ценный вклад в развитие этих отраслей (конечно, в соответствующих размерах, в зависимости от вклада), поощрение молодых талантов и не только оплатой, но и общественным признанием и продвижением в союзах соответствующей иерархии. А вначале создать инкубаторы молодых ученых, литераторов, актеров, художников, музыкантов, религиозных служителей и так далее. Не забыл он и об образовании. Необходимо было бы ис-

править здесь, убрать все «белые пятна», которые возникли по тем же вражьим планам, как то: генетика, кибернетика, вычислительная техника и другие. Много еще о чем писал Земсков. О России, как носителе софийности хозяйства (и не стесняться говорить об этом открыто, ибо это не в ущерб другим народностям будет, а во благо, исходя из генетического стремления русских к созданию всенародного братства). Религии тоже отдал должное Николай Иннокентьевич — полное отделение от государства вплоть до самофинансирования, что будет вести священнослужителей в народ, к людям — проповедовать, учить, помогать, а не сидеть и ждать пока придут (а не придут, и за то — слава Богу!), и стремиться преподавать в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах основы религии, нести людям книги, снимать и показывать в соответствующих кинотеатрах и по телевидению фильмы... Приоритет здесь коренным религиям России.

А еще должна быть партия, но отделенная от государства и занимающаяся нравственным воспитанием людей через их сознание.

Спросят — а кто руководить будет в государстве? Как кто? Да те же, что и века руководили — управленцы, начиная от самых низов до самых верхов. Но, вопрос, какие? И тут Николай Иннокентьевич все продумал. Во-первых, это должны быть очень высокооплачиваемые люди, чтобы не было необходимости взяточничать, чтобы дорожили своими местами, заметим, не выборными и сменяемыми, чтобы не было временщиков-рвачей, чтобы покидали свои места только по пенсионному возрасту, болезни, неспособности исполнять и по приговору суда. Это еще хорошо и в том плане, что энергия молодых будет направляться не на борьбу за власть, а на созидательный труд в соответствии с их способностями. Во-вторых, таких управленцев должны воспитывать и обучать в специальных учебных заведениях со строгим тестовым и рекомендательным отбором из числа претендентов еще в отроческие годы. Рекомендовать кандидатов могут и местные религиозные организации, партия (повторим, отделенная от государства), действующие управленцы и коллективы, где они до этого учились или рабо-

тали. Но, опять же, через тестирование по многим параметрам. Таким образом, будет создаваться элита управления на всех уровнях.

И вот еще что, думал Земсков, ресурсы страны — это данное народу России Господом Богом наследство, которым он должен мудро управлять, хозяйственно распоряжаться и через это получать блага жизни. Например, граждане могут получать определенную долю в деньгах от дохода, получаемого государством (а ресурсами должно управлять только государство!) от их реализации или использования. Как в крестьянской семье — все члены семьи пользуются благами от ведения общего семейного хозяйства, от богатства, которое есть или произрастает на участке земли. Так и с ресурсами страны должно быть.

И чем лучше сработало народное хозяйство региона в данном году, чем больше получено дохода сверх запланированного местным бюджетом, тем меньше должны люди платить за ЖКХ, за проезд в транспорте, за другие услуги в течение следующего года...

Много о чем было сказано в этой тетради. Можно было отдельный трактат опубликовать. Но рамки данного романа не позволяют превратить художественное произведение в философский теоретический труд одного из героев, даже если речь и идет о теории необычного нового софийного устройства всеобщего народного хозяйства.

Дописал сегодня Николай Иннокентьевич последнее слово в своей тетради, поставил точку и откинулся на спинку стула. Почему-то вспомнил о Григории, сильно потянуло к нему. Закрыв он глаза, мирно и благостно стало на душе. И видит Земсков: на белых крыльях какие-то существа несут его к солнцу, и чем ближе они подлетают, становится ясно, что не солнце-то вовсе, а в центре света стоит Сам Господь и улыбается ему. «Господи! Помилуй мя, грешного!» — прошептал он и вздохнул.

Почему-то исчезли все звуки — не капала больше вода из крана на кухне, не постукивала ветка клена в стекло окна под сильным ветром, разыгравшимся сегодняшней ночью, исчезли и все ощущения: стула, пола, рук и ног, халата на теле; исчезла резь в уставших от занятий глазах. Исчезло все, кроме

света.

И он понял, что этот свет вечен.

ГЛАВА 54

Суд

4 сентября в суде С-го района города Патрушевска началось рассмотрение уголовного дела по обвинению А.В. Курилова и группы лиц (...) в совершении преступлений, предусмотренных... (да простит нас читатель, эти пункты, части и номера статей были перечислены ранее, напомним только что речь в них идет об ответственности за незаконное приобретение и хранение сильнодействующих и ядовитых веществ с целью продажи, а также за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере).

Дело рассматривал судья Протопопов А.И. Государственное обвинение поддерживал помощник прокурора Советского района Царев Г.П. Защиту обвиняемых, кроме Курилова, осуществлял адвокат Синюхин М.И. Как мы уже знаем, Андрей Васильевич, решил защищать себя сам.

Гособвинитель, как положено, зачитал обвинение, согласно которому А.В. Курилов, введя в заблуждение своих сотрудников, организовал преступную группу, которая совершила... (Далее на скучном юридическом языке шло перечисление всех их «деяний»). В конце прокурор сказал:

— В результате преступных действий А.В. Курилова... требую для А.В. Курилова восемь лет в колонии общего режима с конфискацией имущества и штраф в пятьсот тысяч рублей; для... (и далее по рангу).

Андрей слышал все это, понимал, что находится в суде, что дело касается его лично, его жизни в ближайшие годы, нервы были напряжены, чувства обострены, сердце билось чаще обычного, и в то же время он, как это ни парадоксально, одновременно наблюдал все происходящее как бы со стороны. Он слушал, что говорил прокурор, а мысли текли своим чередом.

И думалось Курилову, что человек не способен как следует защищаться, если его незаконно обвиняют в том, чего он не совершал, если обвинения — глупость и абсурд, если все это равносильно удару обухом по голове или выливанию на него ушата грязи; ведь невозможно человеку, живущему в мире логики, опровергнуть алогичное... Вспомнился ему и майор Оловянкин из наркоконтроля, готовый пойти на любое незаконное действие, вплоть до преступления, якобы для защиты закона. «Кстати, их служба осуществляет контроль за обращением наркотических средств и психотропных веществ. То есть за всем оборотом: «законным» и «незаконным». А почему же до сих пор поток наркотиков в нашу страну не ослабевает, количество наркоманов не уменьшается и от этого «зелья» гибнет все больше и больше людей?» — подумал он. Вспомнились ему и контакты с этим самым прокурором Царевым, в глазах которого Андрей на всех встречах читал страх. Тот всегда боялся лишний раз слово сказать вне рамок конкретного вопроса. И Курилов скоро раскусил его позицию: прикажет вышестоящий начальник — сделаем, чего бы это ни стоило. Нередко во время следственных процедур Андрей буквально испытывал ностальгическое чувство по прокурорам и милиционерам из старых советских фильмов...

Размышления Курилова прервало обращение председательствующего. Суд перешел к заслушиванию показаний обвиняемых.

Курилов заранее хорошо знавший, кто и что будет говорить, все же краем уха слушал слова сотрудников, где-то в глубине души на что-то надеясь. Но его ожидания не оправдались: Николашкин по-прежнему все валил на него, Медведкин открепщивался ото всего, Драницкий, как и на следствии (будто его кто за язык тянул) раскрывал все их «маленькие хитрости»...

Когда очередь дошла до Андрея, он рассказал все, как есть, умолчав только о своих взаимодействиях с Михайловым.

Гособвинитель просит огласить показания обвиняемых, данные ими на предварительном следствии. После заслушивания был вынесен вердикт — показания на суде и на предварительном следствии не противоречат друг другу.

Далее суд приступил к оглашению письменных материалов дела: протоколов осмотра офисных и жилых помещений, результатов судебных экспертиз и пр., и пр. Курилов все это время, наблюдая за происходящим, как за скучным спектаклем, с которого так хочется уйти, да нельзя — не один, с женой, а ей нравится, потому приходится сидеть и глядеть одним глазом, слушать одним ухом и думать о своем, о том, что волнует. И он еще раз внутренне удивлялся, осознавая, что на самом деле волнующее его и происходящее на этом судебном заседании находятся в разных плоскостях бытия.

Несмотря на начало сентября, на улице стояла жара. Кондиционеров в помещении судебного заседания не наблюдалось и, хотя окна и двери были приоткрыты, духота была невыносимая. В воздухе повисали слова, параграфы и пункты статей. Сам том пухлого дела по обвинению, казалось, приподнялся над столом и повис над ним, обретя некую легкость в этой вязкой атмосфере духоты.

Андрей вспомнил, как в детстве они мечтали о наступлении XXI века, о том, как там будет прекрасно. «Вот он — век наступивший, во всей красе, а о нормальных межчеловеческих отношениях можно только мечтать... или вспоминать,— подумал он.— Вот и сегодняшний суд. Конечно, и речи нет о том, что я — идеал. Но все же нормальный парень, а не сволочь, негодяй или преступник какой против страны и людей! А вот судят. Значит это кому-то нужно? И получается, что закон не защищает. Иначе, почему таких, как я, стараются загнать за кон?»

Тем времен судебное заседание шло своим ходом. Заслушивались показания свидетелей: сотрудников, людей, которые пользовались услугами «Неотложки», и партнеров. И хотя из уст некоторых свидетелей обвинения звучали заявления, не соответствующие правде, а порой и совсем неадекватные, Курилов всячески сдерживал себя, берег силы для защиты — ведь он должен был защищать себя сам.

После оглашения протоколов обыска дома у сотрудников и документов и материалов, характеризующих обвиняемых, слово для ходатайств было предоставлено линии защиты.

Андрей заметил, когда он говорил то, что свидетельствовало

в пользу его оправдания, судья вел себя очень интересно. Он то делал вид, что не слышит, как будто его нет на заседании, то махал на него рукой, — молчи, мол, тебе же лучше делаем! — когда защищающийся фиксировал внимание суда на неверных доказательствах обвинения.

— Уважаемый суд, где же презумпция невиновности? — спросил Курилов. — Почему в деле не фигурируют показания свидетелей, имеющих прямое отношение к оплате услуг, предоставленных непосредственно в тот период времени, который рассматривается? Они здесь, ждут, и вы можете их допросить.

После допроса дополнительных свидетелей, суд предоставил слово защитнику других обвиняемых. Курилов, ранее не участвовавший в судебных заседаниях, знающий о них преимущественно только по книгам и фильмам, не переставал удивляться. Он и не подозревал насколько может снижать защитник (буквально до состояния «язык в з...це»), когда дело доходит до выступления на судебном заседании. Наверное, связан с определенными структурами или некими отношениями с судьей или прокурором. Он знал, что такие «защитники» или «борцы с наркоторговлей» и прочим, если и теряли работу по тем или иным причинам, то тут же устраивались, и еще лучше, чем прежде...

Далее суд перешел к прениям сторон. После выступления гособвинителя слово было предоставлено защите. Курилов уступил «пальму первенства» защитнику сотрудников и, не слушая его, думал о своем, готовился к своему слову. Когда защитник закончил, Андрей после логического обоснования несостоятельности обвинения в свой адрес сказал:

— Уважаемый суд! Как быть, если версия обвинения об извлечении доходов несостоятельна? Почему доход предприятия инкриминируется физическому лицу — А.В Курилову, якобы он получал эти доходы сам, осуществляя предпринимательскую деятельность без лицензии, вместо предприятия? Человека, не извлекавшего дохода и не получавшего денежные средства, нельзя обвинить в этом. Ведь ни из одного документа уголовного дела, ни из одного протокола допроса не видно, а следовательно нет доказательств, что Курилов извлекал доход

и получал денежные средства от деятельности предприятия ни в каком размере, а тем более в особо крупном, и тем более осуществляя незаконную предпринимательскую деятельность. Точно также можно предъявить обвинение руководителю любого предприятия или даже налогового органа в получении дохода. Почему из восьми экспертиз в расчет берется только одна, почему следователь не рассматривал экспертизу о расходах? А ведь из нее ясно видно, что никакие доходы из деятельности предприятия лично не извлекались. И раз так, то и обвинение беспочвенно! Не говоря уже о том, на каком основании при обвинении в получении доходов предприятия проводились обыски в жилище физического лица, не получавшего эти доходы, что и доказано выше? Причем оказывалось давление на лицо, не являвшееся в тот период даже подозреваемым, путем непрерывного допроса большим числом дознавателей, не разрешая позвонить адвокату? К тому же длительное время прослушивались телефонные разговоры, не только коммерческие, но и личного характера, а это прямое нарушение Конституции и прав гражданина. Почему происходили запугивания, изъятия домашнего компьютера и личных вещей не только моих, но и членов семьи, не имеющих вообще никакого отношения к предприятию? Для чего блокировать работу предприятия, лишая тем самым население возможности пользоваться услугами неотложной медицинской помощи?..

ГЛАВА 55

Закулисная сделка.

Дело закончилось кредитом

В то время, как шел судебный процесс, Юлия с болгаринцом Драго Панайотовым как раз закончили телефонные переговоры с поставщиками из Болгарии. Решали вопросы, убеждали, даже просили. Условия-то, диктуемые Михайловым, были не совсем подходящими для болгар. Но Драго понимал, что это необходимо Андрею, от этого зависит исход суда, который сейчас проходил недалеко от места, где они находились. И у них получилось!

Теперь они, внутренне довольные, сидят напротив Михайлова и заключают договор на три года о прямых поставках из Болгарии через Панайотова, минуя, естественно, Курилова, то есть на условиях максимально выгодных для фирмы, прямо скажем, Михайлова; к тому же по ценам, невыгодным для болгар.

Когда все вопросы были оговорены и решены, Михайлов, поднял трубку и кому-то сказал: «Все нормально...» После этого Драго расписался в договоре и нотариус, в присутствии которого он составлялся, заверил его.

— А не обманете?— не удержалась Юлия, когда нотариус вышел.

— Какой смысл?— нимало не смущаясь, ответил Михайлов.— Ведь через три года мы снова будем заключать.

— Снова?— вскинул брови Панайотов.

— Ну да!— и так же хладнокровно продолжил:— Да и сейчас, если обману, то вы можете разорвать договор, отомстив за друга. А нам это невыгодно... Так что не нервничайте и поезжайте в суд, поезжайте!..

Когда Юля с Драго вышли из здания и сели в машину, он сказал:

— Ну, прямо бизнес у них тут (или у вас, как правильно сказать?)

— Да, уж... Но теперь главное — суд, как там? Что-то ведь должны присудить, обвинение-то серьезное?..

К моменту их появления в судебном заседании был объявлен перерыв. Они подошли к Андрею и обменялись информацией. Тот, узнав новости, заметно повеселел, хотя на душе было пакостно.

Но вот раздалось классическое: «Встать, суд идет!», и все расселись по местам.

Не будем утомлять читателя длинным приговором со всеми, как водится, преамбулами и отступлениями. Приведем только его концовку, так как все вышесказанное для решения участи Курилова не играло уже никакой роли — все определил звонок. Куда и кому следует. Ну, а концовка приговора была такой:

— ...Ввиду того, что обвинение в уголовном преступлении

было предъявлено Курилову А.В. впервые, что имеются многочисленные характеристики, представляющие Курилова А.В. с положительной стороны, а также учитывая состояние его здоровья (инвалидность 2-й группы) и иные смягчающие обстоятельства, а также то, что не было причинено вреда здоровью граждан, их конституционным правам и свободам, не причинено ущерба и государству, напротив оно получало налоги от данной деятельности, суд считает совокупность этих обстоятельств исключительными и полагает возможным назначение более мягкого вида наказания, чем лишение свободы. А.В. Курилова (...) приговорить к штрафу в размере шестисот тысяч рублей, который он должен уплатить единовременно до 15 сентября 2008-го года в установленном порядке.

В просьбе о рассрочке платежа на три года суд отказал...

После суда Андрей с Юлей и Драго ехали забитой машиной, несмотря на дневные часы, центральной улицей города.

— Может, отметим?— спросила жена, когда они проезжали мимо ресторана.

— Что отмечать? Это не победа, а полное поражение, если учесть каким путем все устроилось, да и сумма приличная...— ответил Курилов.— Поехали домой, устал я...— И правда, после суда он чувствовал себя изнасилованным духовно и душевно.

«Ну, дороги, как вы дороги!— почему-то подумал он, хоть и уставший, но в философском настрое духа.— Суд — это не суть, но страх я все же испытал. А страх — та же болезнь, может быть, еще похуже, серьезнее физической».

— Андрей, не переживай,— Панайотов почувствовал его настрой.— Хоть мы и не уверены в завтрашнем дне, но будем жить так, как нас раньше учили. Тогда все рано или поздно наладится.

— Да, Драго, ты прав,— согласилась Юля.

Курилов тоже согласно кивнул головой и, задумчиво глядя на дорогу, подумал: «Наладится, и будем счастливы... А что такое счастье, и чем оно измеряется? Вот раньше, еще в те времена, когда мы с Юлей были совсем молоды, счастье наше личное вырастало или произрастало, как отдельный цветок на ухоженной клумбе, из общего счастья, включавшего и гордость за страну, за ее величие и богатство. Сейчас много сво-

боды. Но она только средство *для чего-то*, например, честно делать свое дело, или *от чего-то* — для бесчестных и наглых. Раньше не было больших свобод даже для тех, кто хотел что-то хорошее создать, но и те, оглоеды, которых хватало всегда, все же боялись открыто творить свои поганые дела, как они это делают сейчас, порой маскируясь «легкими накидками» — должностями, мандатами, званиями... Да, не скажешь солнцу: «Свети ярче!» Но, может, и наладится все, кто знает?»

Дома их встретили дети, загомонили, обрадовались, неискушенные еще реальностями современной жизни, не понимая, чего эта «победа» стоила и какую «борозду», подобно обнаглевшему от привалившего счастья — проезжей машины — какому-нибудь нуворишу или «офисному планктону», на радостях исковеркавшему въездами, разворотами и выездами еще недавно девственную и радовавшую глаз стольким отдыхающим жителям окрестных домов поляну, оставила она в душе. Им это было еще невдомек. «Ну, да может быть, и к лучшему», — подумал Курилов и отдался со всею непосредственностью этому маленькому домашнему счастью, которое только одно пока и согревало его теперешнюю жизнь.

Итак, нужно срочно оплатить штраф. Новая головная боль для Курилова, так как у нашего генерального директора в наличности таких денег не было. «Придется брать кредит, — подумал Андрей, — что я всегда избегал делать, чтобы не вешать это ярмо на шею. Нужно шестьсот тысяч, значит, нужно будет выплатить где-то восемьсот пятьдесят... Во всяком случае, сейчас необходимо узнать все условия. И он отправился в центральное отделение Сбербанка. Встретил его обильный блеск стекла и металла вкупе с ослепительными улыбками девушек в белых блузках с зелеными косынками на шее. Курилов подошел к свободной девушке-консультанту, и та на его вопрос о предоставлении кредита на необходимые нужды — приобретение машины — тут же «на зубок» отчеканила:

— Граждане России от восемнадцати до семидесяти лет, имеющие постоянный источник дохода, могут получить такой кредит, если в рублях... — тут она посмотрела на Андрея.

— Да, да, в рублях.

— ...то со ставкой девятнадцать процентов годовых.

— Как бы девятнадцать! — заметил Андрей.

— Нет, нет, девятнадцать годовых!

— Ну, ладно-ладно, продолжайте.

— Так вот, срок рассмотрения — до двенадцати рабочих дней, срок погашения — до пяти лет, в зависимости от суммы кредита и дохода. Из последнего также определяется возможность предоставления запрашиваемой суммы.

«Хитро закрутили, — подумал Курилов, — поменьше доход укажешь, чтобы растянуть срок выплаты, могут сумму, какая нужна, не выдать, а больше укажешь, срок выплаты срежут, ростовщики проклятые».

— А какие документы нужны?

— Заявление, паспорт, документы, подтверждающие величину дохода и удержаний за последние шесть месяцев, анкета. Вы какую сумму хотите получить?

— Семьсот тысяч рублей.

— Тогда вам нужно предоставить еще водительское удостоверение или справку из психоневрологического диспансера. Также нужны поручительства от двух платежеспособных предприятий или организаций, работодателей заемщика, являющихся клиентами банка.

— Бог мой! — воскликнул Андрей. — А справка от Папы Римского вам не нужна?!

— Нет, от него не нужна! — засмеялась девушка Галина (на бейджике прочитал).

— У меня нет работодателей, я сам работодатель.

— Тогда просто от юриц — клиентов нашего банка...

— Понятно. Спасибо! Вы были очень любезны. Он вышел из здания банка, сел в машину и, прежде чем включить зажигание, подумал. «Теперь нужно подготовиться ко всем проверкам с их стороны, ко всему, что они могут напридумывать. А чтобы ничего не упустить, поговорю-ка я с Вероникой, наверняка она все знает».

Вероника Щеглова — юрист из «Лайтконсалтинга» как раз направлялась на обед. Они встретились на парковке у входа в ресторан «На графских развалинах». Во время обеда, которым Андрей угостил свою, еще по былым делам, старую знакомую, та подробно посвятила его во все тонкости банковской

кредитной процедуры.

— Первым делом банк запросит твою кредитную историю, проверит, как ты выплачивал прошлые кредиты, есть ли непоплаченные займы. Если у тебя кредитной истории нет...

— Нет...

— Да?.. Тогда будут проверять по-другому.

— Как?

— Не торопись, сейчас все расскажу... Через Интернет сотрудник банка наведет справки о твоей фирме, посмотрит уровень качества сайта, проверит совпадают ли телефоны, указанные на сайте и в анкете, позвонит вам в бухгалтерию, руководителю, то бишь тебе, представится рекрутером, чтобы узнать о твоём опыте и способностях. А может быть, ограничится общением с секретаршей и уже сделает свои выводы. Приготовьтесь к звонкам от якобы коллекторов, страховых агентов, налоговиков. Возможен и приезд с целью посмотреть контору — помещение, размер штата сотрудников.

— Фу-у-у... Прямо ЦРУ какое-то!

— Ну, так, сам понимаешь, для них это риски, да и сумма, наверное, немалая, а?

— Семьсот тысяч рублей.

— Ну вот, видишь!.. Что будешь приобретать?

— Секрет!.. Шучу, шучу... Штраф выплатить придется.

— Штраф? Значит, по суду. И, раз большой, по уголовному делу... Смотри, Андрей, предупреди всех, чтобы ни гу-гу про суд!

— Благодарю, Вероника, за исчерпывающую информацию и предупреждение! Сразу, как только стану Ротшильдом, возьму тебя к себе главным юрисконсультom.

— Не станешь, я тебя знаю! Пожелаю лучше спокойного и стабильного плавания твоей фирме на все время, да не с пустыми трюмами!

— Откуда такая морская терминология? Раньше вроде все больше по-сухопутному изъяснялась?

— Так поздравь! Муж у меня образовался, да не простой, а капитан первого ранга в отставке.

— Поздравляю! Ты смотри, молодец, и здесь не похожа на остальных.

— Ну так!..

Они расстались весьма довольные друг другом.

Не будем досаждать читателю описанием всех перипетий сбора и составления необходимых документов, сбывшихся и несбывшихся проверок со стороны банка, всех треволений нашего героя в ожидании решения своей финансовой участи. Скажем только, что, в конце концов, он услышал долгожданное: «Кредит в запрошенном Вами размере разрешен».

Итак, штраф был Куриловым оплачен. Теперь необходимо оформлять заново лицензию, для чего он и взял кредит на большую сумму. Но это уже было легким и беспрепятственным делом, так как Михайлов все свои вопросы с максимальной для себя выгодой решил. И вот, казалось бы, все нехорошее уже позади, после темной полосы, по всем писанным и не писанным законам мироздания, должна наступить светлая.

Но не тут-то было...

ГЛАВА 56

Шантаж. «Чудесное» исцеление

Раздался как-то телефонный звонок. На другом конце провода жесткий с металлическими нотками мужской голос произнес:

— Отдай «Неотложку», а не то худо будет!

— Кто это?— голос Курилова от неожиданности стал глухим.

— Много вопросов задаешь,— грубо ответил голос.— Отдай, и живи спокойно!

— А если не отдам?

— Не отдашь — в Патрушевске тебе не жить!..

Звонки продолжались всю неделю, включая выходные. Курилов, пока ничего не сказавший жене, лихорадочно обдумывал ситуацию, перебирая в уме возможные варианты ее разрешения, но... ничего не складывалось. Да и что могло сложиться в этой игре, когда на руках у него не оставалось уже ни одного козыря и ни единой более-менее стоящей карты.

Вот и сегодня Андрей сидел в кабинете, курил и ждал оче-

редного телефонного разговора, не зная, чем он закончится, на сей раз. Думать ни о чем не хотелось, и было одно желание — плюнуть на все, уйти от всей этой безысходности и забиться.

Открылась дверь, и вошла Юлия.

— Слушай, Андрей, подозреваю, что от «Неотложки» денег поступает меньше, чем следует.

— Почему?— он нехотя оторвался от своих раздумий.

— Да вот, мы с Литвиновой сопоставили расход бензина за месяц и изучили распечатку телефонных разговоров диспетчера...

— Ты думаешь, шалят?..

— А может быть!

— Позови ко мне Медведкина,— даже обрадовался хоть какому-то отвлекающему делу Курилов.

Валентин Александрович не заставил себя долго ждать и, войдя, как обычно, бодро и стремительно, остановился у стола, чуть наклонившись вперед и ожидая дальнейших распоряжений начальства.

— Почему большой расход бензина в этом месяце?— на всякий случай спросил Курилов, входя в свою привычную деловитость, задвигая томившее состояние опущенности куда-то в дальний угол души, откуда оно норовило-таки опять накатить и затопить его сверху донизу. Единственным спасением было — не снижать ритм деловой беседы — этого вовремя подвернувшегося разбирательства.

— Дальние рейсы, наверное...

— Что значит «наверное»? Принеси мне распечатку всех рейсов за последний месяц!

— Хорошо, Андрей Васильевич!— Медведкин вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Не давая себе передышки, Курилов поднял трубку телефона:

— Здравствуйте! А, Галина, ты сегодня дежуришь? Хорошо! Зайди ко мне минут через двадцать, лады? И захвати с собой журнал регистрации.

И тут же позвонил жене:

— Юль, можешь заскочить ко мне? Захвати ведомость по бензину. Сейчас с рейсами разберемся, а после Галина, дис-

петчер, зайдет.

Он закурил, включил чайник, стал по очереди, чтобы чем-то занять себя, выдвигать и задвигать ящики стола. Наконец, вошел Медведкин, и следом за ним — Юлия.

— Ну, что, Валентин Александрович?

— Вот рейсы.

— Так... Давай прикинем — дальность, м-м-г, так, суммируем,— Курилов придвинул к себе калькулятор.— Выходит... Я понимаю: десять — пятнадцать процентов разброс, но все равно по суммарному километражу рейсов получается, что бензина должно быть израсходовано почти в два раза меньше, чем,— если судить по деньгам, затраченным на эту статью расходов,— фактически было потреблено за отчетный месяц. Что скажешь?

— ?..

Получается, что не за все рейсы отчитываетесь? Мол, кому придет в голову смотреть километраж?

Медведкин, понутив голову, молчал.

Вошла Галина. Она присела на стоявший у стены стул.

— Что будем делать?— спросил Курилов, обращаясь к Валентину.

— Не знаю...

— А кто знает? Ладно, иди пока.

— Галин, сколько вызовов у нас было в прошлом месяце?— спросил он, приглашая старшего диспетчера переместиться поближе.

Она раскрыла журнал, пролистнула несколько страниц и, найдя необходимые записи, назвала количество.

— Так, так... Получается — звонков по распечатке гораздо больше. Как понимать?

— Андрей Васильевич, ну, звонят, а потом оказывается — не все знали, что платная.

— В рекламе, что, нечетко указано? Не может быть, чтобы две трети людей читать не умели.

— Кому-то цена не подходит...

— Многим? Конкуренции нет, и те, кто звонит в платную «Скорую», готовы на расходы. Ладно, Галина, идите!— перешел «на вы» Курилов.

Попозже вечером, когда руководители разъехались, собра-

лись все работники «Неотложки».

— Ну, что? Они заподозрили неладное,— сразу же перешел к главному Медведкин.— Я вас предупреждал! Понимаю, что всем кушать хочется. Но не в таком же объеме!

— Где я найду медиков на такую маленькую зарплату, которая в среднем всего процентов на двадцать больше, чем у муниципальных?! Да и водителям не сахар!— воскликнул Николашкин.

— Да... Да... Точно... Все правильно...— в один голос заговорили присутствующие.

— Лучше уйду, без ночных дежурств и за те же деньги — спокойнее!— воскликнул один врач.

— Куда ты уйдешь? Здесь хоть подхалтурить можно,— «отстреливался» Николашкин.

— А если установят жесткий контроль?

— Как?

— Придумают...

— Ну и пусть придумывают, а мы тоже что-нибудь придумаем!

На этом, еще немного пошумев и побалагурив, разошлись.

Через пару дней, посоветовавшись с Юлией, Курилов вновь пригласил к себе Медведкина.

— Валентин Александрович, сдай все ключи от входной двери здания, и отныне пусть бригада, выезжая по вызову и возвращаясь, записывается в журнале у охранника — номер машины и время.

— А ночью, Андрей Васильевич?

— Ночью? Да, придется будить охранника... Но ничего не поделаешь.

Вот в такой суете прошла вся рабочая неделя. Поэтому в пятницу Курилов ехал к себе на Дроздова, как говорится, «на автомате». Голова его не то что была занята какими-то мыслями, как это часто бывает, когда дела наваливаются, а была наполнена некой тяжелой и безысходной бездумной тупостью. Он, как робот, реагировал на сигналы светофора и ситуацию на дороге. Дела последних дней, наложившись на все бывшее доселе, буквально доконали Андрея. У него уже не было ни желания, ни сил что-либо решать и делать. И на ра-

боту он направлялся просто по привычке, не осознавая, зачем это делает.

Добравшись до пересечения с улицей Алексея Толстого и свернув на нее, он увидел на всем обозримом ее протяжении гигантскую плотную «пробку». Свернув, Курилов выехал на свою, Дроздова, но и там, проехав лишь квартал, уткнулся в такую же неподвижную колонну машин. Он свернул на перекрестке, припарковался, вышел из автомобиля и направился к зданию своей, конторы, находящемуся примерно в десяти минутах ходьбы. Пройдя метров сто, вдруг почувствовал, как внутри что-то екнуло. «Сигнализацию забыл включить!» Андрей вернулся к машине, сунул руку в карман за пультом, и в это время зазвонил сотовый телефон.

— Андрей Васильевич, нам пришел вызов!..— услышал он взволнованный голос диспетчера Галины.

— Ну, вызов, а я тут причем? Где бригада?

— Дело в том, что у человека инфаркт, жена вызвала «Скорую-03», а она в глухой пробке застряла — ни туда, ни сюда. Все машины у них на выезде. А до других подстанций она не может дозвониться.

— Так пошлите нашу бригаду! В чем вопрос?— нервно ответил Курилов.

— Андрей Васильевич, я бы не беспокоила вас, но мы тоже не сможем добраться — в том направлении все забито!

— Так, Галя, слушай сюда! Пусть бригада, сделав хоть огромный крюк, доберется до района наиболее близкого к указанному адресу. Потом бегом к больному. Только пусть носилки не забудут взять!

— Пешком?— Ну, да, а что делать? И пока они будут заниматься, пусть водитель постарается пробиться еще ближе к дому больного, все время держа бригаду в курсе своего местоположения.

— Хорошо, Андрей Васильевич, сделаем!

— Успеха!

...Прошло две недели с того дня, и в кабинет к Курилову зашел статный седовласый мужчина в форме полковника ми-

лиции.*

— Владимир Иванович Степанов,— представился он.

— Чем обязан?— спросил Андрей, также назвавшись по имени и отчеству.

— Всем!— широкая улыбка осветила чуть осунувшееся, бледное лицо полковника с заметными темными кругами под глазами.

— ?..

— Вы же в буквальном смысле спасли мне жизнь, Андрей Васильевич!

— Когда, каким образом?..— растерянно глядел на него Курилов, весь находящийся в добивших его рейдерских делах, готовый сдаться и чувствующий себя и в этом кабинете уже не как в своем.

— Да я тот самый больной с инфарктом, к которому бригада вашей «Неотложки» на своих двоих добиралась!

— Ах, да-да, припоминаю...

— Ничего себе — «припоминаю»!— спас человека от смерти и забыл! Ведь мне ребята ваши рассказали, кто принял решение и разработал план моего спасения.

— Ну что вы, Владимир Иванович, это наша обязанность, раз уж мы таким делом решили заняться.

— Так, ты мне про обязанности не рассказывай,— переходя на «ты», дружелюбно сказал Степанов.— Я «не первый год замужем» и прекрасно знаю, что такое обязанности и как их исполняют. Лучше скажи мне, чем я *тебе* могу помочь?

Весь разговор проходил на ногах — Курилов спохватился и, извиняясь за свою рассеянность, предложил полковнику сесть, сам по-дружески расположившись возле него, сбоку от стола.

— Чаю, Владимир Иванович?

— Не откажусь, только зеленого, если можно? Я ведь теперь...

Андрей включил электрочайник и вернулся на свое место.

— Что невеселый такой, хозяин?— спросил наблюдавший за ним Степанов, заметив в глазах, в осанке, в движениях сво-

* В описываемый период времени была милиция.

его собеседника тоску и подавленность, которые тот не в силах уже был скрывать.

Курилов дал воде в чайнике остыть до положенной температуры и, насыпав заварку в чашки, — себе, как и гостю, хотя любил черный чай, — внимательно поглядел ему в глаза.

«Говорить или нет? Сможет он помочь мне, или это будет пустое сотрясение воздуха и дополнительная нервозность? А вдруг он, еще того гляди, связан с этими «ребятами», что на меня наехали? Но это может быть и хорошо, ведь мы все-таки помогли ему, спасли?» — мысли тяжелыми валами перекачались в голове у Андрея, пока тот наливал в чашки воду. Закончив, он сел, кашлянул, выпрямил спину, приняв свою всегдашнюю осанку и, видимо решившись на что-то, сказал:

— Тяжко, Владимир Иванович, очень тяжело. Все дело мое на грани жизни и смерти...

— Что так?

— Вначале, были большие трудности с оформлением лицензии, так как наша работа связана, в том числе, с назначением сильнодействующих веществ. Пришлось торговый поток с Болгарией на время перевести в другое русло на очень выгодных для них условиях. Ну, вы меня понимаете. Лицензию оформили. Потом, в связи с переездом нашей «Неотложки» на новое место, потребовали заново оформить разрешение. Все бы ничего, Бог бы с ними, но аренда с предоплатой автостоянки и нового помещения — для четырех бригад все-таки — из четырех комнат, с одновременным расчетом за старое место базирования, покупка новой машины со всем необходимым современным медоборудованием, выплата заработной платы сотрудникам, а их — в расчете на будущий объем работ стало почти в два раза больше, потребовали таких затрат, что денег просто не было заново оформлять лицензию.

— Ну, и в итоге? Оформили все же ее?

— Нет, не смогли чисто из-за материального положения. Занимаясь всем тем, о чем вам говорил, я полностью запустил все другие дела, и доходы резко упали. Но самое интересное не в этом.

— А в чем же?

— А в том, что они, воспользовавшись нашими финансовыми трудностями и невозможностью работать без разрешаю-

щих документов, стали требовать (!) всю торговлю с нашими болгарскими партнерами перевести на их фирму на постоянной основе!

— Ничего себе!

— Ну, я от такой наглости, честно говоря, психанул, и решил, пока не появятся деньги на лицензию, работать без нее.

— Такой номер с ними не проходит, дорогой мой Андрей Васильевич, если они уже имели наживу в руках!

— Вы правы, Владимир Иванович, завели уголовное дело по статьям...

— Это не суть важно,— перебил полковник.— Но, смотрю, ты не за решеткой и при деле, и даже не спрашиваю, как это удалось?..

— Пришлось пойти на уступку...

— Все понятно. До того как, или?

— Во время суда.

— Ясно. И каков вердикт?

— Штраф в шестьсот тысяч.

— Вместо чего?

— Вместо семи-восьми лет общего режима с конфискацией и штрафом.

— Недурно! Так все позади? Что же ты такой грустный?

— Рейдеры наехали, хотят отобрать «Неотложку»!

— «Неотложку», которая меня спасла?!

— Да.

— Я тебе помогу, Андрей Васильевич! Этого не случится! Дай мне только контакты того, кто этим занимается.

— Это Мих...

— Нет-нет, не его надо! Кто непосредственно из рейдеров вышел на контакт? Тебе оставили номер телефона для связи?

— Да, конечно!— воспрянувший духом Курилов продиктовал номер телефона.

— Можешь не беспокоиться, больше тебя не тронут, и Болгария к тебе вернется!— вставая, заявил Степанов.

— Владимир Иванович, не знаю, как мне вас благодарить!

— Не надо благодарности, а то ты мне сейчас предложишь стать клиентом на постоянном бесплатном обслуживании. Нет уж, говоря словами героя одной кинокомедии, лучше вы к нам!— засмеялся полковник.

— Нет, на самом деле, я очень благодарен! Вы вернули меня к жизни, Владимир Иванович!

— А вы меня, дорогой мой Андрей Васильевич!

ГЛАВА 57

Приключения синей тетради

Николай Иннокентьевич Земсков умер в октябре 1945 года в своем рабочем кабинете за письменным столом, умер мгновенно, не боля ничем. Как заснул. Когда сын, Дмитрий Земсков, полковник-фронтовик, служивший здесь же в штабе Ленинградского военного округа, по звонку матери, бросив все, приехал и зашел в кабинет, то, застыв на несколько минут у покойного отца,— а он имел такой уверенно благородный вид, что невозможно было не застыть в почтении,— увидел на столе раскрытую толстую, исписанную мелким характерным отцовским почерком тетрадь в синей коленкоровой обложке. Реакция не подвела штабиста. Он, оглянувшись и не заметив в комнате никого, немедленно закрыл тетрадь и спрятал ее за китель. «Потом разберемся»,— подумал он и поцеловал отца в лоб.

Синяя тетрадь, тайком прочтенная Дмитрием Николаевичем, пролежала долгие годы на дне сейфа, который он перевез вместе с книгами из кабинета отца в свою большую квартиру на Васильевском острове. Чтение его не вдохновило. В отличие от отца, сын не был склонен ни к философии, ни к истории. Был он, как сам себя называл, воякой до мозга костей и кроме службы интересовался только коллекционированием марок, картин и редких книг, хотя сам читал достаточно мало. Прожил Дмитрий Николаевич тихо и спокойно, дожил до семидесяти семи генерал-лейтенантом в отставке и почил, оставив троих детей и семь внуков...

На этом остановимся, и не будем перечислять всю родословную Николая Иннокентьевича Земскова, включая всех его внуков и правнуков от двух детей. Скажем только, что характер, пристрастия и образ мыслей его повторились лишь в одном из его правнуков, Кеше, вернее Иннокентии Николаевич-

че Земскове, тоже писателе, правда не историке, а философе, закончившем в 1985 году философский факультет МГУ, в то время очень престижный факультет, куда поступить было весьма и весьма непросто. Синяя тетрадь, как вы уже догадываетесь, перешла по наследству к нему.

Тетрадь эта пережила непростой век. Когда же Иннокентий после смерти отца Николая Дмитриевича получил ее,— а она по традиции хранилась в сейфе (боялись Земсковы, потомуки Николая Иннокентьевича, и хранили за семью печатями),— и прочел, то подумалось ему, что при другом раскладе в конце пятидесятих — начале шестидесятих, в стране, возможно, реализовалось бы то, о чем писал его прадед.

«Ведь, иначе и быть не могло, если по-настоящему любить Россию и желать народу блага и процветания,— думал Иннокентий.— Но тогда началось практически бесцельное движение в никуда, или, другими словами, «загнивание с человеческим лицом».

Нельзя было вытаскивать на свет Божий синюю тетрадь ни в то время, ни в последующее. Позже жизнь страны стала чуть более осмысленной. Но, хоть и можно было слушать любые «голоса», читать, что угодно, думать обо всем, о чем только душа пожелает, но вот озвучивать свои мысли, говорить об услышанном и прочитанном, а тем более писать, запрещалось, если это не совпадало с «линией», и каралось по всей строгости закона.

Когда же началась «катастрофа» — не к ночи будет вспомнута! — перекрестился Иннокентий,— когда все можно было, хоть возьми эту самую синюю тетрадь, встань посреди площади многолюдной и читай с утра до вечера, толку уже не было никакого, потому что никто этого, о чем говорилось в рукописи, и подобного ему и не собирался делать. Словами благими и риторикой в это время прикрывалось совсем иное...»

Вот так и дожили мечты Н.И. Земскова до наших дней. И возникла у Иннокентия Николаевича, так похожего на своего прадеда и внешне, и, главное, внутренне, мысль — а не опубликовать ли «Синюю тетрадь», которая вся пронизана духом сотворения премудрого, софийного жития-бытия?

И стал он искать пути-дороги к этому.

ГЛАВА 58

Меры за мерами — результата нет. Мечты Курилова

Несмотря на принятые меры, доходы от «Неотложки» не изменились, ситуация и с места не стронулась. Потому и собрались сегодня с утра пораньше, если считать ранним утром десять часов,— такова практика всех коммерческих организаций,— Куриловы с Литвиновой и пригласили коменданта здания Николаева.

— Может быть, мы все же ошибаемся, и они не обманывают?— начал с вопроса Курилов.

— Но ведь нестыковка по бензину и километражу, а также по звонкам и доходам, колоссальна,— ответила Литвинова.

— Так мы же записываем уже все выезды!

— А если они как-то еще?— включился в разговор Николаев, среднего роста человек, упитанный, с кругленьким животиком, пухлыми губами и большими светло-кариими с поволокой глазами.

— Как?

— Андрей Васильевич, давайте смотреть, какие у нас входы-выходы еще есть в здании.

Курилов полез в шкаф за схемой здания.

— Не ищите, я вам и так скажу: запасные пожарные выходы на втором и третьем этажах.

— У нас «Неотложка» на втором. Ну и что? Ключи от выходов где?

— Все у меня.

— Все?

— Я их никому не давал.

— Фантастика! Чудеса в решете!— не выдержала Юлия.

— Придется раскошелиться,— заключил Курилов, и ставить видеокамеры. А деньги, из какой статьи расходов изымать? Да и это все в умелых руках можно повернуть себе на пользу.

Виктор Николаевич, охранник, вернее дневной вахтер и ночной сторож, очнулся от дремы, услышав через открытую

форточку голоса под окном.

— Больше мне не звони, если денег нет!

— Ну, следующий раз...

— Первый раз я тебе поверила, а сегодня ты опять пустой пришел.

— Прошу тебя!

— Нет-нет, и не проси, без денег никакого удовольствия тебе не будет!

Виктор Николаевич выглянул в окно, а там — девушка-диспетчер с молодым человеком. Проверил входную дверь — она закрыта, и ключ на месте. Снова подошел к окну, видит: парень уходит, а диспетчер идет за угол. Он быстренько вышел, подбежал к углу и заметил, как закрывается дверь пожарного выхода второго этажа.

— Так вот оно что! У них есть свой ключ!..

Наутро комендант зашел к Курилову.

— Андрей Васильевич, в «Неотложке» все же имеется ключ от запасного выхода — раздобыли каким-то образом.

— Что ты говоришь?

И Николаев рассказал поведенное ему сегодня утром Богомоловым.

— Кто же это мог?

— Дело мастера боится. Есть у них один такой «левша» — механик. Ребята-водители говорят: «Золотые руки!»

— Ну, это еще ничего не значит, если человек по механической части мастер.

— Изготовить ключ, имея перед собой замочную скважину, для мастера не вопрос.

— Согласен. Так, видимо, и произошло, ведь все ключи у охранника недосыгаемы. Если он куда-то и уходит, то вы на месте, а ночью комната запирается на засов, и окно закрыто.

— Они не признаются.

— А что, если попросить «пожарных сигнальщиков» соорудить простенькую цепь на разрыв и вывести звонок охране в комнату.

— Но ключи у них взять нужно!

— Добро!

Прошла неделя. Сидят Андрей с Юлей, а перед ними лежит журнал регистрации выездов бригад.

— Ты понял?— Теперь увеличилась длительность обслуживания!— констатировала Юлия.

— Понятно. Диспетчер звонит со своего сотового, передает заказ, и они едут, не возвращаясь с предыдущего и не фиксируя ни у себя в журнале, ни у охранника.— Что делать я уже не знаю!

Помолчав, Курилов проговорил:

— Выход, жена, один — найти нового менеджера, набрать полностью новый состав от водителей до главного врача и повысить всем зарплату.

— Намного?

— Сколько мы недополучаем прибыли?

— Более половины...

— У них зарплата сейчас на двадцать процентов, в среднем, больше, чем в «ОЗ»?

— Да.

— Значит, нужно повысить в полтора раза. И она будет превышать почти в два раза муниципальную. Оставшаяся половина от того, что «уходит», пойдет в прибыль. Плюс желание работать увеличится. Таким образом, наш доход тоже возрастет почти в два раза!

— Ты думаешь, так будет?

— Именно так! Другого выхода в сложившейся ситуации нет.

Как уже понимает читатель, после такой столь неожиданно и чудесно упавшей с неба возможности помочь полковнику милиции Степанову, посодействовать его спасению от смерти и дальнейшему лечению, а также реорганизации «Неотложки», жизнь Курилова и работа его детища, как говорят в народе, устаканилась. Шел 2009-й год. Все было позади: следствие, суд, шантаж, внутренний беспорядок в организации; и вспоминалось все, как страшное сновидение. «Ведь сколь мало, оказывается, нужно для счастья?— подумал Курилов.— Почесать спину «большому синему быку»... Но ведь должно же у нас когда-нибудь быть нечто светлое, доброе, чистое, законное и справедливое?— задался он вопросом, которым, наверное, не только он один на всей Руси великой задавался.

«Ведь что происходит,— стал как-то размышлять Андрей Васильевич, благо времени у него теперь, когда не нужно было

тратить его на пустое, было хоть отбавляй.— Когда развивалось частнособственническое,— возьми время царя-освободителя Александра II,— то это вызывало резкое сопротивление общинного духа народа и всего уклада российской жизни. И сейчас, когда олигархеры и менеджментеры, как говорит знакомый доцент-патриот, изобилуют, тем не менее, все складывается так, что толку от них чуть, так как деньги их — «за бугром», а налоги с их деятельности собираются мизерные по сравнению с их совокупным богатством. То есть получается, что Россия их вроде как «отрывает», — усмехнулся Курилов и продолжал.— А когда развивалось *только* государственное и общественное, то это вызывало сопротивление свободного по натуре русского человека».

Курилов налил себе в старую пол-литровую кружку пиво из бутылки — не любил пить из горлышка, хоть убей. И пиво-то это пивом назвать было нельзя. А где взять другое?— Вот и приходится...

«Тогда получается,— решил он,— необходим срединный путь. То есть, чтобы и частная собственность была — только, конечно, ни в коем разе на природные ресурсы, естественные монополии и крупные средства производства, а также на космос, ВПК и атомную промышленность с АЭС. А размер индивидуальной собственности должен ограничиваться только возможностью обходиться без найма рабочей силы. В этом и отличие индивидуальной собственности от частной. В первом случае работает только сам индивидуал или семья. Но развивать нужно и отдавать приоритет коллективным видам собственности, согласно тому же общинному духу народа, его сути,— подумал Андрей и домыслил:— Причем чиновники должны получать такую зарплату и так прочно сидеть на своих местах (исключая случаи нарушения УК), чтобы у них и мысли не возникло о взятке, и не было стремления за несколько лет обогатиться под угрозой освобождения от должности при очередной смене команды власти».

Руководитель компании средней руки из Патрушевска мечтал о многом. И хоть были у него теперь деньги, и при нужде мог истратить их, сколько было нужно, но мечталось ему почему-то о бесплатном для народа образовании, включая высшее, о бесплатной медицине и дешевом отдыхе, о низких та-

рифах на услуги ЖКХ, электроэнергию и газ. Вот такой это был человек — правнук крестьянина Григория Курилова из деревни Юзинка — бывшей вотчины дворянина Николая Иннокентьевича Земскова.

ГЛАВА 59

Необычный охранник

В один из дней после Нового года, возвращаясь с обеда в свой офис на Дроздова 61, Курилов разговорился с человеком, о котором три месяца тому назад знал только понаслышке. Это был Виктор Николаевич Богомолов, мужчина лет шестидесяти, среднего роста, темноволосый, но с уже совершенно седой бородой, с прямым взглядом серых глаз, выражающим доброжелательность и интерес к собеседнику. Богомолов работал охранником в здании, где Андрей Васильевич арендовал помещение для «Неотложки» и своей компании «Патэспо». Он давно обратил внимание на необычного человека, который все что-то читал, делал какие-то выписки, а то и строчил что-то в тетради. Курилов и сам, будучи человеком творческим, заинтересовался пишущим, его судьбой. «Нужно бы поговорить», — думал он.

Но дела, заботы крутили, кружили своей суетной круговертью — все было недосуг. А сегодня как раз выдалось немного свободного времени, и они разговорились.

— Виктор Николаевич, я давно хотел с вами поговорить и попросить у вас почитать что-нибудь из написанного, можно?

— Конечно, Андрей Васильевич, вот, почитайте из последнего, — Виктор Николаевич протянул Курилову пачку печатных листов.

— Скажите, а вы публикуетесь?

— Да, но недавно, года два только будет, хотя пишу постоянно уже лет пять.

— А почему раньше не публиковались?

— О, это, Андрей Васильевич, долгая история... Но, если у вас есть время, то могу вкратце рассказать.

— Давайте, мне интересно, — сказал Курилов, усаживаясь на диванчик рядом со столом вахтера.

— В течение всей жизни и собственные мысли, и некоторые люди побуждали меня стать писателем. Я много и серьезно размышлял над этим. Нужно сказать, способности у меня были, а уж тем для произведений в нашей жизни всегда хватает. Но всегда мучил вопрос — пробьюсь ли я в советской системе, чтобы увидели и, главное, напечатали? А деньги нужны были уже сейчас. Ведь было понятно, если буду писать, то придется это делать, как говорили тогда, «в стол», так как говорить неправду не мог никогда.

— И долго вы так размышляли?

— Всю жизнь вот так и проколебался. Работал, занимался спортом, читал, отдыхал — все кроме писательства.

— Вы очень волевой человек! Можете подавлять себя.

— Да, уж это я натренировался делать хорошо!..

— Сила воли — качество и хорошее, и плохое, в зависимости от того, к чему она прикладывается. Одно дело, если это подавление нехороших желаний, а другое, когда вы хороните свой талант, который является сутью человека. Потому, убивая талант, человек убивает себя.

— Правильно! Все так и есть! Кое-что я все же писал: несколько десятков стихотворений и три рассказа... Но, конечно, это — капля в море!..

— А за последние два года?

— Около двадцати рассказов, столько же прозаических миниатюр, примерно семьсот стихотворений. Пишу повесть и роман...

— Солидно! И печатают?

— Напечатано гораздо меньше... Чтобы напечатать все, нужны деньги, а таких сумм у меня нет, да и, наверное, уже не будет.

— Понятно... А что случилось такое, что вы, вдруг, пять лет тому назад стали писать?

— Как-то проснулся ночью и больше не мог заснуть. Вспомнилось многое из жизни. Как я менял места работ, и не потому, что у меня не получалось. Нет, я везде добивался успеха и везде зарабатывал. Просто все быстро надоедало. И дома я занимался то одним, то другим...

— Мг-мг!..

— С той ночи у меня началась бессонница. Пить снотворное

не хотелось, а народные средства плохо помогали. Вот так и слонялся по квартире из угла в угол — думал, вспоминал, читал... Наконец, в руки попала Библия. И на первой же открытой странице увидел притчу о талантах. Прочел и понял — это обо мне, понял, кто я есть! Вот с тех пор я и стал писать, используя для этого каждую свободную минуту. И, знаете, сон восстановился! Только высыпаться я стал уже не за восемь-девять часов, а за пять-шесть...

— Интересно, Виктор Николаевич, и очень поучительно! Вам нужно говорить об этом молодежи и, как можно больше!

— Вот и стараюсь теперь ничем не заниматься, кроме писательства и бесед с людьми.

— Бог вам в помощь! Я возьму у вас написанное, почитаю на досуге, мне интересно.

— Конечно, читайте, пожалуйста!

Через несколько дней на очередном дежурстве Богомолова Курилов, освободившись от дел, подсел к нему с папкой в руках.

— Вы знаете, Виктор Николаевич, я прочел и мне, в общем-то, понравилось то, как вы пишете и о чем. Но у меня есть вопросы.

— Да, Андрей Васильевич, я к вашим услугам.

— Вот, например, в этом рассказе,— Курилов открыл папку и достал несколько скрепленных степлером листов,— возможными причинами пожара, во время которого сгорело все село и многие его жители, вы называете жару, отсутствие на месте пожарных, отсутствие каменных и блочно-панельных строений, близость друг к другу деревянных домиков, нехватку техники и то, что село не окопали вовремя по периметру, так?

— Да, все так.

— Это вполне реальные причины. Но далее вы устами, если так можно выразиться, представителей небесных сил даете читателю понять, что действительные причины трагедии — грехи и злодеяния жителей этого села.

— Правильно!

— Вы пишете, что село стало одним из центров непрерывного зла. И далее перечисляете устами ангела эти грехи: гор-

дыня, зависть и злоба, прелюбодеяние и чревоугодие, тоска и уныние, воровство и надругательства над людьми, причинение им морального, физического и материального вреда...

— Совершенно верно!

— Но, простите, это недоказуемо! Если земные причины реальные, то все остальное «вилами на воде писано», как говорится!

— Ну, что вы, Андрей Васильевич? Земные причины — лишь следствия небесных причин! Духовное всегда первично, а сознание и бытие вторичны. Об этом говорит все века Священное писание. Только вот люди...

— Хорошо, пусть так... Но вы описываете, да еще так детально, как проходит Страшный Суд, откуда у вас это?

— Ну, детали — это, конечно, художественный вымысел, еще никто не принес нам оттуда подробного описания происходящего там Суда. Но то, что он происходит, не вымысел. О нем говорит и Священное Писание, и опыты святых людей, и многочисленные опыты людей, побывавших в состоянии клинической смерти...

— И вы все это читали?

— Не все, но многое... А самое главное во всем этом то, чтобы люди изменились уже при этой жизни, уже здесь на земле!

— Насчет изменения людей, согласен с вами! Но вы верите, что, прочитав рассказ, люди станут другими?

— Кто-то, возможно, отбросит его в сторону, кто-то призадумается, а будут и такие, кто хоть в чем-то изменит свою жизнь. И чем больше будет говориться об этом, чем больше будут об этом писать, тем лучше. Вот Патриарх Кирилл, когда разразился мировой финансовый кризис, так и сказал, что это — суд Божий.

— Да, я слышал.

— Вот! Вы знаете, что в древних обществах не было ни полиции, ни тюрем в нашем теперешнем понимании, ни больниц для душевнобольных. Вся жизнь людей строилась на духовно-практических смыслах христианства, которые были одновременно и божественными средствами лечения людей от зла и его последствий. А по мере того, как люди стали отходить от этих смыслов, что началось в эпоху так называемо-

го возрождения, отвергнувшего христианство, и продолжается вплоть до наших дней, зло только умножалось на земле.

— Как вы закрутили Виктор Николаевич!

— Я серьезный человек, Андрей Васильевич!

— Шучу, шучу... Я тоже серьезный, только хочу понять, о чем вы пишете, и что вами движет...

— Вот я вам и рассказал, о чем это мое произведение и для чего оно написано.

— Но, согласитесь, Виктор Николаевич, что Достоевский тоже написал хороший роман «Преступление и наказание», но после его появления на свет преступлений не стало меньше, даже больше, и таких, о которых люди раньше, может быть, и помыслить боялись. Не так ли?

— Все так и не так! Во-первых, преступлений стало больше не по вине Достоевского, роман преступлениям не учил, даже наоборот. А, во-вторых, мы же с вами не знаем, скольких людей в мире этот роман отвратил от совершения преступления. Согласитесь, Андрей Васильевич?

— Это вопрос философский!..

— Философский он или нет, но если мы понимаем в чем дело, то должны что-то делать для исправления положения. А там на все воля Божья, в том числе и в отношении отдельных людей!

— С этим согласен, Виктор Николаевич! Если вы не против, мы с вами продолжим наш разговор и по другим вашим произведениям. У меня по ним тоже есть вопросы...

— Ради Бога, Андрей Васильевич, буду только рад!

ГЛАВА 60

Рождественский сочельник.

«Каково око, таков и человек»

Между Куриловым и Богомоловым постепенно установилась та атмосфера, когда люди начинают понимать друг друга с полуслова. И вот уже сам Андрей Васильевич рассказывает о себе с присущим ему легким юмором и теплотой. Так завязалось это знакомство, по нынешним меркам очень необыч-

ное, знакомство руководителя фирмы с простым вахтером, занимающим одну из низших ступенек в служебной иерархии.

Вот и сегодня они сидят в кабинете Курилова и беседуют.

— Людям должно быть хорошо!— сказал Курилов.

— Да, это так, вы правы, Андрей Васильевич,— ответил Богомолов.

— Были бы у меня возможности, я бы каждому помог...

— Это хорошее желание. Дай Бог, чтобы у каждого было такое!

— А я к религии отношусь без интереса.

— Любовь к людям и светлое состояние вашей души уже хорошо. Многие считают себя принадлежащими к Православию, а фактически...— вскинув голову, с улыбкой отвечал Виктор Николаевич.— Я тут наблюдал, как вы обращаетесь с людьми, что делаете для них, как хотите создать добрый коллектив. И могу с уверенностью сказать — такие люди, как вы, сейчас большая редкость!

— Ну, что вы, Виктор Николаевич, не преувеличивайте. Я не идеал. Просто делаю то, что привык. Так, наверное, воспитали. А недостатков и у меня хватает...

— У вас?

— Да, у меня! Что же касается коллектива, то я вас уверяю,— большинство людей у нас хороших, только они сами не догадываются, и им никто об этом не говорил, как сказал один мудрый человек.

— Очень интересная и правильная мысль!

— Я рад, что мы мыслим в одном направлении,— протягивая руку для пожатия, сказал Курилов.

— Только я считаю, что через религию путь короче. Нужно заниматься духовным воспитанием людей.

— Да, чтобы не было духовного беспредела, чтобы он не пожрал все хорошее и доброе из нашего прошлого, чтобы не воцарилось развращение во всех аспектах жизни. Но я сомневаюсь, а скорее просто не верю, что религия здесь может помочь.

— У религии есть двухтысячелетний опыт воспитания людей. И даже сейчас, после стольких лет отлучения церкви от такой роли, сейчас, когда золотой телец в сознании многих

людей затмил все и вся, когда, как вы правильно говорите, может наступить темный беспредел, мы все же видим верующих людей разных специальностей и уровня образованности на всех общественных ступеньках, от самых простых до занимающих высокое положение, которые отличаются порядочностью, нравственной жизнью и работоспособностью. Но их, конечно, еще недостаточно...

— Да, я как раз хотел об этом сказать. Есть ведь и другие примеры, и эти люди тоже считают себя верующими.

— Вы совершенно правы. Конъюнктурность была всегда и, к сожалению, есть теперь. Всегда и везде были люди, подстраивающиеся под ситуацию, обстоятельства, диктуемые условия. Однако согласитесь, хороших людей больше!

— Конечно, больше! Но позвольте мне остаться при своем мнении.

— Само собой! Только напоследок одно скажу. Когда уходят одни учителя или хозяева, на их место приходят другие. И не факт, что последние лучше прежних.

— Да, не факт...

— Почему я говорю о Православии? Ведь Россия и вся культура наша растут из него. Нельзя зрелое дерево отрывать от корневой системы и пересаживать на иную почву, думая, что там ему будет лучше. Не от корней нужно отрывать, а улучшить их питание. Тем более теперь, когда многие спят и видят, как бы завладеть нашими сырьевыми ресурсами. А нужна ли им при этом Россия? Думаю, что нет!

— Ваши рассуждения интересны, Виктор Николаевич, и заставляют задуматься. Но в отношении религии и ее роли в жизни вы меня пока не убедили,— ответил Куриллов.

— Андрей Васильевич, вы очень умный и добрый человек, сердце ваше полно любви к людям. Бог живет в вашем сердце, а это — самое главное! Если бы все были похожи на вас, у нас в России многое было бы по-другому. Что же касается религии, то у каждого человека путь к Богу свой. У меня он такой, а у другого может быть иным.

— Вы слишком хорошего обо мне мнения, Виктор Николаевич,— смущенно улыбнулся Куриллов.— Насчет же собственного пути человека — полностью согласен... Сейчас же прошу меня простить — неотложные дела. А разговор мы с

вами обязательно продолжим...

Они пожали друг другу руки и вернулись каждый к своим обязанностям. Курилов сел за телефон, решая свои ежедневные дела. А Богомолов спустился в вахтерскую, где его по просьбе Андрея Васильевича все это время подменял комендант здания, и стал встречать людей, приветствуя их и выдавая ключи арендаторам. Было время рабочей активности, и люди поднимались и спускались по лестнице, шли и шли мимо окошка вахтера, обмениваясь с ним улыбками и приветствиями, как с добрым и старым знакомым. Как будто не было на улице двадцатипятиградусного мороза.

Через день, в Рождественский сочельник у церкви сидели трое нищих — две женщины лет пятидесяти и парень в инвалидной коляске. Было холодно, и нищие были одеты основательно — в валенки, теплые пальто и полушубки, головы женщин были укутаны шальями, а у парня-инвалида ушанка была завязана под подбородком.

Когда Богомолов с Куриловым, которого он пригласил на службу, подошли ко входу, время близилось ко всеобщей нищие все чаще говорили: «С Праздником!» и наклонялись, чтобы выбрать из миски или коробки мелочь и бумажные десятки. Среди прочих, подававших милостыню, был мужчина в черном драповом пальто и кепке с наушниками. Он поочередно положил каждому нищему, видимо, все, что у него было в карманах: инвалиду рублей семь мелочью и обеим женщинам по десять рублей: одной — монетой, а другой — бумажкой. После чего, сняв кепку, прошел в калитку церковной ограды и стал креститься на икону, висевшую над входом в храм.— О! Тебе даже «золотой» дали!— услышал он голос парня-инвалида.

— Повезло,— со смешком ответила нищая.

— А мне вот мелочь досталась...

— Да, не густо...

— Я думал, он богатый, а оказалось — беднота!— громко заявил инвалид и сплюнул в сторону улицы.

Курилову стало не по себе, но Виктор Николаевич, взяв его под руку, повел к храму...

В храме было уже много людей, ожидающих начала служ-

бы. Горели свечи, тихо звучали песнопения, лики с икон взыскующе взирали на прихожан — вся атмосфера создавала молитвенное настроение. Люди, купив свечи и подав, по надобности, требы, проходили далее на свободные места в храме. Время пролетело незаметно, и в положенный час началась всенощная.

Когда священники, продолжая службу, встали между входом в храм и аналоем с иконой Рождества Христова, открылась дверь, и вошел высокий темноволосый парень в дубленке, с барсеткой и шапкой в руке. Он, медленно и почтительно повернувшись лицом к священникам и крестясь, прошел к аналою. Прихожане стояли плотно, освободив только узкий проход в центре храма. Парень не прошел дальше, где было свободнее, а, решив остаться у анаоя, втерся в ряды людей, оттеснив рядом стоящих своей широкой спиной. Если бы он обернулся назад, то увидел бы, что мужчина и женщина невысокого роста буквально касались лицами его спины. Но он не обернулся. И никто ничего ему не сказал...

Всенощная шла своим чередом. Но вот началось какое-то движение людей. Курилов подумал, что кто-то должен пройти и сделал движение к стенке.

— Освободите проход для батюшки,— строго сказала рядом стоящая женщина в длинном пальто и вязаной шапке.

Андрей еще плотнее прижался к стенке.

— Да не стойте вы тут! Идите вперед!— выговорила ему женщина и показала рукой, куда Курилову нужно переместиться.

Андрей продвинулся к центральному проходу, и в это время мимо него прошел священнослужитель, совершая движения кадилом. Дым окутал Курилова, и запах ладана произвел приятное действие на него. Все перемещения немного отдалили Богомолова и Курилова друг от друга. Заметив смущение на лице последнего, Виктор Николаевич протиснулся к нему.

— Как вы?— спросил он.

— Да, ничего... Но есть некоторые моменты...

— Некоторые моменты везде есть,— сказал Богомолов.

— И в церкви?

— Потом поговорим, мы мешаем.

После всенощной Курилов, когда подвозил Богомолова до-

мой, снова задал свой вопрос.

— Понимаете, Андрей Васильевич, мы ежедневно имеем дело с десятками, сотнями положительных, добрых и отзывчивых людей, воспринимая это, как должное. А обращаем внимание, как правило, только на негативные моменты. Ибо к добру, к норме, к хорошему люди быстро привыкают, в отличие от иных проявлений, которые задевают нас, даже если не относятся непосредственно к нам.

— Вы правы, но я думал, что в церкви все должно быть иначе...

— В церкви, Андрей Васильевич, те же люди. Конечно, там больше спокойных, добрых, позитивных. Однако не всякий, пришедший туда, по-настоящему верующий. И даже считающие себя таковыми — на самом деле не все являются православными христианами. Многие ходят в церковь по праздникам, так как это принято делать. Другие, соблюдая ритуалы, не постигают основ Православия. Верующий человек не поступит так, как тот нищий, парень с барсеткой или отругавшая вас женщина. Но еще раз повторюсь — правильное и доброе поведение мы не замечаем, считая его естественным.

— Так, может, в церкви и вовсе нет по-настоящему верующих людей?

— Ну что вы, есть и много! Просто это открывается при общении, взаимодействии, а не благодаря каким-то внешним признакам. К тому же, верующие, как правило, смиренны и скромны.

— В ваших словах, Виктор Николаевич, есть логика,— отметил Курилов, подруливая к подъезду Богомолова.— Я думаю, мы еще продолжим этот разговор. Спокойной вам ночи и хорошо провести Рождество!

— Благодарю, Андрей Васильевич, за то, что подвезли и за пожелание! И вам хорошо отдохнуть и порадоваться в этот светлый день!— сказал Богомолов, выходя из машины.

— Ну, что вы, Виктор Николаевич! Я завтра на работу, дела не ждут...

— Так теперь ведь Рождество — официальный праздничный день?

— То официальный, а я буду работать неофициально, но для пользы дела! — сказал, улыбаясь, Курилов.

— Это ваше право, только в такие дни...

— Разве не достаточно, что мы отстояли всю ночь?.. Виктор Николаевич, я пока не понимаю, почему должен завтра не работать, если работаю по выходным. Буду с вашей помощью разбираться в этом, но пока не пойму, не изменю своих ритмов. Не обижайтесь! С праздником вас и всего доброго!

— Храни вас Господь!— ответил Виктор Николаевич.

Направляясь к подъезду, он внутренне помолился за Курилова. Несмотря на все заблуждения того, Богомолов чувствовал симпатию к этому энергичному и искреннему человеку.

Придя на работу, Курилов поделился своими впечатлениями о посещении церкви с комендантом Николаевым.

— Ты знаешь, Александр Данилович, а мне понравилось. Там умеют создать молитвенную атмосферу. Образа, свечи, песнопения и курения — все это производит определенное воздействие. А совместные молитвы и чувство общности — то, чего так не хватает сейчас людям!

— Я во все это не верю, Андрей Васильевич!

— Что это ты так взъерепенился?

— Я не взъерепенился... Извини, если сказал эмоционально... Просто не верю и все.

— Почему?— допытывался Курилов.

— Один знакомый говорил: в документальном фильме показывали, как еще в прошлом веке монахи вырыли подземный ход между двумя монастырями, стоявшими на противоположных берегах реки. Все бы ничего, да только один монастырь был мужской, а другой — женский.

— И что? Может, они сделали его для хозяйственных нужд, чтобы не переправляться на лодках?

— Так ведь монахам вообще не разрешено общаться с противоположным полом! А они этот ход выложили обтесанным камнем, наверное, чтобы с комфортом ходить друг к другу в гости.

— Ты это о чем?..

— О чем? Да все о том же!..— ухмыльнулся Николаев.— А татуировки на теле священника-киноактера Офлористина! А двое пьяненьких семинаристов после выпускных экзаменов, позволивших себе очень скабрёзно выражаться в маршрутке!

И заметь, Андрей Васильевич, уж это я своими ушами слышал и своими глазами видел!

— Ты как будто готовился к этому разговору. Вон сколько всего вывалил...

— Скажешь тоже, готовился... Просто наболело. Лезут из всех сил эти православные!— Николаев от напряжения даже побагровел.

— Ты знаешь, я хоть и не религиозный человек, а стало как-то не по себе от твоих слов.

— Ну, извини, если что не так!

— Да, нет. Говори, что думаешь, это твое право. Но помни, люди скажут: каков человек, то он и видит. Есть даже поговорка такая: «Каково око, таков и человек». И еще, когда кто-то учится водить машину, он пристальное внимание обращает, прежде всего, на тех, кто хорошо рулит, чтобы правильно это делать. Но он также смотрит и на тех, кто плохо управляет машиной и попадает в аварию, чтобы научиться, как не нужно водить. Машины и у тех, и у других одни, и правила дорожного движения общие, а результаты разные. Все зависит от человека. Каков он — таковы и дела его. Я вчера понял одну вещь — хорошие и дурные люди есть везде. Просто где-то одних больше, а других меньше, и наоборот. Все зависит как раз от духовного состояния. Так вот в церкви оно лучше, чем в мире.

— Ну, не знаю, не знаю...— неуверенно проговорил Николаев.

— А ты знай, когда начальство говорит!— дружелюбно пошутил Курилов и перевел разговор на другую тему.

ГЛАВА 61

Встреча правнуков. Круг замкнулся. Путь

Долго думал Иннокентий Николаевич Земсков, правнук Николая Иннокентьевича, о том, как бы хорошо напечатать «Синюю тетрадь» прадеда своего. Да как это сделать? Во сколько издательств он уже обращался, даже с готовым маке-

том, и в писательские организации, и в разные известные литературные объединения и клубы, вплоть до тех, кто замахивался на русскоговорящую среду за рубежом. Но все безрезультатно. «Неполиткорректно,— отвечают,— нетоллерантно, а потому не вписывается в современную парадигму...» И получалось, хочешь издать, издавай за свой счет. А это, если сделать хорошо: в твердом переплете, с фотографиями и всего-то триста экземпляров, будет стоить, исходя из объема книги, например, в Питере примерно пятьдесят-шестьдесят тысяч. Дороговато это для Иннокентия Николаевича. Ведь профессор нынче, даже в СПбГУ, по зарплате приравнен к дворнику в том же С.-Петербурге. Вот потому и решил Земсков поискать другие пути-выходы. Подумал, а не попробовать ли на родине прадеда — в Патрусевской области, поискать спонсоров, заинтересовать трудом земляка.

Уже имея предварительный негативный опыт в попытках опубликования через административные каналы, он не стал терять на это время и купил «Желтые страницы» региона. Потратив день, Иннокентий Николаевич составил длинный список потенциальных спонсоров и стал обзванивать их, вернее секретарш, интригуя очень интересным и выгодным для фирмы предложением, дабы записаться на прием. Причем художественная натура не позволяла ему идти по списку последовательно от первого номера до последнего, а толкала на произвольный выбор. Так он действовал в течение полудня, записавшись к десятку руководителей фирм в разные дни следующей недели, когда вдруг его внимание привлекла фирма «Патэспо», вернее фамилия генерального директора — Курилов. «Ба! Курилов ведь фамилия Григория, того самого крестьянина, а затем рабочего, из села Юзинка, где родина прадеда, с которым тот встретился перед войной, в сороковом году, и имел с ним продолжительную беседу, о чем написано в «Синей тетради»,— подумал Иннокентий Николаевич.— А вдруг этот директор — потомок того Курилова?»

Он поднял трубку телефона. Милый женский голос проворковал: «Алло!». Зная, что телефонное восприятие может быть обманчивым, Земсков классически деликатно, но и несколько отстраненно отрекомендовался, тем не менее, допустив в течение разговора определенные интонации, дающие понять даме на том конце провода, что собеседник каким-то десятым чутьем узрел ее красоту и неповторимую индивидуальность.

После непродолжительной паузы, когда, надо полагать, обладательница милого голоса решала вопрос с шефом, было назначено randevu на завтра с утра, то бишь в 11⁰⁰ (раннее утро для деловых людей).

Встреча Курилова и Земского, подобно той, когда два дальних родственника, никогда ранее не видевшиеся, вдруг пересеклись на жизненных путях-дорогах, вызвала обоюдный всплеск эмоций. И каждый, как водится при этом, старался рассказать не о себе, что обычно происходит при встрече старых друзей и близких, а про общих знакомых. Так Андрей Васильевич вспомнил о своем прадеде Григории и о помещике Земскове, к которому прадед всю жизнь относился с глубочайшим уважением за его доброту к крестьянам и к нему самому, о незабываемой встрече Григория Степановича с Николаем Иннокентьевичем на ВСХВ (ныне ВВЦ) тогда в 40-м. Он знал обо всем этом из рассказов бабушки Агрофены Григорьевны и отца, когда тот еще жил с ними, и помнил до сих пор. А гость поведал Курилову о своем прадеде, полным тезкой которого являлся, о его взглядах, жизни и особенно о периоде после встречи с Григорием и до самой смерти в сорок пятом.

За воспоминаниями незаметно пролетели три часа. Дела не могли ждать, и Курилов назначил встречу через неделю, чтобы, не торопясь, познакомиться с содержимым тетради Земскова, согласовав с гостем день и час. И еще Андрей попросил разрешения у Иннокентия Николаевича дать почитать рукопись жене и друзьям, так как всегда любил принимать решение коллегиально. Земсков не возражал.

В назначенное время Земсков был в офисе.

— Приветствую вас, Иннокентий Николаевич!— радушно встретил его Курилов.— Знакомьтесь, моя супруга, Юлия Александровна, и друзья Игорь Владимирович и Виктор Борисович,— представил он своих.

— Ну и погода!— сказал Земсков, снимая мокрое от дождя пальто.

Была первая декада февраля, когда в средней полосе России положено было быть морозу пятнадцать — двадцать градусов и вьюге, но уж никак не пяти тепла и дождю.

— Да, сейчас невозможно предугадать, какая погода будет. Светопреставление!— согласился Курилов.

— Такое ощущение, что земная ось сместилась — в Америке морозы под тридцать, а у нас ростепель!— воскликнула Юлия.

— Ну, сразу уж и земная ось! Просто на планете все взаимосвязано, и с каждым годом внимательному наблюдателю все заметнее, как климат и стихии зависят от отношений между государствами и народами, духовного состояния большинства людей, их нравственности. Важно, что превалирует — добро или зло, светлые, чистые мысли, желания и эмоции или наоборот.

— Мой муж — философ,— улыбнулась Юлия, обращаясь к Земскову.

— Я согласен с Андреем Васильевичем и склоняюсь к тому, что Земля — это космический организм, в котором, как и в человеческом, все друг на друга влияет.

Загудел чайник, и Юлия Алексеевна пригласила всех в соседнюю комнату к столу, накрытому для чаепития.

После первых глотков приятного ароматного чая, располагающего к неспешной беседе, Земсков спросил:

— Друзья,— ведь я могу вас так называть?— и после утвердительных кивков продолжил: — что вы можете сказать по поводу рукописи?

— Хорошая, красивая сказка,— медленно, как бы подбирая не только слова, но и звуки, проговорил Перерушев.

— Игорь!— вскинул брови Курилов, а Леонов недовольно засопел.

— Ничего-ничего,— Игорь Владимирович, кажется?— продолжайте, мне интересно мнение всех присутствующих,— остановил его Земсков.

— А я думаю, что все, написанное в тетради, можно реализовать!— не выдержал Леонов.

— Виктор, я тоже часто мечтаю, что хорошо бы вот это было, да вот так сделать...— глотнув чая, сказал Андрей.— Понимаешь, изложенное в тетради — это идеал, что принято называть «светлым будущим». Но как будет, одному Богу известно.

— Ну, вот уже и Бога притянул,— чувствовалось, Леонов сел на любимого конька.— Просто нужно, имея политическую волю, взять и ввести необходимые изменения разом. Вот и все! И всем будет хорошо!

— Ты что, революцию предлагаешь?! Ну, ты даешь! Мы это

уже проходили, нет, не нужно нам никаких революций!— возмутился Перерушев.

— Да, хватит нам всяких катастроф, крушений и разорений! Этого всего уже достаточно было в стране. Не нужно этого!— поддержал Курилов.

— Вы уж больно горячи...— не ожидая такого накала страстей и обращаясь к Леонову, проговорил Земсков.

— Да я же не снизу предлагаю, а сверху...— стал оправдываться Виктор.

— Сверху, снизу — все одно, резкие перемены влекут за собой многое, вплоть до хаоса,— констатировал Андрей.

— К тому же частная собственность — самая эффективная форма хозяйствования,— подключился Игорь Перерушев.

— Это уже другая тема, Игорь,— перебил его Курилов.— Безусловно, есть доказательства в пользу частной собственности. Форд, например, в свое время добился многого, наш Демидов... Но здесь можно сильно поспорить, так как в каждом конкретном случае она может быть полезной или нет для общества.

— А назовите мне хоть одного создателя-производителя в России из частников в наше время? Нету-ти!.. Вот карманы набивать, да счета в загранбанках умножать, стараясь не платить ничего в казну,— это, пожалуйста! А кто помельче — сплошь посредничество, то бишь, перепродажа, делание денег из воздуха или услуги — и все!— Леонов встал, вылил из чайника остывшую воду в раковину, и, налив свежую, включил его.

— Согласен,— поддержал его Андрей.— Но уже есть, хотя и немногие, а другие примеры. Что касается нашего советского прошлого, то часто очень эффективной оказывалась именно коллективная и государственная собственность.

— Да, космос, ядерный щит, наука, образование, целина...— включилась в разговор Юлия.

— И многое-многое другое, что наше поколение хорошо помнит,— сказал Курилов.

Но в последние годы в СССР все шло уже по инерции, без энтузиазма, что называется, валилось из рук,— промолвил Земсков.

— Само собой, все уже всем надоело!— Перерушев заварил себе чай и сделал знак сделать то же другим. Но Юлия взяла продолжение чаепития на себя.

— Конечно, партократия ничего не хотела делать. Индивидуальная собственность была сильно ограничена, а малая коллективная — в зачаточном состоянии, — Андрей достал из шкафа еще одну коробку конфет и предложил собеседникам. — И когда в 85-м открыли шлюзы, хлынуло все, что было заперто в душах: инстинктивные желания, зависть, патологическое накопительство и стремление обладать, — чем больше, тем лучше, — что долгие годы задвигалось в закоулки подсознания, подальше от людей и собственных мыслей.

— Да, и в тех положительных примерах, которые вы привели, и в отрицательных, везде «королем» является человеческий фактор, — согласился Иннокентий Николаевич.

— Проще говоря, качество человека, — добавил Леонов.

— Совершенно верно!

— Поэтому, сколько ни меняй внешние формы, а все будет зависеть от качества людей, — сказал Курилов. — Будет оно соответствующим — будет работать новое, не будет... дальше не продолжаю. Вот пример, уж насколько жестким было законодательство в 30-е годы, но даже под угрозой расстрела с полной конфискацией работали «цеховики», то есть люди, организовавшие подпольное капиталистическое производство на уровне небольших фабрик. А что уж говорить про шестидесятые — семидесятые годы, когда эти самые «цеховики» проникли и на территории государственных заводов и фабрик, когда махровым цветом расцвела фарцовка и спекуляция валютой.

— Андрей, ну, ты и загнул! — по старой памяти по-приятельски обратился к нему Виктор Леонов. — Да пока этого качества дождемся, уже никакие формы не нужны будут — солнце потухнет! — в шутку добавил он.

— Нет, изменения, конечно, должны происходить, но постепенно и осторожно. Как при игре в шахматы, — укрепил защиту, то есть работоспособную контролирующую вертикаль власти, опирающуюся на идеологию возрождения национальных интересов страны, — сделал шаг вперед, и так далее, — рассудил Курилов.

— Так об этом же и Николай Иннокентьевич, дед мой, пишет! — воскликнул Земсков-внук. — Знаю, читал и полностью согласен! И с тем, что параллельно и опережающими темпами должно всеми средствами — религия, образование, литература и искусство, что в совокупности можно назвать Духовной

Культурой или культом Света,— идти воспитание людей. Другого пути нет, иначе пропасть!

— Хорошо сказали, Андрей Васильевич!— Земсков взял тетрадь своего деда.— Так издадим рукопись?

— Нет, Иннокентий Николаевич.

— Почему? После всего того, что вы сказали...

— Мы все четверо ознакомились с содержанием тетради, труда профессора Иннокентия Николаевича Земскова, и голоса наши распределились так: Виктор Борисович — за публикацию, Игорь Владимирович — против, так как считает это все «сказкой». И мы с женой против.

— А вы-то почему?

— Зачем?

— Ну как же? Значит, профессор Земсков зря писал...

— Почему? Мысль сама по себе жива.

— Да.

— Пусть все идет своим чередом по воле Свыше!— сказал Курилов.

— Ну, а мы-то, мы-то, что? Будем, сложа ручки, сидеть и ждать, пока наступит светлое будущее?!— воскликнул Леонов.

— Зачем же? Не забывая о себе, своем благополучии и благосостоянии, все мысли, слова, чувства, поступки и труд в реальном деле направлять к благу людей, начиная от места, где живешь, и так далее. Вот и все!— ответила ему и на немой вопрос Земскова Юлия.

Курилов обнял жену и поцеловал в щеку.

Все заулыбались, стало тепло и уютно комнате, как будто и не было долгих дебатов на волнующие всех темы.

Андрей незаметно вышел из комнаты и спустился по лестнице вниз. Увидев в окошке вахтерской Богомолова, подошел и спросил:

— Виктор Николаевич, что нам нужно делать, чтоб наступило светлое будущее?

— Так еще Серафим Саровский говорил: «Стяжи в себе дух мирен — и многие вокруг тебя спасутся». Это задача человека — спасение. А в общем плане — да будет на все воля Божья!

— Воистину так! Курилов вышел из здания. Он не сел в машину, чтобы ехать домой, а решил пройти пешком. Несмотря на позитивную атмосферу, воцарившуюся в конторе

перед его уходом, и контакт с Богомоловым, от всех этих «идеологий», от «за» и «против», от споров Андрею было немного не по себе.

Мысли Андрея Васильевича крутились вокруг «Синей тетради». Содержимое ее говорило о хорошем и правильном, но... не реальном. Ведь что получается? Даже если допустить гипотетическую возможность, что Небесные Силы решат спустить «светлое будущее» свыше на нашу грешную землю, ничего не получится — люди, в большинстве своем, не готовы. И тогда придется силой насаждать новое. К чему это может привести — известно, уже есть опыт и его последствия. «До сих пор аукается, в том числе и в моих делах», — подумал Курилов. А если принять точку зрения Виктора Леонова, к чему может привести предлагаемое им? Ясное дело — к еще одному «карантину»! «Не дай Бог! Сколько крови было пролито, была жесткая, а порой и жестокая коллективизация, мобилизационная индустриализация небывалого напряжения сил и жертв народных, репрессии, сотни тысяч искалеченных людских судеб, в том числе и детских!» — проговорил вслух Андрей Васильевич. Идея же Игоря Перерушева и иже с ним о якобы «высшей разумности» свободного экономического рынка, о том, что он может все исправить, поправить и привести в «рай», то есть идея ультралиберализма, которая уже «хорошо» показала себя в действии в нашей стране, да и нигде в мире никогда в чистом виде не применялась, — тоже не выход. «Что же остается, Господи?!» — взмолился он.

И то ли в ответ на его краткое, но горячее обращение, то ли как плод длительных, не только сегодняшних прямых, но и прежних косвенных размышлений, как на экране, предстал перед Куриловым длинный, идущий из-за горизонта путь, по которому размеренно и неторопливо двигалось множество народа. Все они шли в одном направлении, ведомые впереди идущими людьми с высокоподнятыми головами, со взорами, полными веры и целеустремленности. Среди них были люди разных вероисповеданий, о чем свидетельствовали одеяния и предметы религиозного культа. Но особо выделялись — и шли они впереди всех — люди с распятиями на груди и православными иконами в руках.

Андрей, как наяву, видел лица мужчин и женщин, стариков и детей — непохожих один на другого, но глядящих только вперед. Они шли и шли уверенно, так, будто твердо знали,

куда и к чему идут. Он не только видел, но чувствовал их присутствие рядом, будто стоял у дороги, по которой они шли. И в то же время Андрей краем ума осознавал — вся эта дорога вместе с людьми проходила через него, была им самим.

Видение было непродолжительным, но настолько ярким и сильным, что оставило в душе Курилова глубокий след. «А ведь прав-то Виктор Николаевич: главное — это личное спасение, личное духовное совершенствование каждого, в том числе и как пример другим людям, и на основе этого и□х развитие. Тогда и совершенствование общественных институтов на основе всего хорошего и полезного, что *есть в настоящем и было* и в нашей истории, и за рубежом во все времена, будет идти неспешно, но устойчиво, имея под собой прочное людское основание, а не путем прыжков и падений,— утверждался в мыслях Андрей Васильевич.— Однако, при этом, чтобы не было отступлений в обратном направлении, укрепляя власть, необходимо всеми силами защищать то хорошее, что уже есть и будет, выявляя негатив и борясь со злом во всех его проявлениях, одновременно делая упор на положительных примерах, их ставя во главу угла. Это же касается и литературных произведений, положительное целеполагание которых должно, несмотря на высвечивание недостатков, вселять в людей оптимизм. А то получается, как у некоторых, что кроме водки, половой жизни и зависти, у людей ничего в будущем не остается», — добавил он. И на душе от этого осознания у него стало легко и ясно. Даже бывшие все неприятности более не тяготили его, а воспринимались лишь как испытания.

Дома в этот ранний час никого не было. Андрей зашел к себе в кабинет, открыл бар и, достав бутылку старого, еще советских времен, добротного армянского коньяка, сел за стол. В три приема, не торопясь, с перерывами на сигарету, ничем не закусывая, он выпил мягкую, приятную, согревающую все внутри жидкость.

Доза, конечно, была велика. Курилов напился, что случилось с ним весьма редко, напился то ли от внезапно постигшего его озарения, то ли назло всем теориям, «светлому будущему», всяким конспирологиям, этой чиновничьей камарилье, охмуравшим его голову последнее время, и мерзкой сля-

котной, отнюдь не февральской погоде за окном. Коньяк разлился по всему организму, умягчив его, соединив в дурмане опьянения тело, разум и душу, приподнял над всем суетным, мелким, незначительным, как казалось теперь, и закрепил в нем новое постижение жизни.

Курилов сладко потянулся, широко зевнул и, положив руки на стол, опустил на них голову. В уже охватившей его дреме, продолжая улыбаться, он произнес: «Завтра — то-о-олько *реальные* дела. Что-то надо *производить*... полезное. И чтоб *ни-ни-ни-каких зацепок!*..» — и заснул.

Сон объял его, оторвал от окружающей реальности, погрузил в никуда. Но и в этом «никуда» его душа продолжала жить и взывать к добру, любви и справедливости. Уж такой он был человек — Андрей Курилов.

Библиотека журнала «Приокские зори»

Яков Шафран

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Роман в четырех частях

16 +

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», альманах предназначен для детей старше 16 лет.

Компьютерный набор: Я.Н. Шафран
Компьютерная вёрстка и изготовление
оригинал-макета: Я.Н. Шафран
Редактирование и корректура:
Я.Н. Шафран, А.А. Яшин
Оформление: Я.Н. Шафран

Контакты авторов:
E-mail: bonnyans@yandex.ru
Тел.: 8-953-443-14-69

Подписано в печать
Формат 60х84/16 Печ.л. 19,25
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №
Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве «Папирус»
300041, Тула, ул. Ленина, 12
Тел.: (4872) 38-40-09

Яков Шафраш - член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат Всероссийской литературной премии им. П.С. Лескова "Левина" за 2013 г. в номинации "Проза", заместитель главного редактора - ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала "Приокские зори", главный редактор и составитель литературного альманаха "Колоса". Награжден дипломом Международной гильдии писателей и журналистов "Союз писателей" (г. Лейпциг, Германия, 2015), книжку "Листья жизни" (стихи), дипломом "Недаром помнит вся Россия" с вручением медали "МГО, Германий" (МГО СПР), медалями "Василий Шукшин", "300 лет со дня рождения М.В. Ломоносова" (издательство). Лауреат литературного конкурса "Тульский самовар", победитель литературного конкурса "Явинов, открываю Толстого", имеет грамоты и благодарности.

ЯКОВ ШАФРАШ
Круг замкнулся
роман в 4-х частях